

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Юго-Западный государственный университет»
Факультет лингвистики и межкультурной коммуникации
Кафедра теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана»
Факультет лингвистики
Кафедра русского языка

**«ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

**Материалы
IV Всероссийской
научной конференции школьников,
студентов и аспирантов
23-24 января 2013 года**

Курск
2013

УДК 801

ББК 81ВР30+80.9+71

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор
Н.А. Боженкова

Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве: Материалы IV Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов / Науч. ред. Боженкова Н.А. – Курск, 2013. – 201 с.

Редакционная коллегия: Р.К. Боженкова, Д.В. Атанова, Д.В. Прудникова

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы IV Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов «Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве» (23-24 января 2013г.).

В научных работах освещаются актуальные проблемы современного научно-практического знания в области лингвистики: рассматриваются различные аспекты речевой деятельности в контексте межкультурной коммуникации, исследуются возможности языковых трансформаций с учетом ментальных особенностей этноса, анализируются общие вопросы национально-культурной специфики речевого поведения.

Материалы публикуются в авторской редакции.

© Боженкова Н.А. и др.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Апанасенко Ю. В.</i> Медийные аллюзии в произведениях Тимура Шаова	6
<i>Багирова Д.А.</i> Проблемы делового перевода с русского языка на английский и обратно	9
<i>Баженов Н.Ю.</i> Имена существительные с суффиксом –ух(а) со значением лица в русской диалектной лексике	12
<i>Боженкова Н.А., Атанова Д.В., Борко О.В.</i> О некоторых особенностях функционирования политического языка в Китае	19
<i>Боженкова Н.А., Атанова Д.В., Бунакова Е.П.</i> К вопросу об особенностях речемыслительного акта носителей иероглифической культуры	23
<i>Боженкова Н.А., Атанова Д.В., Горбулина Т.Ю.</i> Счетные слова как специфические компоненты современного китайского языка: лексико-синтаксическое описание	27
<i>Боженкова Н.А., Мантулина Ю.В., Павлык Д.И.</i> К вопросу о языковой политике в мире: историческая характеристика	33
<i>Боженкова Н.А., Прудникова Д.В.</i> Когнитивная метафора в нейролингвистическом программировании как способ оптимизации коммуникации (на материале Национального корпуса русского языка)	37
<i>Боженкова Н.А., Прудникова Д.В., Ревина М.А.</i> Функционирование рекламных слоганов в английском языке: синтаксический уровень	44
<i>Гаврилова Т.И., Киктева Е.В.</i> Народно-медицинская лексика в курских говорах	49
<i>Дао Нгуен Тхуй.</i> Бикультурный подход при изучении русской и вьетнамской сказок (на занятиях по РКИ)	51
<i>Диневич И.А., Атанова Д.В., Романова М.А., Кузнецов Д.В.</i> Лексическая контаминация как один из способов разговорного словообразования (на материале русского и немецкого языков)	57
<i>Диневич И.А., Коньшина Е.Е.</i> Категория состояния как прием отражения состояния окружающей среды в русских публицистических текстах	64
<i>Диневич И.А., Оразова Н.О.</i> Эволюционное развитие лексико-семантических единиц категории состояния в русском языке	68
<i>Диневич И.А., Цвырова И.С.</i> К вопросу о статусе модальных слов в русском языке	76
<i>Долгих Е.А.</i> Методические рекомендации для занятий с современной российской сетевой прессой в иностранной аудитории (II сертификационный уровень)	79

<i>Дремова Т.Г., Борзенкова В.Г., Костикова Н.В.</i> Этимология фразеологических единиц в русском языке	86
<i>Дремова Т.Г., Клименко А.Н., Абакарова К.С.</i> Сопоставительный анализ фразеологических единиц с библеизмами в русском и английском языках	91
<i>Дрогунов С.В.</i> Эпистемологические основания гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа	96
<i>Здорикова Ю.Н., Зимин М.О.</i> Словарь в жизни современного студента	104
<i>Ибраева Ж.К., Карбозкызы А.</i> Речевой этикет как отражение этнической идентичности (анализ формы приветствия на материале казахского, русского и английского языков)	106
<i>Кателкина О.И.</i> Смайлики в электронной переписке	111
<i>Летанурс Т.В., Бельчиков В.И.</i> Средства выразительности в речи блогеров как стилистическая особенность текстов молодежной субкультуры	118
<i>Мадиева Г.Б., Ахменова А.Т.</i> Национальный компонент в казахской фамилии	123
<i>Мадиева Г.Б., Тургенбаева А.А.</i> Инновационные технологии в теории обучения иностранному языку в высшей школе	126
<i>Мальшева М.С.</i> О статусе крылатых выражений в современной фразеологической науке	130
<i>Мануйлова Е.О.</i> Особенности функционирования метакоммуникативного компонента высказывания в публицистическом дискурсе	134
<i>Мирзаева Т.Е., Тоскано Р.А., Алферов А.С., Бутакова А.А.</i> Использования немой буквы «Н» в испанском языке	138
<i>Панферова Е.В.</i> Лексическая сочетаемость глаголов эмоционального состояния (на материале русского и английского языков)	141
<i>Петухова Е.В., Никулина Е.В.</i> О фоносемантической природе английских зоонимов	145
<i>Петрова Н.Э., Молашенко Н.В.</i> О речевом этикете и медицинской этике	150
<i>Попова Г.В., Егорова Е.А., Коньшина Е.Е.</i> Языковая картина мира в предвыборных материалах партии «Единая Россия»	155
<i>Попова Г.В., Ермакова Г.А., Ермакова И.А.</i> Фоносемантический анализ поэтического произведения с помощью алгоритма ВААЛ	158
<i>Раздорская О.В., Паронян А.А.</i> Этимологический анализ как средство усвоения профессионально ориентированной лексики	162
<i>Рубцова Е.В., Денисова Н.С.</i> Формирование культуры межличностного и межнационального общения	166

<i>Степыкин Н.И., Маслова А.Е.</i> Разработка классификации английских звуков в процессе преподавания иностранного языка	174
<i>Степыкин Н.И., Локтионова Н.В.</i> Метафора как продуктивный способ образования новых терминов	177
<i>Таубаев Ж.Т.</i> Неофициальные имена в Интернет-коммуникации	182
<i>Уматова Ж.М., Галяпин Р.Д.</i> Гендерный аспект невербальной коммуникации в бизнес-среде	185
<i>Усанова О.Г., Азнагулова А.Г.</i> Социально-коммуникативная компетентность специалистов-документоведов	189
<i>Усанова О.Г., Балабуев И.А.</i> Символика колоризма «розовый» в русской фразеологии	192
<i>Чаплина Е.В.</i> Негативно-оценочная лексика с компонентом «речевая деятельность» (на материале неофициальных орловских интернет-сайтов)	195

УДК 81'22

Ю. В. Апанасенко

Юго-Западный государственный университет

МЕДИЙНЫЕ АЛЛЮЗИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТИМУРА ШАОВА

В статье рассматриваются медийные аллюзии в произведениях современного поэта Тимура Шаова, работающего в жанре авторской песни. Выявляются и описываются основные группы медийных аллюзий в его текстах.

Аллюзия – это явление, часто привлекающее внимание лингвистических исследователей, в том числе в силу своей специфики. Как пишет словарь лингвистических терминов, аллюзия – стилистический прием, состоящий в непрямом указании на известный исторический или литературный факт, намек на предшествующие события, тексты [1, 8]. Но объем и значение этого термина понимается учеными по-разному.

Так, М.Ю. Сидорова, В.С. Савельев, Ю.Н. Караулов включают аллюзию в один из трех основных видов интертекста. С.И. Походня, В.С. Санников трактуют прецедентную аллюзию в широком смысле, объединяют её с цитатой, которую данные авторы обозначают как ссылки на эпизоды, имена, названия мифологического, исторического или собственно литературного характера (Санников 1998). Но при этом Р.А. Брауэр (Brower R.A., «The poetry of allusion», 1959:1,8) чрезвычайно расширяет понятие аллюзии, позволяя подвести под него любое проявление литературной традиции вообще [2].

При всех тонкостях толкования многие современные ученые-лингвисты, сходясь во мнении в том, что аллюзия подразумевает наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам. Медийные же аллюзии – это ссылки на реальные события, широко освещавшиеся СМИ, тиражируемые через каналы современных массовых коммуникаций, художественные ТВ-факты, фильмы, вошедшие в массовое сознание благодаря регулярному показу на ТВ.

Цель данного исследовательского этюда – рассмотреть произведения современного поэта, работающего в жанре авторской песни, Тимура Шаова и выявить основные группы медийных аллюзий в его текстах. Предметом рассмотрения выступили 43 произведения разных лет, наличие медийных аллюзий среди них отмечается в 15. По содержанию их можно разделить на группы. Рассмотрим их.

Все, что мы смотрим, слышим, читаем, – это продукты медийного контента. С этой точки зрения, тексты Т. Шаова – это и своеобразная проекция сущности современного информационного пространства и

одновременно его характеристика. Тимур Шаов в своих песнях аллюзиями намекает на недостатки работы медиа: чрезмерное количество передач, связанных с оккультизмом и сверхъестественными событиями «... бурчит с экрана футуролог злобный: апокалипсисом пугает, ... Падет Звезда Полюнь, грядет разруха» («Ночной свистун») [2], а также управляемость масс-медиа разными структурами, использующими манипулятивные ресурсы медиа «Есть для папы сказка: «Вот жили-были Дума с Президентом. И жили они в радости и ласке» («Сказки») [3].

Через тексты мы можем проследить откровенное неприятие некоторых тенденций и качеств отечественной журналистики рубежа XX-XXI веков, к примеру, коммерциализацию медиа, которая приводит к засилью рекламы «Все врут о вкусе «Рамы. ... Здесь главное – реклама» («Реклама») [3]. К смешению систем ценностей, желанию получить больше читателей, что, по мнению автора, направляет журналистику в русло пошлости и лжи «Вот пишут, в Питере плюс два, снег растает, А в Москве, наоборот, минус двадцать. И сижу я целый день и гадаю: А кому же это выгодно, братцы?» («Наша борьба») [3]. Шаов призывает аудиторию относиться внимательнее к информации, поступающей из медийных источников, говоря о ее отрицательном влиянии на потребителя «Не надо, братцы, слушать пустую дребедень» (Вредная песня) [3]. «Телевизор ежедневно объясняет мне, как лоху, Что, к примеру, экстремизм - это однозначно плохо, А, к примеру, Пугачева - однозначно хорошо!» («Телевизор») [3]

Затрагивает бард тему конкуренции и борьбы за аудиторию среди СМИ при полном единообразии содержания информации: «Если на одном канале скажут: тыква - это овощ, - То другой канал ответит: врите, тыква - это фрукт!» («Телевизор») [3]. Следствие этой борьбы – тоже «отупение» потребителя. Насыщенность информационного потока, обрушивающегося на современного зрителя такова, что он мало-помалу теряет способность мыслить самостоятельно, перенимая навязываемые ему штампы и стереотипы. Шаов, говоря об этом, выстраивает речь в диапазоне от ироничного до саркастичного дискурса, считая, что процесс информационного давления далеко не безобиден, так как искусственно привитые образы способны изменить мировоззрение как отдельной личности, так и картину мира в целом. Бард обыгрывает в своих произведениях речевые штампы, которые часто мелькают на страницах газет: «Лицо кавказского замеса» («Гражданский пафос») [3], «А нам покажут интерактивное шоу, называется «Где раки зимуют» («Наша борьба») [3].

Поэт иронизирует над политическими и общественными деятелями, неизменно мелькающих на экране. Он затрагивает всех от Путина до Клинтона «Тот был бабник, Он это дело знал, А впрочем, как и Клинтон» («И на Солнце бывают пятна») [3]. В один ряд с политиками он ставит героев поп-культуры «Я сижу, смотрю и плачу. Вижу лица дорогие: Бэтман, Дракула, Киркоров, Штирлиц, Путин, Мимино» («Телевизор») [3], намекая

тем самым на одинаковую причину их сверхпопулярности – медийный интерес к ним.

Каждому обществу присущ свой набор ценностей и их приоритеты. Аллюзии на культурно-потребительские ценности массовой культуры в песнях Тимура Шаова раскрывают все болевые точки современного образа жизни: индустрия развлечений сводится к покупке дорогих игрушек, либо, наоборот, опускает человека на дно жизни *«На сивом мерине катался, параноик, Любил других лягушек, многоженец»* («Сказки нашего времени») [3]; *«... посмотреть «Трёх сестёр», выпить водки в буфете, Заработать миллион на торговле бензином. И кричать «Все козлы!» из окна лимузина»* («Шао-дэ-дзин») [3]; популярная культура и ее герои – это то, что продается и покупается *«... триллер, блокбастер, комикс»* («Сказки нашего времени»), *Фредди Крюгер* («Ночной свистун»), *«... тухлую попятину жуют – на классическую музыку плюют»* («По классике тоскуя»), *«пришел Кинг-Конг, Русалочка убита»* («Сказки нашего времени») [3].

Потребительские запросы, насаждаемые средствами массовой информации, далеки от нравственных и культурных рамок поведения *«Все халявное кругом: чай густой, в уксус сладкий»* («Разговор с критиком»); *«... он хочет покруче, завально, круто и клево»* («Сказки нашего времени») [3]. Пишет автор о подмене настоящих ценностей – ложными *«Вместо девушек — секс-бомбы, Вместо фильмов — сериалы!»* («Суррогаты») [3]. Основная проблема у женщин – фигура *«И только жены наши бедные, диетические, бледные, Одуревши от бескормицы, зелень вялую жуют»* («Вредная песня») [3], а у мужчин – заработок любым путем *«Зарабатывают деньги, Только совесть надо всё-таки иметь!»* («По классике тоскуя») [3].

Итак, в текстах Тимура Шаова мы выделяем три крупных группы медийных аллюзий: аллюзии на медийный контент и систему его работы; медийные лица; культурно-потребительские ценности.

Библиографический список

1. Словарь лингвистических терминов. Сост. Л.А. Брусенская, Г.Ф. Гаврилова, Н.В. Малычева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
- Интернет-ресурсы:
2. Электронный ресур. Режим доступа.
http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=4967
3. Сайт Тимура Шаова. Электронный ресур. Режим доступа
<http://www.shansonprofi.ru/archiv/lyrics/shaov>

УДК 070

Д.А. Багирова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

ПРОБЛЕМЫ ДЕЛОВОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ И ОБРАТНО

В статье рассматриваются основные проблемы, встречающиеся при переводе деловой информации с русского языка на английский и обратно. Представлены особенности перевода информации в деловых изданиях, а также причины возникновения трудностей при переводе и подачи деловой информации в международном формате.

Деловая пресса – это тип СМИ, призванный в первую очередь обеспечивать информационные потребности предпринимательства, путем публикации тех или иных материалов (журналистских, статистических, рекламных, законодательных) с целью создания информационного поля, способствуя развитию бизнеса.

Материалы деловой прессы не ограничиваются вопросами экономики и политики: деловой является любая информации, способная привести в движение рынки труда, капитала и товаров.

Многие деловые журналы разных стран, стремясь расширить свою географию, издаются не только на русском и национальных языках, но и на английском. Это не удивительно, если учесть, что английский является языком мирового общения.

К примеру, World Economic Journal выходит на нескольких языках одновременно. Он выходит ежемесячно в России, Америке, Италии, Испании, Германии, Чехии и Израиле. Распространяется по всему миру тиражом в 55 000 экземпляров в странах Евросоюза, Америки и СНГ. Понятно, что в странах СНГ он существует только на русском языке. Во всех других странах – на английском.

Здесь переводчики сталкиваются с огромной проблемой. Журнал не имеет штатных переводчиков, а обращается в опытное бюро переводов.

Проблемы лингвистики двух языков образуют определенный барьер между ними. Если учесть, что перевод с английского на русский удается трудно даже при переводе художественной литературы или развлекательной прессы, такой как женские журналы, то легко представить, что с деловыми материалами, аналитикой и статистикой дела обстоят еще хуже.

Разные жанры текстов СМИ характеризуются разным соотношением элементов сообщения и воздействия, разным весом информации и экспрессивных средств. По-настоящему профессиональный переводчик должен не просто осознавать это соотношение в каждом переводимом им тексте, но и уметь адекватно передать его в переводе.

Деловой язык имеет в себе множество клишированных и стандартизированных выражений, термины и названия, которые в английском и русском языках отличаются друг от друга, и термин, который в одном языке может означать одно, в другом может означать совсем другое.

Здесь при переводе статьи с русского на английский надо уделять особое внимание. Перевод с русского на английский тем более сложен, что при всем своем богатстве русский язык уступает английскому в словесных синонимах делового характера. Понятно, что если приложить эмоциональную окраску, красоту выражения, то к русскому слову можно подобрать множество синонимов, однако деловая пресса не терпит эмоциональной окраски. А вот в английском языке синонимов много и все они могут подходить под одно слово. Различие в том, когда это слово употребить; и здесь все зависит не от субъективной оценки автора, как в русском языке, а от контекста и содержания материала.

Например, глаголы в английском языке, которые означают одно и то же слово – *удивлять*. Это глаголы *astonish, surprise, strike, startle*. Но у каждого своя семантика. *Surprise* – просто удивить, *astonish* – больше, чем удивить, но не поразить, *strike* – поразить, *startle* – больше, чем поразить. И таких слов в английском языке довольно много. Например, слово «редакция» в обычной газете может быть переведено как *edition*, а в деловых более уместно слово *editorial staff* и т.д.

Вообще, языки делятся на аналитические и синтетические. В эти группы вполне конкретно размещаются русский и английский языки. Русский относится к синтетическим языкам. Синтетический язык – это типологический класс языков, в которых преобладают синтетические формы выражения грамматических значений (суффиксы, приставки, ударение). Синтетические языки противопоставляются аналитическим языкам, в которых грамматические значения выражаются при помощи служебных слов. К аналитическим относят английский язык, где все выражается с помощью артиклей и предлогов, которые могут сочетать в себе слова, которые отдельно от предлога имеют абсолютно другое значение. Например, *to look after* – заботиться: *to look* – смотреть, *after* – после.

И это еще одна из сложностей, встречающаяся при переводе. Можно привести легкий пример: русский язык – *зеленая трава, позеленеть, зелень*, английский язык – *green grass, to turn green, greens*.

В этом смысле легче удается перевод, например, с немецкого на русский и обратно. Логика этих двух языков похожа. Тем более, что в немецком языке существует четкая, отлаженная последовательность членов предложения и нет такой широкой системы слов, как в английском языке.

Возьмем пример:

Русский язык – *все в порядке, держать комнату в порядке*

Немецкий язык – *in Ordnung, halten ein Zimmer in Ordnung*

Английский язык – *all is all right, to keep a room in good order*

Однако легче дается перевод с английского языка на русский, чем обратно. Это обусловливается тем, что когда осуществляешь перевод с английского языка, смысл улавливается контекстом и основная сложность после перевода слов на русский язык – собрать конструкцию так, чтобы она не нарушала стилистических законов русского языка. Либо тогда, когда это не возможно, являлась эквивалентом. А при переводе с русского на английский не достаточно знать лишь перевод слов. Так или иначе, даже зная адекватный перевод слов, правильно подобранный в данном контексте, соблюдая грамматику, есть шанс перевести материал не с русского на английский, а с русского на «русский английский», если не уделить внимания определенным конструкциям. Этим грешат практически все российские научные издания, переведенные с русского языка на английский. При чтении их, в принципе, понятно, о чем говорится в тексте, но все это не воспринимается как английский язык. Прочитав такой материал американцу, либо англичанину, будет не трудно понять смысл текста, но в тоже время будет четко виден неграмотный, так называемый, кустарный перевод.

К барьерам перевода также можно отнести русские фразеологизмы и английские идиоматические выражения. Даже самому опытному переводчику будет сложно перевести фразеологический оборот с русского языка и подобрать грамотно эквивалентный ему идиоматический речевой оборот. И так же при переводе английских идиом, даже при полном понимании смысла практически невозможно перевести это выражение на русский язык.

А ведь цель деловой информации – информировать о важных процессах экономики, с помощью которых она напрямую влияет на качество принимаемых предпринимателями решений. В связи с этим любой материал должен обеспечивать полную ясность существенности вопроса, выражать главную суть информации [1, с. 343].

Помимо клишированности, для деловой информации характерна терминологичность. Здесь отмечают 2 основные тенденции – образование аббревиатур и создание терминов-словосочетаний (*cash in hand, cash on delivery, on cash* и т.д.). Название должностей – *the head of the credit department, sale`s manager* и т.п. Здесь приоритетны простые, распространенные предложения – целевые.

Еще одной особенностью является употребление глагола *быть*, хотя в настоящем времени в русском языке он, как правило, опускается. Но в официальном языке он переводится глаголами «являться», «составлять», «входить», «оказываться», «находиться», «есть» и т.д.: *The terrestrial globe is a member of the solar system – Земной шар входит в солнечную систему*. Было бы не правильно и не логично для русского языка, если бы мы перевели это предложение дословно, как *Земной шар является членом солнечной системы* [2, с. 43].

Можно сделать вывод, что язык деловой прессы требует к себе повышенного внимания. Такая информация требует знания и умения пользоваться различными переводческими «инструментами». Такие тексты требуют соблюдения определенных форм написания и построения предложения.

Английский язык в период современной глобализации стал основным языком мирового сообщества. Следовательно, для достижения успеха на международном уровне российские издания стремятся увеличить сеть своего распространения и английский язык для них – главный помощник. Здесь необходимо знание не только общего английского языка, но и специального английского, в данном случае – делового.

В этой точке и соприкасаются проблемы бизнеса и лингвистики. Переводчик обязан знать, как правильно и адекватно можно перевести деловую информацию с русского на английский и наоборот так, чтобы по его вине не было недопонимания и некорректного восприятия бизнес-сообществом экономических процессов мировой бизнес-индустрии.

Библиографический список

1. Гальперин А.И. Очерки по стилистике английского языка. – М., 1958. – С. 343.
2. Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. Теория и практика перевода с английского языка на русский. – М. 1963. – С. 43.

УДК 81'282.2

Н.Ю.Баженов

Самарский государственный университет

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -УХ(А)

СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ

В статье предлагается общий обзор диалектных существительных, образованных при помощи суффикса -ух(а), и их лексико-семантическое описание. Выявлены наиболее крупные лексико-семантические группы таких слов, представлена ареальная характеристика.

За суффиксом имени существительного -ух- в русском языке закрепилось, в числе прочих, значение лица или субъекта действия. Часть общерусских образований с этим суффиксом обладает нейтральной стилистической окраской, например: *старуха, тряпуха, повитуха, пастух, конюх, евнух* и др. Модель образования слов с суффиксом -ух(а) со значением лица представлена в основном словами со сниженной стилистической окраской. Речь идёт прежде всего о таких словах, как *толстуха, потаскуха*, стилистически маркированных жаргонных наименованиях типа *классу́ха*

«школьная классная руководительница», а также о разговорно-сниженных вариантах наименования человека, который может находиться в близких или родственных отношениях с говорящим, типа *братуха, сеструха*. К ним примыкают сокращенные образования от имен собственных типа *Петруха, Танюха* и т.п.

На фоне других суффиксов со значением лица суффикс *-ух-* считается малопродуктивным. В Академической грамматике 1970 г. [2, с. 140-141] и «Русской грамматике» 1980 г. [3, с.] эта морфема признаётся продуктивной лишь в разговорной речи и в просторечии, наряду с суффиксами *-аг(а), -ак(а), -х(а), -ш(а)/-уш(а)*. Несмотря на разнообразие лексических значений признаков, легших в основу номинации, в русском литературном языке такие образования сравнительно немногочисленны (по сравнению, например, с существительными с суффиксами *-ник, -чик, -щик, -ун, -ец* и др.). В значении лица данная модель ныне продуктивна, пожалуй, лишь по отношению к именам собственным (*Петруха*).

Напротив, в русских народных говорах слова с суффиксом *-ух(а)* со значением лица представлены довольно широко, о чём свидетельствуют данные «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ) [1], откуда нами была проведена сплошная выборка таких лексем.

Поскольку эта модель характерна для диалектной лексики, мы сосредоточили основное внимание на лексико-семантической специфике таких слов.

Задачей нашего исследования является общая характеристика и лексико-семантическое описание диалектных лексем со значением лица, образованных при помощи суффикса *-ух(а)*. Нам было важно выделить наиболее крупные лексико-семантические группы таких слов с целью определения признаков, положенных в основу номинации. В результате нами были выявлены наиболее общие лексико-семантические объединения, содержащие лексем, имеющие специфические значения, не характерные для литературного языка.

Диалектные существительные с суффиксом лица *-ух(а)* могут образовываться от глаголов, прилагательных и существительных.

Так, слово *быструха* в значении «бойкая, резвая женщина» (Яросл.) [СРНГ 3, 350] образовано от общерусской основы *быстр-* (ср. *быстрый*). Слово *бабуха* образовано от общерусского существительного *баба* (Муром., Влад.) [СРНГ 2, 29]. Многие слова образованы от собственно диалектных основ. Например, существительное *блыкуха* «легкомысленная, ветреная или развратная женщина» (Пск., Смол.) [СРНГ 3, 32] могло быть образовано от глагола *блыкаться* «бродить, шляться, слоняться без дела, бродяжничать» (Моск., Новг., Великолук., Пск., Тамб., Твер., Петерб.) [Там же].

Поскольку в диалектах отсутствует членение на стили, характерное только для литературного языка как высшей степени реализации национального языка, при исследовании диалектных лексем необходимо

учитывать эмоционально-оценочную составляющую их лексического значения. В таких лексемах нередко «содержится и коннотативный семантический компонент, несущий информацию эмоционального, оценочного характера, которая отражает субъективное отношение говорящего к предмету речи и поэтому нередко сопровождается стилистической окраской» [4, с. 146]. Оценочный характер подобных лексем обусловлен спецификой их лексического значения, поскольку такие слова обозначают носителя того или иного качественного признака. Как показал лексический материал, во многих случаях подобные образования мотивируются основами, которые содержат характеристику человека по его внутренним и внешним качествам. В нашей выборке оказалось больше всего лексем, несущих негативную, неодобрительную оценку денотата: *древу́ха* «болтуня, пустомеля» (Арх.) [СРНГ 8, 179]; *дряну́ха* «дрянной человек», «негодная женщина» (Смол.) [СРНГ 8, 228]; *жабту́ха* «скупая, вечно жалующаяся на свою судьбу женщина» (Смол.) [СРНГ 9, 53]; обозначения жадного человека: *жадну́ха* (Свердл.) [СРНГ 9, 58], *жаду́ха* (Ср. Урал.) [СРНГ 9, 60], *жажи́лу́ха* (Петрозав., Олон.) [СРНГ 9, 60]. Таким образом, в диалектном языке номинируется чаще всего именно такой признак, наличие которого воспринимается глазами носителя диалекта как отклонение от нормы. На наш взгляд, этот факт является показательным, поскольку ещё раз подтверждает неразрывную связь общенародной и диалектной лексики. «Образность, экспрессия, оценочность являются отличительными чертами диалектной лексики» [5, с. 205].

Однако диалектные существительные с суффиксом *-ух(а)* со значением лица имеют широкий спектр лексических значений и среди них не все слова имеют отрицательную оценочную коннотацию.

В русских народных говорах такие слова могут иметь разнообразные лексические значения, в частности, общее обозначение лица. Так, существительное *брату́ха*, зафиксированное в «Словаре русских народных говоров», может употребляться в качестве обращения: «друг», «товарищ» (Курск.) [СРНГ 3, 61], а одно из значений слова *бабу́ха* – общее наименование старухи (Орл., Муром., Влад.) или вообще женщины, бабы (Ср. Урал) [СРНГ 2, 29]. Сюда же можно отнести *векову́ха* (Ряз., Курск., Орл.), *векоу́ха* (Арх., Новг., Симб., Смол.) «старая незамужняя женщина», образованные от общерусского *век* [СРНГ 4, 102]. Слова *деву́ха* (Том.) [СРНГ 7, 201] и *молоду́ха* может служить общим наименованием молодой девушки (Смол., Калин., Иркут., Енис.) [СРНГ 18, 227-228].

Из примеров, приведённых выше, видно, что слова, имеющие идентичное значение, имеются и среди общеупотребительной лексики с указанной морфемой. Помимо этого, в русских диалектах слова с суффиксом *-ух(а)* могут нести и более конкретные значения, нежели простое обозначение лица, некоторые из которых вовсе не встречаются в литературном языке. Перечислим эти значения.

I. Степень родства и положение в семье. Подобные обозначения не характерны для современного литературного языка. В народных говорах, напротив, подобные наименования фиксируются достаточно регулярно. Это такие слова, как *бабу́ха* в значении «прабабка» (Калин.) [СРНГ 2, 29]; *большу́ха* в значении «старшая из сестер, старшая дочь в семье» (Арх., Петерб., Костром., Яросл., Новг., Пск.) или «старшая невестка, сноха, жена старшего сына (обычно бывающая хозяйкой в доме, где нет свекрови)» (Вят., Перм., Новг., Яросл., Твер., Смол., Тамб.) [СРНГ 3, 93]. Слово *брату́ха* может обозначать брата разных степеней родства: родного (Арх., Влад., Перм., Барнаул., Курск., Новг., Влад., Калуж., Ворон., Дон., Терск.), двоюродного (Арх., Север., Вост., Перм.) и сводного (Север., Вост.), а также названного брата (Твер.) [СРНГ 3, 61]. *Дочу́ха* может служить обозначением дочери (Перм., Арх.) [СРНГ 8, 162]. Слово *ма́туха* (вариант ударения: *мату́ха*) является наименованием либо матери (Волог., Арх.), либо старшей женщины в семье (Волог.) [СРНГ 18, 38]. *Ма́чуха* (Петерб., Краснодар.) или *мачу́ха* (Нижне-Арзам.) являются наименованиями неродной матери, мачехи [СРНГ 18, 56-57]. Словом *божу́ха*, образованного от основы *бог-*, в русских говорах называют крёстную (Новг., Арх.) или названую мать (Арх.) [СРНГ 3, 65]. Крёстная мать обозначается словами *кресну́ха* и *крестну́ха* (Карел.) [СРНГ 15, 230]. Лексема *золу́ха* служит обозначением золовки (Сиб.) [СРНГ 11, 337].

Среди слов, характеризующих положение человека в семье относительно других её членов, можно выделить такие слова, как *большу́ха* в знач. «жена большака», т.е. главы семейства; хозяйка, готовящая обед в крестьянском доме (Яросл.) [СРНГ 3, 93]. *Малу́ха* имеет значение «младшая дочь в семье», «младшая сестра», «сноха» (Южн.-Сиб., Урал.), как и *меньшу́ха* (Перм., Волог., Пск., Твер., Яросл., Перм., Нижегород.) [СРНГ 18, 112], а также «младшая из двух женщин в семье, носящих одинаковые имена» (Перм.) и «самый младший член семьи» (Свердл.) [СРНГ 17, 339]. Сноха или невестка может также быть названа *молоду́хой* (Перм., Север., Яросл., Пск., Моск., Ряз., Костром., Твер., Волог., Ленингр., Новг., Прионеж. Карел., Арх., Урал., Сиб.) [СРНГ 18, 227-228]. *Дворову́хой* же называют девушку, принятую в семью, например, в качестве помощницы по хозяйству (Пинеж. Арх.) [СРНГ 7, 191], также *домову́ха* – хозяйка дома или женщина, её замещающая во время отсутствия (Твер.) [СРНГ 8, 119].

II. Вторую и наиболее многочисленную группу составляют существительные, называющие человека по его внутренним качествам, привычкам и особенностям его поведения. В зависимости от обозначаемой реалии, такие слова традиционно неоднозначны в своём оценочном компоненте значения. В частности, к лексемам с отчётливо выраженной отрицательной коннотацией можно выделить наименования людей, ведущих образ жизни, далёкий от общепринятого: *блыку́ха* «легкомысленная, ветреная или развратная женщина» (от *блыковáться*) [СРНГ 3, 32]; *болту́ха* в значении

«праздношатающийся человек без определённого рода занятий» (Калуж.), образованное от общерус. *болтаться* «ходить без дела, слоняться»; *навалуха*, одно из значений которого – «женщина, вынудившая взять себя замуж» (Холмог. Арх.) (ср. диал. *навальщина* «принуждение; что-либо, что делается по принуждению», Новг. и «женщина, напрашивающаяся на замужество», Устьян. Арх.; *навально* «принудительно», Смол.) [СРНГ 19, 148]. Слово *ворогуха* имеет значение «злая женщина, злоумышленница, злодейка» [СРНГ 5, 108].

Отрицательный оценочный компонент могут содержать также слова, обозначающие людей, наделённых определёнными внутренними качествами, не встречающимися одобрения в глазах носителя диалекта. Это такие слова, как *балакуха* «болтунья» (Курск.) [СРНГ 2, 70], *болботуха* «болтливая женщина» (Пск., Смол.) (от *болботать* «бормотать, говорить невнятно; болтать, пустословить») [СРНГ 3, 71]; слово общего рода *болтуха* в значении «врун, болтун, пустомеля» (Ср. Урал.) и «легкомысленная женщина» (Дон.) [СРНГ 3, 83] (от общерус. *болтать* «говорить, разговаривать»); *брезготуха* «крикливая, вздорная женщина, ворчунья» (Твер.) [СРНГ 3, 173] (от *брезготать* «ворчать, брюзжать», Твер.); *брехуха* «лгунья» (Курск., Орл., Ряз., Калуж., Краснодар.) [СРНГ 3, 178] (от общерус. *брехать* в знач. «врать»); *бодруха* «франтиха, щеголиха» (Волог., Смол.) [СРНГ 3, 57] (от *бодрый* «нарядно, щеголеват, по-праздничному одетый; расфранченный», Перм., Волог., Иван., Свердл., Тюмен., Ряз.); *варызгуха* «женщина, быстро и неопратно поглощающая жидкую пищу» (Пск.) (от глагола *варызгать* «очень поспешно есть, хлебать») [СРНГ 4, 62]; *ватрух* «сердитый, угрюмый, недовольный чем-то человек» (Пск.) (то же значение имеет однокоренное слово *ватрях*, Твер.) [СРНГ 4, 73]; *ворчуха* «ворчунья» (Влад.) [СРНГ 5, 129]; *грызуха* «ворчунья, скандалистка» [СРНГ 7, 118]; *измигуха* «насмешница, пересмешница» (Пск.) (ср. *измигун* «насмешник, пересмешник», Пск.) [СРНГ 12, 38]; *изъедуха* «сварливая женщина, ругательница» (Арх.) (ср. *изъеда* «брань, журьба», Ряз.); *крикуха* в значении «крикливая, скандальная женщина» (Брян.) [СРНГ 15, 256]; *молчуха* «молчаливая женщина» [СРНГ 18, 249].

Помимо лексем с отчётливой отрицательной коннотацией, встречаются и слова, содержащие положительную оценку: *быструха* «бойкая, резвая женщина» (Калуж., Курск., Смол., Арх., Вят., Перм., Яросл.) [СРНГ 3, 350]; *веселуха* «весёлый, шутливый человек» (Пск.) [СРНГ 4, 180]; *говоруха* «говорунья, болтунья, любительница поговорить» (Калуж., Пск., Смол., Арх., Вят.) [СРНГ 6, 259]; *гоготуха* «хохотунья» (Пск., Смол.) [СРНГ 6, 265]; *делуха* «деловая, работающая женщина» (Урал.) [СРНГ 7, 214]; *добруха* «добрая женщина» [СРНГ 8, 78]; *моторуха* «бойкая на язык женщина» (Вят., Перм., Краснодар.) [СРНГ 18, 302] (от *моторный* «разговорчивый, весёлый», Перм., Вят. – СРНГ 18, 302). Вообще в определении эмоционально-оценочного компонента решающую роль играет контекст.

III. Слова, называющие человека по особенностям его внешности.

Так, толстую, рыхлую женщину обозначают *волну́ха* (Волог.) [СРНГ 5, 44]; *гладу́ха* «толстая, упитанная женщина» (Южн., Зап., Сев.-Двин., Волог., Яросл.), «полная и моложавая женщина» (Арх.) [СРНГ 6, 180]; *жирну́ха* «полная женщина» (Свердл.) [СРНГ 9, 183]; *красу́ха* «красавица, красотка» (Смол.) [СРНГ 15, 202]; *криву́ха* в значении «одноглазый человек или животное» (Пск.), «косоглазый человек» (Твер., Пск.), «хромой человек» (Твер., Пск.) [СРНГ 15, 251]. Словом *ма́туха* называют высокую толстую женщину (Волог.) [СРНГ 18, 38]. Одно из значений слова *богату́ха* – «богатырь» (Арх.) [СРНГ 3, 45].

IV. Социальная характеристика денотата. Номинации подвергается наличие таких признаков, как богатство, бедность, положение в обществе, наличие каких-либо умений, навыков, а также род занятий человека. В качестве примеров можно привести слово *богату́ха* в значении «богатый, зажиточный крестьянин» (Арх.) и «богатая женщина, богачка» (Арх.) [СРНГ 3, 45]. Одно из значений слова *большу́ха* – настоятельница женского монастыря (Новг., Олон.) [СРНГ 3, 93]. Слово *грамоту́ха* обозначает грамотного человека, в том числе грамотную женщину (Арх., Барнаул.) [СРНГ 7, 78]. Слово *молоду́ха* обладает целым набором лексических значений. Оно может обозначать молодую замужнюю женщину (бóльшая часть территории севернорусских говоров), иногда ещё не родившую, а также невесту, новобрачную (Новосиб., Свердл., Омск., Краснояр., Карел.) [СРНГ 18, 227-228] (О других значениях этой лексемы см. выше). Словом *домову́ха* могут назвать зрелую девицу, переставшую в силу возраста посещать девичьи собрания (Яросл.) [СРНГ 8, 119]. Слово *детину́ха* может обозначать многодетную женщину (Эст.) [СРНГ 8, 39].

Согласно словарным пометам, бóльшая часть описанных диалектных лексем была зафиксирована в период с середины XIX – первой четверти XX века, но продолжает фиксироваться и по сей день. Лексические единицы с суффиксом *-ух(а)* имеют довольно обширный ареал. Особенно это касается слов второй, третьей и четвертой групп. Последние зафиксированы преимущественно в западных говорах на южнорусских территориях (брянские, калужские, курские, рязанские, смоленские и ряд других говоров), на севере (архангельские, олонечские, новгородские говоры), отчасти на территории среднерусских говоров (в районе Пскова). Встречаются они также на территориях Среднего Урала, Сибири и в русских говорах территорий, некогда входивших в состав России (русские говоры Литвы, Эстонии, Азербайджана).

Чуть более ограничены в территориальном плане наименования родства и слова, обозначающие человека по его месту во внутрисемейной иерархии. По данным СРНГ, такие слова зафиксированы в основном на территории северной, северо-западной и отчасти западной части севернорусских говоров (архангельские говоры на севере, говоры на

территории Карелии на северо-западе и новгородские в западной части), на территории южнорусских говоров (в особенности на территории вокруг Орла, Курска, Смоленска), а также на территориях позднего заселения (на территории Приуралья, южной и западной Сибири). Стоит отметить, что слова *божуха*, *кресну́ха* и *крестну́ха*, обозначающие крёстную мать, зафиксированы лишь на севернорусских территориях. Тем не менее, обширность ареала свидетельствует о широкой распространённости описанных лексем.

Таким образом, благодаря народным говорам в русском языке образовался большой пласт слов с суффиксом *-ух(а)*, фиксирующий самые разные характеристики человека. На наш взгляд, особая ценность изучения диалектных лексем, образованных по такой модели, заключается, во-первых, в том, что слова с суффиксом *-ух(а)* гораздо шире представлены в диалектах по сравнению с литературным языком. Во-вторых, основная часть таких лексем со значением лица несёт значения, не свойственные литературному языку (в частности, термины родства, обозначения некоторых внутренних, внешних и социальных характеристик), которые, в свою очередь, задают перспективное направление для исследований в области лингвокультурологии, этнолингвистики, этимологии.

Библиографический список

1. СРНГ – Словарь русских народных говоров. / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб, ИЛИ РАН, 1965–2011. – Вып. 1–44.
2. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М., 1970.
3. Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. – Т. I. – М., 1980.
4. Батырева Л.П. К вопросу о лексической синонимии в диалекте (на материале лексики природы говоров Ивановской области) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995 г. – СПб., 1998. – С. 203-207.
5. Ибрагимова В.Л., Курбангалеева Г.М. Из наблюдений над тематической группой «Человек» в русских говорах Башкирии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995 – СПб, 1998. – 246 с. – С. 145-151.

УДК 808.53

Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова, О.В. Борко

Юго-Западный государственный университет

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ

В статье предлагается анализ основных характеристик китайского политического языка и его структурных типов.

Как известно, политическая лингвистика берет начало еще в древнегреческой риторике, именно поэтому история исследования политического языка представляется весьма продолжительной и, безусловно, географически обширной. Политический язык как самостоятельный блок вербальной системы нации на сегодняшний день свойствен каждой стране мира, однако в рамках определенного этноса он обладает своими специфическими чертами.

В Китае изучение политического языка началось лишь в конце XX в. (в 90-е гг. появлялись разрозненные статьи в научных журналах: [5], [11]) и получило широкое развитие в первом десятилетии XXI в¹. На современном этапе развития китайской филологической науки одними из наиболее важных работ признаются такие теоретически обобщающие исследования, как «Изучение политического языка: обзор и размышление» [11] и «Политика: языковое существование (о построении политической лингвистики)» [7].

В первом источнике рассматриваются некоторые теоретические аспекты и методы исследования политической коммуникации в Китае последних лет. В связи с обсуждением значимости политического языка отмечается: анализ отличается от других языковых исследований тем, что выявляет, как используют язык для достижения своих политических целей участники политической деятельности, а также как общество воспринимает политиков на основе их языковых (речевых) характеристик [6]. Во второй статье автор уделяет внимание скрытой связи между языком и политикой. Латентные взаимоотношения языка и политики составляют одну из значительных и интересных проблем, которую нельзя игнорировать в науке, «однако до сегодняшнего дня изучение политических вопросов с точки зрения языка, изучение языковых явлений в политическом пространстве пока

¹ В России развитие интереса к «языку власти» и «власти языка» произошло примерно в этот же период, в середине 90-х годов, когда появился ряд интересных работ по данному направлению ([1],[2],[9]), которые и определили развитие политической лингвистики на ближайшее десятилетие. В 2003 году было опубликовано первое учебное пособие по новой дисциплине на русском языке - книга А.П.Чудинова "Политическая лингвистика". Это первая попытка в учебной литературе обобщить опыт отечественных исследователей политической коммуникации.

еще не осознано отечественным академическим исследовательским сообществом как самостоятельная область теоретических исследований»² [7].

Учитывая идеи мировой глобализации, тенденции развития политического языка в разных странах сегодня оказываются сходными по своим основным характеристикам. Однако национальный колорит и исторический опыт отдельных государств обуславливает наличие идиочерт политического языка. Так, социальная практика китайского традиционного общества с его специфической исторической памятью, кардинально отличная от общества и культуры иного, «внешнего» мира, сама по себе влияет на политический язык, образуя, таким образом, две разновидности китайского политического языка:

- 1) традиционный китайский язык [8] (язык внутренней политики);
- 2) язык внешней политики.

Язык внутренней политики Китая не совпадает по своим признакам с языком внешней политики, и, согласно У. Берзиня, для него характерно следующее [8]:

1. Традиционный китайский политический язык способствует снижению давления смыслового поля западного (либерально-демократического) дискурса, позволяя осмысливать современные политические процессы в категориальном аппарате китайской политической культуры.

2. Политический язык классической китайской культуры един для последователей всех политических течений Китая и способствует консолидации общества.

3. Китайский политический язык позволяет любому субъекту общественного процесса ощущать причастность к единой культурно-исторической линии. Такую смысловую нагрузку несёт чрезвычайно популярная ныне древняя формула «Поднебесная – общее достояние».

4. Китайский политический язык эффективен в налаживании отношений с Тайванем – правопреемником Китайской республики (возникшей на обломках империи в 1912 г.), а также и другими общинами китайских эмигрантов, в частности, Сингапура.

В качестве примера рассмотрим фрагмент доклада Ху Цзиньтао на 17 съезде КПК, который является одним из основополагающих политических документов нынешней КНР:

民主法制建设取得新进步。政治体制改革稳步推进。人民代表大会制度、中国共产党领导的多党合作和政治协商制度、民族区域自治制度不断完善，基层民主活力增强。人权事业健康发展。爱国统一战线发展壮大。中国特色社

² На сегодняшний день типы исследований в области китайского политического языка схожи с оными в русском языке:

1) дискурсивный подход к изучению политических текстов; 2) изучение политической метафоры; 3) изучение общественно политической лексики; 4) исследование политических текстов; 5) исследование речи политических лидеров.

会主义法律体系基本形成，以依法治国基本方略切实贯彻。行政管理体制、司法体制改革不断深化。[12]

В русском переводе этот фрагмент звучит так [10]: *«Новый сдвиг произошёл в области строительства демократии и правопорядка. Уверенно продвигалась реформа политической системы. Непрерывно совершенствовались институт собрания народных представителей, институт многопартийного сотрудничества и политических консультаций, функционирующий под руководством Коммунистической партии Китая, а также институт национальной районной автономии, возросла жизненная энергия низовой демократии. По здоровому пути шло развитие в области прав человека. Расширился и укрепился патриотический единый фронт. Сложилась в основном правовая система социализма с китайской спецификой, практически осуществлялась основная стратегия управления государством на основе закона. По нарастающей идёт реформа системы административного управления и правосудия.»*

Проявление основных характеристик традиционного китайского языка в данном случае обеспечивается следующими выражениями: «новый сдвиг произошёл», «уверенно продвигалась», «непрерывно совершенствовались», «возросла жизненная энергия», «по здоровому пути шло развитие», «расширился и укрепился», «сложилась в основном», «практически осуществлялась основная стратегия». В них содержатся лишь общие, расплывчатые формулировки, результат действия заменен на описание процесса. Конкретика доклада теряет свои четкие границы, что обеспечивает более мягкое восприятие, появляется осознание причастности к политическому процессу, который еще продолжается, а не завершен.

Переходя к описанию языка внешней политики, стоит отметить, что по структуре и лексике он схож с соответствующим языком других стран. Здесь особенно бросается в глаза современная глобалистическая тенденция наносить оскорбления (чаще в завуалированной форме) своим политическим оппонентам. Например, официальный представитель Министерства обороны КНР Ян Юйцзюнь так выразил протест в отношении касающегося Китая содержания в законопроекте США о национальной обороне: *«В вопросе островов Дяоюйдао кто-то пытается получить прибыль от беспокойной ситуации, и кто-то хочет запугивать людей авторитетом патрона. Все это является напрасным»* [14]. В данном предложении ключевую роль играет местоимение «кто-то», которое употребляется не в своем прямом значении. Его использование в данном контексте, с одной стороны, не позволяет открыто оскорблять своего «оппонента» (США), с другой стороны, акцентирует внимание, намеком давая понять, о ком идет речь.

Приведем еще один пример, в котором Гао Хун, зам. директора Института японистики Китайской академии общественных наук комментирует конфликт Китая и Японии: *«Если японцы оккупируют острова*

Дяоюйдао, или если японское правительство "купит" их, это покажет намерение Японии укрепить контроль над этой территорией. Правительство и народ Китая не будут мириться с этим. Хироюки Курихара, который якобы владеет архипелагом со своими братьями и сёстрами, может начать строительство на островах, после чего туда начнут регулярно ездить японцы. Он, вероятно, заключил какой-то контракт с японским кабинетом министров, и мы не знаем, о чём они в конце концов договорились. Китай должен продолжать внимательно следить за всеми движениями японской стороны в отношении Дяоюйдао» [14].

Здесь отчетливо прослеживается негативное домысливание с использованием таких ключевых слов, как «якобы» и «вероятно». Автор формально пока не утверждает, однако читатели и слушатели воспринимают информацию именно в ключе утверждения, что усиливает эффект правдивости.

Таким образом, целесообразно заключить, что главной особенностью политического языка Китая является его дифференциация на типы в зависимости от характера коммуникативной интенции. В случае с внешнеполитическим языком цель – соответствовать общественно-политическим запросам внешнего мира, в случае с традиционным языком – сохранение национального самосознания и обеспечение правильного декодирования получаемой информации из СМИ и других источников политической информации. Поскольку исследования политического языка Китая начались сравнительно недавно, то целесообразно заключить, что политическая лингвистика этого направления будет поступательно развиваться, поэтому видятся необходимыми дальнейшие исследования в сопоставлении языка внешней, внутренней политики и соответствующих научных подходов.

Библиографический список

1. Алтунян А. Власть и общество. Спор литератора и министра: опыт анализа политического текста // Вопросы литературы. – 1993. – № 1. – С. 173-214.
2. Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского. Идеино стилистический анализ политических текстов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 263 с.
3. Берзиня У.А. Традиционный политический язык в современной КНР // Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 2. М., 2010. – С. 271.
4. Боженкова Н.А., Борко О.В. Инвективная стратегия как механизм организации современных политических дискурсов. // Материалы II Международная научная конференция школьников, студентов и

- аспирантов «Новый взгляд на проблемы современного языкознания». – Курск: ЮЗГУ, 2011. – С.10-17.
5. Ван Юншэн, Чжан Вэй. Искусство языка Мао Цзэдуна — крупнейшего оратора, направляющего исторический процесс Китая 20-го века. — Изд-во Шаньдунского университета, 1996.
 6. Кэ Ян. Исследования политической коммуникации в Китае // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2011. Вып. 3(37). – С. 58-63.
 7. Лей Дачуан. Политика: языковое существование (о построении политической лингвистики) // Литература, история, философия. 2009. № 2.
 8. Мартынов Д.Е. Конфуцианство, 'Великое единение' и язык китайских СМИ // Мультимедийная журналистика Евразии-2012: Сборник трудов и материалов VI международной научно-практической конференции. Казань: Казанский ун-т, 2012. С. 104 – 108.
 9. Проскуряков М. Р. Дискурс борьбы: Очерк языка выборов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. - № 1. - С. 34-49.
 10. Синология. Ру. История и культура Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru/> (дата обращения: 20.01.2012)
 11. Тянь Хайлун. Изучение политического языка: обзор и размышление // Преподавание ин. языков. 2002. № 1.
 12. Ху Цзиньтао. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шицици дайбяо дахуйшандэ баогао. И, Гоцюй уняньдэ гунцзо (Доклад на 17 Всекитайском съезде коммунистической партии Китая. Первая часть: Работа за истекшее пятилетие).
 13. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / Общие проблемы, метафора. Учеб. пособие. Екатеринбург, 2003. – 194 с.
 14. CNTV Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cntv.ru/> (дата обращения: 15.01.2012).

УДК 81

Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова, Е.П. Бунакова

Юго-Западный государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОГО АКТА НОСИТЕЛЕЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Предлагаемая статья представляет собой анализ специфики организации дискурсивных практик носителей иероглифической культуры.

Мышление как один из сложнейших психических процессов является предметом исследования самых разных наук. Представляется, что дискурс, рассматривающий во взаимодействии собственно язык, его психологический базис, и социальную речевую практику, объединяет различные подходы к

описанию процессов порождения, восприятия и обработки смыслов. Так, по словам Муары Чимомбо и Роберта Л.Розберри, «дискурс – это комплексный процесс, состоящий из многочисленных взаимозависящих компонентов. Он возникает из ментальных процессов, пересекающихся, например, с психологическими, социальными, культурными и другими аспектами жизни» [7].

В связи с этим особый интерес для чрезвычайно актуальных сегодня дискурсивных исследований представляют не только привычные для нас алфавитные, но и так называемые естественные языки, опирающиеся на визуальное восприятие. Это, например, жестовый язык тугоухих (глухонемых); сюда же можно отнести языки, использующие иероглифическую письменность, – древнеегипетский, китайский, японский и проч. Можем ли мы утверждать, что способы и механизмы организации дискурсивных практик будут идентичными для данных культур? Рассматривая эти вопросы, мы опирались на нейролингвистические исследования мозга в аспекте способов обработки информации его правым и левым полушариями.

Изучение связи речевых способностей с межполушарной асимметрией началось в 1861 году с работ П.Брока и К.Вернике: их открытия положили начало клиническому изучению мозговой организации речевой способности человека. В результате был сделан вывод: тот факт, что нарушения в правом полушарии мозга, как правило, не влекут за собой речевых аномалий, а зоны Брока и Вернике расположены в его левом полушарии, означает, что левое полушарие является «доминантным», наиболее человеческим, а правое – это нечто вроде атавизма, наследия животного состояния человека [4]. В ходе дальнейших исследований поведения пациентов, перенесших операцию резекции мозолистого тела (морфологического образования, соединяющего полушария мозга), Роджером Сперри, Джозефом Боугеном и Майклом Газзанигой в начале 60-х годов прошлого века было установлено, что каждое из полушарий головного мозга по-разному обрабатывает информацию и имеет свою специализацию: левое аналитически обрабатывает информацию, репрезентированную в вербальной форме, а визуальные образы воспринимает по частям; правое же, наоборот, использует холистическую стратегию обработки информации: оно оказывается задействованным в большей степени при прослушивании музыки, при визуализации и решении задач, включающих в себя сравнение и постепенное изменение. Соответственно, левое полушарие человека ответственно за моторную и семантическую речепродукцию, а правое – за интонационное оформление речи, мимику, жестикуляцию, расстановку ударений и акцентов. Что касается речевого восприятия, то оказалось, что правое полушарие играет в нем очень важную роль. Если оно не действует, то любые, самые ничтожные помехи сбивают левое «с толку», и оно не может воспринимать речь. Но даже если нет помех, человек с «отключенным» правым полушарием не способен

уловить интонацию. Более того, в таком состоянии не представляется возможным узнать мелодию, не удастся спеть даже знакомую песню: правильно воспроизведенные слова ложатся на искаженный до неузнаваемости мотив. Однако при угнетенном левом полушарии, человек, не понимая значения обращенных к нему слов, оценивает мелодику речи гораздо тоньше, чем когда работали оба полушария: ему легко повторить услышанную мелодию, но никак не удастся вспомнить слова любой известной с детства песни. Соответственно, исследователи пришли к общему выводу: визуальные образы и интонационные изменения речи, в отличие от вербально-текстовой информации, поступая в мозг, обрабатываются правым полушарием [5].

Данный постулат, однако, не дает ответа, каким же образом организуется речемыслительный акт у носителей иероглифической культуры, поскольку явно разделить знак их письменности на семантически-конвенциональный (анализируемый левым полушарием) и визуально-аналогичный (анализируемый полушарием правым) компоненты чрезвычайно сложно. Так, на самой ранней стадии своего развития китайское (как яркий представитель исследуемых языков) письмо состояло из иероглифов, являвших собой частично изображения, частично символы. В системе символов современного китайского языка иероглиф для обозначения понятия *дерево* по своей форме начертания похож на рисунок дерева [木 *mù*], а для обозначения понятия *лес* пользуются изображением нескольких иероглифов *дерево* [森林 *sēnlín*]. Очевидно, что это проще и конкретнее, чем некая флексия для обозначения множественного числа в русском, французском или английском языках. Такой иероглифический принцип, как в китайском, принято считать принципом «примарной (первичной) мотивации» формы знака. [4, С.11]

До сих пор во многих иероглифических знаках для обозначения, например, *человека* (人 *rén*), *горы* (山 *shān*), *колодца* (井 *jǐng*), *ямы* (凵 *kǎn*), *обрыва* (凵 *hǎn*), *пта* (口 *kǒu*) и в особенности для именованья различных животных, как-то *лошади* (馬 *mǎ*), *лягушки* (𧈧 *mǐn*) и др., отчетливо прослеживается их первоначальный идеографический характер, а символические знаки употребляются как визуально-графическое выражение пространственных отношений. Примерами последнего служат различные форманты: точка над или под линией, означающая *вверху или внизу* (совр. - 上 *shàng* и 下 *xià*), разделенный диаметром пополам круг для обозначения *середины* (совр. - 中 *zhōng*) и т.п. Однако запас простых знаков на определенном этапе развития языка оказался недостаточным и, подобно тому, как в устной речи прибегали к помощи сочетаний слов, путем объединения простых знаков в группы были созданы иные графические способы выражения сложных значений. В таких случаях смысл сложного знака обыкновенно вытекает из комбинации отдельных сем его составных

частей: знаки *нет* (不 bù) и *прямой* (正 zhèng), поставленные один на другой, означают *криво* (歪 wāi), понятие *хорошо* (好 hǎo) передается при помощи сочетания знаков *женщина* (女 nǚ) и *ребенок* (子 zǐ), иероглиф *слушать* (聞 wén) представляет собой сочетание знаков *ухо* (耳 ěr) и *дверь* (門 mén). При этом чтение всего иероглифического знака не зависит от чтения его составных частей.

Структура же письменных иероглифических символов сравнительно нового происхождения (также составная) имеет несколько другой характер: одна часть сочетания, так называемая глава класса, определяет категорию понятия, к которой слово принадлежит по своему смыслу, а другая – так называемый фонетический элемент – показывает (конечно, лишь приблизительно) его произношение [6]. Примером знаков такого типа могут служить иероглифы *близко* (近 jìn) и *далеко* (远 yuǎn), состоящие из графемы *идти* (辶 chūò), встречающейся в обоих иероглифах и обозначающей понятие расстояния, которое нужно преодолеть для достижения того или иного предмета, и графем *топор* (斤 jīn) – в первом случае – и денежной единицы Китая *юань* (元 yuán) – во втором. Конечно, ни топор, ни юань не имеют отношения к понятиям расстояния, данные символы служат лишь «фонетиками» для иероглифов, в которые они включены, и указывают на чтение целостного знака.

Соответственно, каждый иероглиф китайского языка – это обозначение семантики какого-либо перцептивного образа с помощью символического изображения. При чтении (корректнее, восприятии) иероглифики понимание заложенных в них смыслов происходит мгновенно и целостно. Что касается алфавитных языков, то в них слова «раскрывают» свое содержание только после полного прочтения (анализа) всех букв, причем в соответствии с порядком их написания. Таким образом, можно утверждать, что при работе с текстами на китайском (как и другом иероглифическом) языке активно задействуется правополушарное пространственно-образное мышление с его холистической стратегией обработки информации: иероглиф представляет смысл как цельный образ, его внутреннюю форму не всегда можно вывести из аналитически расчлененной совокупности черт или графем, из которых он состоит. Данный факт, вероятно, не только определяет иные механизмы организации дискурса, в который включены представители данных культур, но и играет не последнюю роль в формировании ментальных особенностей этноса.

Библиографический список

1. Боженкова Н.А., Осьминина О.С. Художественный текст как отражение психологического состояния сознания автора // Материалы I

Международной научной конференции школьников, студентов и аспирантов «Новый взгляд на проблемы современного языкознания». – Курск, 2010.

2. Боженкова Р.К. Речевое общение как лингвокультурологический феномен и процесс адекватного понимания текста (на материале русского языка): Дисс... докт. филол. наук. – М., 2000.

3. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. – М., 2000.

4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 2001.

5. Грубе В. Китайский язык и письмо // Все о Китае. – М., 2001.

6. Демидов В. Как мы видим то, что видим // Знание. – М., 1987.

7. Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ.

Выпуск 1. Серия «Дискурсология». – Екатеринбург, 2006.

8. Чжоу Югуан. Модернизация китайского языка и письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. – М., 1989. С. 387.

9. www.Zhonga.ru .

УДК 81

Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова, Т.Ю. Горбулина

Юго-Западный государственный университет

СЧЕТНЫЕ СЛОВА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Статья посвящена лексико-синтаксическому описанию категории счетных слов современного китайского языка с точки зрения различных подходов. Подробно рассматриваются значение и функции данных единиц.

Одним из своеобразных идиовербальных явлений современного китайского языка выступает особый класс служебных слов, называемых **счетными словами** (китайский традиционный 量詞, упрощенный 量词 *liàngcí*). В эту группу входят единицы, при помощи которых числительное может сочетаться с существительным. Так, если в русском языке допустимо сказать *один стол*, то в китайском после числительного обязательно следует счетное слово. Например, 张表 *yí zhāng biǎo* / *один стол* (дословно *один лист стола*). В общей сложности в китайском языке насчитывается более ста счетных слов.

Счетные слова образуются от существительных, каждое из которых используется более или менее определенным кругом слов, потому их еще называют классификаторами, имея в виду, что они формируют соответственные классы лексических единиц: данного термина придерживается советский синолог И.В. Горелов, определяя его как «особый

класс служебных слов. Назначение классификатора – указать, к какой смысловой категории относится существительное. Смысловая же категория будет определяться в зависимости от определенного признака, которым обладает данный предмет, обозначенный этим существительным» [4].

В.М. Солнцев в работе «Введение в теорию изолирующих языков» полагает оптимальными такие номинации данной категории, как **классификаторы, счетные слова, единицы измерения**, выявляя при этом сходства и различия данных понятий [8]. А.А. Драгунов разделяет классификаторы на две группы: «слова, обозначающие единицы измерения, и... слова, таковых не обозначающие» [5].

В своих ранних работах Люй Шусян использует термин **单位指称 danwei zhicheng / мерные указательные слова**, позже заменяя его на **量词 liàngcí / мерные слова** (вспомогательные существительные). Этому же определению придерживаются Ли Дэцзин и Чен Мэйджэн [10]. Ван Ли в своем исследовании отмечает: «При обозначении числа лиц или предметов в современном китайском языке между числительным и названием предмета или лица добавляется существительное, обозначающее единицу счета (счетное существительное) **单位名词 danwei mingci**».

Гао Мин-кай именует классификаторы **мерными словами** и подразделяет их на две категории: **слова для счета единиц** и **слова, используемые для отражения количества раз**, отмечая, что такие слова являются «пустыми», поскольку они всего лишь уточняют класс, к которому относится данное существительное или же указывают на их особенности [10].

Существует множество классификаций счетных слов, в основе каждой из которых лежит определенный синтаксический или семантический признак. Ван Ли в работе «Основы китайской грамматики» предлагает свою классификацию счетных слов, подразделяя их на **природные**, употребляющиеся для обычного поштучного счета предметов (напр. **个 ge/штука**, **支 zhi/штука**, **条 tiao/полоска** и т.д.), и **внешние**, включающие названия единиц измерения (**尺 chi/фут**, **斗 dou/мера**, **斤 jin/фунт**, **里 li/ли** и т.д.). Выделяются также **собирательные** существительные (единицы **群 qun/толпа**, **班 ban/группа** и др. используются, когда говорится о людях; слова **杯 bei/стакан**, **车 che/машина, повозка** и др., – когда речь идет о предметах). Обе эти группы являются единицами счета [3, с. 82-83].

Другие классификации счетных слов разбивают их на несколько категорий: одни имеют собственное лексическое значение и эквиваленты в языке перевода, другие – это именно классификаторы, выполняющие служебную функцию, третьи – слова, используемые при счете.

В книге Люй Шусян «Очерки грамматики китайского языка» представлено деление счетных слов на девять групп, при этом внимание акцентируется на последней, включающей счетные слова к глаголам: 次 *ci/раз, разок*, 回 *hui/раз*.

Ли Дэцзин и Чэн Мэйчжэн выделяют **номинальные счетные слова**, указывающие на количественное отношение людей, предметов, и **счетные слова к глаголам** (глагольные счетные слова), обозначающие количество действий глагола.

Итак, большинство классификаций основывается на разделении классификаторов на две большие группы по грамматическому признаку: принадлежности к существительному или глаголу.

Именные счетные слова используются для исчисления предметов. Они ставятся после числительного перед существительным, т.е. в препозицию к основному лексическому компоненту. Ниже представлены наиболее употребительные классификаторы:

Счетное слово	С чем употребляется	Примеры
个(gè)	Универсальное счетное слово, указывает на нейтральный класс предметов, имеет обобщенное значение	两个人
位(wèi)	Для людей, количество персон (слово имеет уважительный оттенок)	一位同学, 两位老师
只(zhī)	1. Все животные и птицы, кроме тех, для которых традиционно употребляются 匹, 头, 峰 и 条 2. Парные предметы 3. Предметы прямоугольной формы 4. Корабли, суда	两只小鸟, 两只耳朵, 两只手, 一只小船
条(tiáo)	1. Тонкие, узкие, продолговатые предметы, для рыбы 2. Реки, улицы 3. Продолговатые (вытянутые) предметы стандартной формы, размера	一条裙子 一条裤子一条线, 三条鱼, 一条大河, 一条大街
张(zhāng)	1. Листы чего-л., плоские предметы 2. "Плоские" предметы мебели 3. Лицо, части лица	一张地图, 一张床, 一张桌子, 一张纸,
株(zhū)	Растения, деревья	一株树

块(kuài)	Указывает на существительные, не имеющие правильной формы, в виде куска чего-либо	一块桌布 两块香皂
节(jié)	1. Уроки 2. Предметы, образующие комплект	三节课, 三节电池
台(tái)	1. Акты, действия представлений 2. Приборы, механизмы, промышленные машины	一台戏, 一台话剧, 一台机器
把(bǎ)	1. Предметы с ручками (ножи и т.д.) 2. Горсть (как мера)	一把刀, 一把剪子, 一把椅子, 一把米
顶(dǐng)	Предметы, находящиеся сверху чего-либо (например, шляпы)	一顶帽子, 一顶帐子
座(zuò)	Здания, сооружения, детали ландшафта	一座山
间(jiān)	Комнаты, помещения	一间卧室
辆(liàng)	Автомобили, повозки, средства передвижения на колесах	一辆汽车
件(jiàn)	1. Предметы одежды 2. Дела, события 3. Мебель, поклажа	一件衬衫, 一件大事, 两件家具
封(fēng)	Почтовая корреспонденция	一封信, 一封电报
首(shǒu)	Стихи, песни	一首诗, 两首词
篇(piān)	Статьи	一篇文章, 两篇报告
幅(fú)	1. Картины, полотна 2. Полотна, ткани, куски материи	一幅画, 一幅布
本(běn)	Книги, документы, т.е. то, что имеет переплет	一本书, 一本笔记本
家(jiā)	Семьи, фирмы, магазины	一家人家, 两家商店
种(zhǒng)	Сорт, вид, порода, разновидность предмета	一种动物
句(jù)	Счетное слово для счета предложений, фраз, пословиц	一句话
届(jiè)	Счетное слово для встреч, собраний, переговоров	第三届会议
束(shù)	Счетное слово для счета связок, пучков, цветов	一束花

杯 (bēi)	Счетное слово для стаканов, бокалов, рюмок с различной жидкостью	一杯咖啡
瓶 (píng)	Счетное слово для бутылок, банок (с жидкостью)	一瓶啤酒
双 (shuāng)	Счетное слово для парных предметов, например, ботинок	一双皮鞋
套 (tào)	Счетное слово для комплектов, наборов (например, посуды), для домов	一套茶具, 一套房子

Глагольные счетные слова указывают на частоту совершения того или иного действия. Обычно они ставятся на последнее место после глагола и числительного, т.е. в постпозицию к основному лексическому компоненту. Эквивалентом данной единице в русском языке может служить частица *раз*, например, *смотрел фильм два раза, обедал три раза* и т.д.

Счетное слово	С чем употребляется	Примеры
次 (cì)	Для действий, событий	参加三次
遍 (biàn)	Используется для счета действий, совершенных от начала до конца (раз)	念一遍
顿 (dùn)	Для приемов пищи, для действий	吃三顿午饭 – обедал три раза
下儿 (xiàr)	Для различных действий	想一下儿

В синтаксическом отношении сочетание числительного и счетного слова в китайском языке называется **счетным комплексом**, который, по Л. Блумфилду, является экзоцентрической конструкцией – ни один из его элементов (т. е. ни числительное, ни счетное слово) не может употребляться самостоятельно, в функции отдельного члена предложения. Иными словами, счетный комплекс является неделимой конструкцией и в предложении используется как определение к именному члену (подлежащему или дополнению) [1].

В некоторых контекстуально зависимых предложениях определяемое существительное может быть опущено, и тогда счетный комплекс используется в качестве именного члена предложения. Например: 三个来了, 两个没来 *san ge laile, liang mei lai/ трое пришли, а двое не пришли*. Здесь опущено существительное 人 *ren/человек* и счетный комплекс выполняет роль подлежащего.

Таким образом, обзор различных китайских грамматик позволил установить, что счетные слова, употребляемые в качестве показателей единичности считаемых предметов или явлений в атрибутивном

словосочетании числительного с существительным либо с глаголом, обычно указывают на принадлежность существительного к определенному семантическому классу, что в свою очередь при условии отнесенности китайского языка к языкам корневого типа служит одним из способов выражения грамматического значения.

Библиографический список

1. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. под ред. и с предисл. М.М. Гухман. – М.: Прогресс, 1968.
2. Боженкова Р.К., Боженкова Н.А. Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 2011.
3. Ван Ляо-и (Ван Ли). Основы китайской грамматики / Пер. с кит. Г.Н. Райской под ред. А.А. Драгунова и Чжоу Сун-юаня. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954.
4. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. – М.: Просвещение, 1984. – С. 50-84.
5. Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. – ЛГУ., 1952.
6. Задоевко Т.П. Основы китайского языка. Основной курс. – М., 1986.
7. Курдюмов В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. – М., 2005.
8. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. – М., 1995. – С. 353.
9. Яхонтов С. Е. Грамматические признаки служебных слов // Пятая научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
10. Практическая грамматика китайского языка для иностранцев. Ли Дэцзин, Чэн Мэйчжэнь. – Пекин. Издательство пекинского университета. 1988.
11. (外国人实用汉语语法。李德津，程美珍。北京。北京大学出版社。1988年)。11. Учебный справочник китайских счетных слов. (Китайские счетные слова без слез). Чу Пэйжу, Цзинь Найлу.- Пекин. Издательство пекинского университета. 2002.
12. (汉语量词学习手册。褚佩如。金乃逵。- 北京。北京大学出版社。2002年。—198页。)。
13. 新华字典。北京，1975年，5页。(Синьхуа словарь. Пекин, 1975, 5).
14. <http://dic.academic.ru>.
15. <http://philologam.com/kitayskiy/1190-schetnye-slova-v-kitayskom-yazyke.html>.

Н.А. Боженкова, Ю.В. Мантулина, Д.И. Павлык

Юго-Западный государственный университет

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В МИРЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ

В статье анализируется языковая ситуация в мире, приводятся примеры языковой политики, проводимой государствами.

Общеизвестно, что «язык любого народа – ведущий показатель исторической общности людей, которую принято называть термином «нация»» [1]. О проблемах языка и этноса немало говорится в научных публикациях, в СМИ, в обществе, однако языковая ситуация в мире быстро меняется и требует постоянного изучения. Прежде всего, интересно оценить принципы проведения языковой политики³ многонациональными государствами.

Изучение мирового опыта показывает, что языковая политика может быть весьма многообразной, поскольку подчинена закону, определяющему, каким языком следует пользоваться в тех или иных официальных ситуациях. Так, большинство современных развитых государств построено по национально-превалирующему принципу либо по принципу объединения разных этносов в единое целое. Особенно яркий пример здесь — Франция, где большое значение придается законодательству; не менее жесткая политика проводится в Великобритании. В обеих странах в школах, например, разрешается учить и говорить только на родном языке.

Наряду с одноязычным типом языковой политики существуют и другие типы. Так, выделяются государства, где нет единого государственного языка: Югославия, Африка, Индия – в этих странах ни один язык не может считаться языком большинства. При этом отметим, что страны с подобной политикой выбирают различные пути развития языковой ситуации.

Один из возможных путей указала Швейцария, где ни один язык не может считаться господствующим, а каждый гражданин имеет полное право быть одноязычным. Как показывает практика, выдержать этот принцип довольно сложно. Например, швейцарская доктрина была взята за основу в бывшей Чехословакии: в 50-х гг. там даже при трансляции футбольных матчей репортаж попеременно вели чешский и словацкий комментаторы. Напомним здесь, что выбранная языковая политика не способствовала государственному единству — в результате обособление Чехии и Словакии.

Еще один вариант подобного языкового принципа — использование как государственного «ничьего» языка, часто языка бывших колонизаторов. Иногда это единственный официальный язык, как в большинстве стран

³ Языковая политика – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве [3].

Тропической Африки. Иногда же выстраиваются некие два этажа государственных языков: в Индии государственных языков 16, но все они, кроме английского и санскрита (языка религии), — официальные языки разных штатов, а на общегосударственном уровне преобладает английский.

Кроме того, возможно использование одного из языков меньшинств. Это может быть язык политически господствующего меньшинства, как в ЮАР в годы апартеида. Возможны и другие случаи: в Индонезии после установления независимости общегосударственным языком стал малайский, теперь именуемый индонезийским; малайцы не только не составляли большинства, но даже не были самым многочисленным народом Индонезии. Сходная ситуация сложилась и в странах Восточной Африки, Танзании и Кении. Язык суахили в этих странах не был языком большинства, но как торговый язык он был известен и многим людям других национальностей. В Японии единственный исконный язык меньшинства — айнский — исчез менее, чем за столетие во второй половине XIX в. Айны знали только свой язык, а к середине XX в. для всех родным языком стал японский.

В России языковая политика претерпела сложный, неоднозначный и даже противоречивый исторический путь. Так, в 1918 г. суть языковой политики сводилась к следующему (вспомним слова народного комиссара национальностей РСФСР И. В. Сталина): «Никакого обязательного «государственного» языка — ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют национальному составу ее населения, причем соблюдается полное равноправие языков, как меньшинств, так и большинства во всех общественных и политических установлениях» [2, с. 75-76]. Объективно политике равноправия всех языков в нашей стране противостояли два фактора, из которых тогда осознавался лишь один: недостаточное развитие многих языков. Вся проблема состояла в том, что значительное их число просто не имело стабильной нормы: одни были бесписьменными, другие пользовались письменностями, которые в те годы оценивались как «несовременные», «тянущие в прошлое» (арабская, старо-монгольская). Как следствие, конец 50-х – начало 60-х гг. в СССР – период наиболее активной русификации: проводилась школьная реформа, в том числе введившая право родителей выбирать для своих детей язык обучения. Как результат, резко сократилось количество национальных школ, в которых ранее не было возможности полноценно выучить русский язык. После 1991 г. развитие языковой политики в России и в других странах, образовавшихся на «развалинах» СССР, пошло по-разному: в большинстве новых государств был принят курс на развитие функций новых государственных языков и снижение роли русского языка. Обратимся хотя бы к ближайшим соседям – Украине, – где зачастую законопроекты о языках (в частности, присвоение русскому языку статуса регионального) поддаются жесткой критике, как направленные на русификацию Украины. Иная ситуация сложилась в

современной России: здесь привычка к всеобщему использованию русского языка сохранилась и даже усилилась по сравнению с советским временем. Сегодня языковые проблемы в нашей стране регулируются Федеральным Законом «О государственном языке Российской Федерации» [5], в котором особое внимание уделяется значению и функционированию русского языка на мировой арене, вопросу укрепления его позиций через повышение интереса к его изучению иностранным контингентом. Естественно, что при нынешнем уровне знания русского языка в России использование какого-либо другого языка в сношениях между центром и регионами нереально. Соответственно, закон регламентирует лишь некоторые сферы употребления языков, главным образом те, в которых применение русского языка очевидно (подготовка проектов российских законов, передачи всероссийского телевидения и радио и др.). Все более сложные вопросы передаются на усмотрение местных органов власти. Так, калмыцкий и подобные ему языки еще нельзя назвать вымирающими: в бытовом общении в сельской местности они достаточно устойчивы. Но где смогут, исключая бытовое общение с сельскими родственниками, использовать полученное в школе знание калмыцкого языка дети, живущие в Элисте?

Естественно, что без языковых конфликтов не обошлась история ни одной страны. Они приводили к кровавым столкновениям, как это было, например, в 60-х гг. в Индии, когда пытались придать языку хинди статус общегосударственного. В Южной Индии, где господствуют дравидийские языки, совершенно непохожие на хинди, начались массовые демонстрации народа, не желавшего учить чужой язык; в результате погибли десятки людей. Вспомним здесь и этнополитический Карабахский конфликт, когда острый запас напряженности между азербайджанцами и армянами привел к военным действиям в Закавказье.

Современная языковая ситуация в мире, наоборот, характеризуется повышением внимания к многообразию языков, усилением роли немногих привилегированных языков, поиском единого международного языка, которым всё чаще сегодня выступает английский язык: резко увеличились международные связи; бурное, взрывное развитие телекоммуникаций и Интернета ещё больше усиливает роль английского языка. Многим людям, особенно коммерсантам и ученым, теперь приходится независимо от их желания учить этот язык. Всё это естественно, поскольку обеспечивает потребность взаимопонимания в новых, более сложных условиях. Но у этого процесса есть и обратная сторона – появляется элемент принудительности, оказываются задетыми национальные чувства многих людей. В некоторых странах, особенно во Франции, государство принимает меры, чтобы поддержать роль своего языка и защитить его от англо-американского наступления. В последнее время начинают говорить о необходимости таких мер и в России. В этих болезненных вопросах лучшая

стратегия – учитывать все противоречивые потребности людей, стремиться к максимально безболезненному компромиссу.

Однако, отмечая значимость английского языка в современном мире, необходимо учитывать его разделение на американский и британский варианты. Так, пока в мире сохранялось политическое и экономическое господство Англии, британский английский был эталоном. Однако уже с середины XX века ситуация в корне изменилась, на мировую арену в качестве лидера Западного мира вышли США и американский вариант английского языка стал общепризнанным языком международного общения.

Именно американский вариант сегодня изучается в учебных заведениях всего мира (к сожалению, в меньшей степени пока – в России). В сознании японца или китайца, немца или литовца, гватемальца или бразильца английский язык – это его американский вариант. Доминирование американского варианта над британским в сегодняшнем мире – объективный процесс, США – единственная держава, распространяющая свое политическое, военное и экономическое влияние на весь мир: американская поп-культура, музыка, кино, телевидение доминирует в мире; американские обычаи, нравы и принципы поведения становятся нормой в мире бизнеса и журналистики. Не признавать этих процессов нельзя, как и нельзя отрицать объективной реальности, что американский вариант английского языка – это сегодня язык международной политики, бизнеса, финансов, туризма, поп-культуры и межличностного общения.

Однако, как показывает вышеописанная хронология фактов, языковая ситуация в мире постоянно меняется. Исходя из этого и принимая во внимание, например, распространяющееся господство КНР или популярность Латинской Америки сегодня, естественно будет предположить, что через пару десятков лет, китайский, испанский или любой другой язык, пройдя сложный и противоречивый путь и вытеснив английский язык, все же выйдет на мировую арену. В свете прогнозируемых событий, в списке языков «номер один» особо стоит отметить русский язык как язык великой державы, язык, на котором думает подавляющая часть населения планеты, язык, принадлежащий самому сплоченному, открытому, сердечному народу [4]; именно поэтому сегодня стоит обратить внимание на его статус, прежде всего, в нашей стране, подчеркнуть его богатство, выразительность и этническую специфику.

Библиографический список

1. Боженкова Р. К., Боженкова Н. А., Шаклеин В.М. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 608 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 2004. – С. 75-76.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

4. Молодежь и XXI век-2012 [Текст]: материалы IV Международной молодежной научной конференции (23-25 апреля 2012 года), в 3-х томах, Том 3, Юго-Зап. гос. ун-т., А.А. Горохов, 2012. – 248 с.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

УДК'81

Н.А. Боженкова, Д.В. Прудникова

Юго-Западный государственный университет

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОГРАММИРОВАНИИ КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Статья представляет собой опыт таксономизации моделей когнитивных метафор с позиций методики нейролингвистического программирования.

Великое благо – быть мастером метафоры. Это единственное, чему мы не можем научиться у других.

Аристотель

Метафора, будучи явлением сложным и многогранным, привлекала внимание ученых разных направлений – логиков (Д. Дэвидсон), стилистов (А. Ричардс, И.Р. Гальперин), антропологов (Дж. Вико, В. фон Гумбольдт, Э. Кассирер, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер), когнитивистов (Х. Ортега-и-Гассет, М. Блэк, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, С.Р. Левин, Т. Кун), психолингвистов (Дж. Миллс, Р. Кроули, Джозеф О'Коннор, Дэвида Гордон, Р. Бертон, Р. Кейт, Гарри Олдер, Берил Хэзер) и др., проводящих исследования по разработке методики нейролингвистического программирования. Думается, последнее направление в изучении метафоры является одним из наиболее актуальных, поскольку функционирование индивида в обществе, включающее успешность его коммуникации с социумом, умение адекватно передавать личный опыт, выражение собственного «Я», а соответственно, и мировоззрения, требует «особых» знаний и умений не только с точки зрения социолингвистики, но и с позиций психолингвистики (и нейролингвистического программирования как одного из её методических компонентов).

Обратим внимание, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны, поэтому метафора как феномен сознания проявляется и в мышлении, и в действии. Исходя из этого вполне логичной оказывается попытка изучить когнитивную метафору как технику оптимизации

коммуникации между индивидами в аспекте нейролингвистического программирования.

С точки зрения К. Маданес, коммуникация между людьми построена по типу аналогий, а «все человеческое поведение может быть так или иначе представлено на языке метафор разного уровня абстрагирования» [7, с. 121].

Дж. Миллс и Р. Кроули называют когнитивную метафору видом «символического языка» и считают ее полезным инструментом общения в тех ситуациях обучения, когда необходимо найти новое понимание проблемы человеком [8, с. 226].

Гарри Олдер, Берил Хэзер пишут, что метафора указывает на нечто другое, имеет иное, небуквальное значение. По существу, она помогает понять нечто малопонятное в терминах известного и знакомого нам [10, с. 123].

Кроме того, когнитивная метафора способствует увеличению осознанности того, что человек в данный момент чувствует, ощущает, намеревается совершить или уже совершает, благодаря исследованию новых граней происходящего, открытых с ее помощью. Обдумывая проблему и создавая метафору, индивид в процессе фантазирования использует внутри себя небольшое количество доступной ему энергии. Этот процесс делает человека способным разрешить свои проблемы в реальности [10, с. 124]. Следовательно, когнитивную метафору можно определить как способ продуцирования такого количества энергии, которое необходимо и достаточно для осуществления эффективного действия во внешнем мире, а значит, и успешной коммуникации [4, с. 204].

Важно отметить, что в зависимости от характера коммуникативной ситуации, в которой находится индивид, и от целей, которые он ставит перед собой, разнится выбор видов когнитивной метафоры, являющихся своего рода «приёмами» при обеспечении успешности коммуникативного акта.

Так, таксономизация видов когнитивной метафоры выглядит следующим образом:

- 1) простые и сложные метафоры (Джозеф О'Коннор) [9, с.78];
- 2) формальные и эффективные метафоры (Дэвид Гордон) [5, с. 65];
- 3) естественные и сконструированные метафоры (М. Эрикссон, К. Лэнктон, С. Лэнктон) [2, с. 101];
- 4) прямые и косвенные метафоры (Р. Бертон и Р. Кейт) [2, с.105].

Первое разграничение когнитивных метафор в рамках методики нейролингвистического программирования производится по количеству концептуальных пространств.

Как полагает Джозеф О'Коннор, *простые метафоры* включают одно концептуальное пространство и благодаря этому «приближают» к разрешению какой-либо задачи мгновенно, создавая в сознании индивида «мостик» между реальной ситуацией и описываемым абстрактным явлением: *стать звездой* (стать знаменитым = букв. быть на виду у всех подобно

астрономическому объекту), *зайти в тупик* (запутаться = букв. зайти на улицу, не имеющую прохода или проезда), *с глазу на глаз* (лично = букв. без свидетелей, у участием двух лиц); *белый, как простыня*⁴ [13]. Таким образом, используя в процессе коммуникации простые метафоры, ставшие устойчивыми выражениями, мы порождаем яркий образ в картине мира собеседника посредством «пробуждения» ассоциаций, и тем самым предрасполагаем его к общению.

Сложные метафоры – это истории, содержащие множество смысловых уровней, несколько концептуальных пространств. Нейролингвистическое программирование чаще имеет дело со сложными метафорами: аналогиями, аллегориями и сюжетами. В частности, носитель языка пользуется историями с несколькими смысловыми уровнями [9, с.104]. Они не всегда охватывают какое-либо четкое содержание и, скорее, призваны раскрыть и активизировать еще не доступные ресурсы слушателя. В целом, сложные метафоры стимулируют мышление. В некоторых случаях они вовлекают в поле рассмотрения проблему, ранее не известную ни рассказчику, ни слушателю, так как обращаются непосредственно к подсознанию [9, с. 102]: *В ответ на горестное заключение письма твоего скажу: «Если ужасное пробуждение описанного тобою несчастливца было не что иное, как новый сон, если он вторично откроет глаза, если все ужасы вокруг его исчезнут, если Морфей унесёт их с собою в царство ничтожества и теней? Мелодор! Нам не век жить в сём мире. Ударит час, и всё переменится!»* [13] (в данном предложении при описании «удручающей» жизни человека наблюдается разложение сразу на несколько концептуальных пространств: 1) отсылка на Морфея как на «доброе» бога сновидений в греческой мифологии; 2) приписывание Морфею человеческих действий посредством глагола «унесёт» и символизирование собственно сна; 3) отсылка на царство Морфея как путь избавления от несчастий). Данная когнитивная метафора не даёт индивиду понятие о конечном результате, она, напротив, порождает вопросы, которые способствуют последующему разгадыванию.

В повседневном общении и простые, и сложные метафоры способны передать желаемое содержание, не вызывая обид, споров и возражений. В некоторых обстоятельствах они могут перевести человека на невероятный уровень творческих «взлетов» и способствовать решению самых трудных задач [9, с 103].

⁴ Например, выражение «белый, как простыня» возникло в те времена, когда еще не было цветного постельного белья, следовательно, в наши дни почти лишилось метафорического содержания, а представителям молодого поколения может и вовсе показаться бессмыслицей. Сходным образом фразы «льет, как из ведра» или «сам черт не разберет» остаются вполне понятными тем, кто хорошо с ними знаком, но могут вызвать совершенно непредсказуемые ассоциации у другого человека, не встречавшегося с подобными оборотами речи. При этих оговорках устойчивые клише все же могут значительно обогатить «арсенал» общения, сделать язык более живым и красочным.

Другие параметры, лежащие в основе «дробления» метафор на виды, – её содержательные, смысловые характеристики.

Как пишет Д. Гордон, *формальная метафора* – специально созданная история, в которой содержание и действующие лица не играют роли, однако важным признается тот факт, чтобы метафора сохраняла в себе отношения, имеющие место в сложной для индивида ситуации, посредством которых создаются предпосылки для решения имеющейся проблемы. Главнейшим требованием, предъявляемым к метафоре в отношении ее реализации, является то, чтобы она встречала клиента в его модели мира [5, с. 139]. Подобная когнитивная метафора, соответствующая в плане выражения притче, описывает отношения между коллегами, которые не желали помогать друг к другу при решении общих задач: *Однажды мышь заметила, что хозяин фермы поставил мышеловку. Она рассказала об этом курице, овце и корове. Но все они отвечали: «Мышеловка - это твои проблемы, к нам она никакого отношения не имеет!» Чуть позже в мышеловку попала змея - и укусила жену фермера. Пытаясь ее излечить, жене приготовили суп из курицы. Потом зарезали овцу, чтобы накормить всех, кто приехал навестить больную. И, наконец, закололи корову, чтобы достойно накормить гостей на похоронах. И все это время, мышь наблюдала за происходящим через дырочку в стене и думала о вещах, которые ни к кому никакого отношения не имеют!* [13]

Эффективная метафора – это метафора, которая удовлетворяет главному паттерновому условию, состоящему в ее структурной эквивалентности данной проблеме и в обеспечении достижимого способа разрешения проблемы, она может быть не только психологически эффективной, но и достаточной [5, с. 146]. Эффективная метафора существенно шире по сравнению с формальной, в ней наблюдаются использование различных систем репрезентации – визуальной, аудиальной и тактильной, а также увеличение и гиперболизация персонажей и действий. Однако наиболее значимым семантическим преимуществом эффективной метафоры является ее законченность, т.е. презентация проблемы на различных уровнях – вовлеченные лица, динамика ситуации, лингвистические особенности, модели коммуникации, системы репрезентации, применение субмодальных элементов: *В свое время Уолт Дисней был с позором уволен из газеты за недостаточное количество идей, великий Менделеев имел 3 по химии, Эйнштейн не умел говорить до 4 лет, его учитель дал ему характеристику как умственно отсталого. Вспоминай об этом каждый раз, когда тебе вдруг покажется, что у тебя ничего не получается* [13].

Третий признак, который положен в основу таксономизации когнитивных метафор, – их происхождение.

К *естественным метафорам* относится бессознательное происхождение. Например, составляя сказки, мы чаще неосознанно, чем

осознанно создаём их так, чтобы они были связаны с чьим-либо личным или коллективным опытом; обеспечиваем разрешение, включая различные уровни значимости; рассказываем сюжет так, чтобы максимализировать трансдеривационный поиск, т.е. процесс поиска в памяти и ментальных репрезентациях референтного опыта, объясняющего настоящее поведение слушателя, его суждения или реакции [5, с. 159]. Примером такой метафоры может служить выдержка из газетной критики: *А знание своего места по-нашему, по-современному состоит в одном: бизнес обязан быть сговорчивым, то есть платить кому надо и по первому предъявлению власти. Причем самой разной власти: высшей для олигархов, для других — министерской, еще для кого-то — префекта... Силовики же в этой структуре будут трудиться по вызову — душить несговорчивый бизнес, если он заявляет: а я хочу, как хочу; по-честному, по закону, открыто, налоги — пожалуйста, остальное — мое личное дело, в это «остальное» не лезьте. ... **Жила-была учительница**, и захотела она жить лучше: ушла учительница в малый бизнес, самый-самый малый, который только можно себе представить, и стала жить лучше, мир посмотрела, детям его показала, чуть пожила красиво — и вот всего лишилась. Потому что так захотел генерал Аброськин, командующий Спецстроем? И его помощник по таким делам — подполковник Хрюкин?* [13].

При конструировании метафор учитывается личный опыт адресата, выбираются персонажи, имеющие проблемную ситуацию, аналогичную реальной, и вступающие во взаимодействие, сходное с взаимодействием реальных участников проблемной ситуации [5, с. 108]. На этапе кульминации в такой метафоре проигрывается конфликтная составляющая реальной ситуации и обозначается безвыходность последней. На заключительном этапе формулируется выход из проблемной ситуации, который и должен нацелить индивида на решение реальной проблемы. Так, например, сконструированной метафорой можно считать следующий разговор двух друзей: — *Рассмотри комнату, в которой мы находимся получше, и постарайся запомнить вещи коричневого цвета. В комнате было много чего коричневого, и друг быстро справился с этой задачей. Однако ему был задан следующий вопрос: — А теперь закрой-ка глаза свои и перечисли все вещи... синего цвета. Друг растерялся и возмутился: — Я ничего синего не заметил, ведь я запомнил по твоей указке только вещи коричневого цвета! На что он получил ответ: - Открой глаза, осмотрись — ведь в комнате очень много вещей синего цвета. И это было чистой правдой. Тогда мудрый друг продолжил: — Если ты ищешь в комнате вещи только коричневого цвета, а в жизни — только плохое, то ты и будешь видеть только их, замечать исключительно их, и только они будут тебе запоминаться и участвовать в твоей жизни. Запомни: если ты ищешь плохое, то ты обязательно его найдешь и никогда не заметишь ничего хорошего* [13].

Необходимым требованием к формулированию выхода из имеющихся трудностей является сходство выхода с поведением, демонстрировавшимся адресатом в других ситуациях, обобщенность рекомендаций, что дает ему возможность воспользоваться своими уникальными средствами и опытом [5, с. 111]. Выход в метафоре в большей степени представляет собой побуждение к решению проблемы, чем способ решения проблемы, и одновременно формирует оптимистический взгляд на наличие самой возможности преодоления ситуации [5, с. 114].

Четвертый признак, по которому можно разделить метафоры, – это соотношенность метафоры с реальной ситуацией.

Прямая метафора близка по своему содержанию к языковой, поскольку подразумевает сравнение одной ситуации с другой при наличии очевидного сходства и может употребляться в любых ситуациях общения [2, с. 266]. Например: *щечки как яблочки* (щечки розовые), *глаза небесного цвета* (голубые). Однако стоит отметить, что чаще всего прямая метафора функционирует в целях обучения своего адресата чему-либо или объяснения ему чего-либо: *Только представь, жизнь, как езда на велосипеде: если тебе тяжело, значит, ты идешь в гору* [13].

Косвенная метафора — сравнение ситуаций, на первый взгляд имеющих между собой мало общего [2, с. 266]: *мертвый голос* (низкий), *хрустальная печаль* (светлая грусть) [13]. Так, описывая свою сложную и полезную профессию, герой прибегает к употреблению «отдаленных» от темы беседы метафор: *Когда зараза проникает в организм, они находят ее, выслеживают, где бы она не пряталась, достают ее — и... — он сделал рукой жест, словно сворачивал кому-то шею и издал неприятный хрустящий звук, — ликвидируют. — Но какое отношение это имеет к вашей профессии? — настаивал Артем, вдохновленный таким вниманием со стороны этого большого и сильного человека. — Представь, что весь метрополитен — это человеческий организм. Сложный организм, состоящий из сорока тысяч клеток. Я — макрофаг. Это моя профессия* [13].

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что в нейролингвистическом программировании использование метафоры в качестве специфической тактики и многочисленных разновидностей метафор как особых «приёмов» организации коммуникации, безусловно, стимулирует лучшее усвоение реципиентом передаваемой ему информации и адекватную репрезентацию полученных знаний, опыта. Однако проанализированные стратегии, детерминирующие формирование и употребление когнитивной метафоры, не объясняют конкретного механизма её построения, что в свою очередь порождает обоснованность дальнейшего научного поиска.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990.
2. Бертон Р., Кейт Р. НЛП для «чайников»: пер. с англ. – М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2009.
3. Бэндлер Р., Гриндер Д. Структура магии. – СПб., 1996.
4. Кодухов В.И. Введение в языкознание: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 Рус. яз. и лит. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1987.
5. Гордон Д. Терапевтические метафоры. – СПб., 1995.
6. Дилтс Р. Моделирование с помощью НЛП. – М., 2008.
7. Маданес К. Стратегическая семейная терапия. – М., 1998.
8. Миллс Дж., Кроули Р. Терапевтические метафоры для детей и внутреннего ребенка: пер. с англ. Т. К. Кругловой. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
9. О'Коннор Дж., Джон Сеймор. Введение в нейролингвистическое программирование. Новейшая психология личного мастерства.
10. Олдер Г., Берил Х. НЛП. Вводный курс. Полное практическое руководство. Пер. с англ. – К.: "София", 2000.
11. Олешков М. Ю. основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. Нижний Тагил, 2006.
12. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов, 1976.
13. Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru/>)
14. <http://wikipedia.org/>

УДК 81

Н.А. Боженкова Д.В. Прудникова, М.А. Ревина

Юго-Западный государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

В статье предлагается анализ синтаксического оформления рекламных слоганов в английском языке.

Как известно, в современном обществе реклама не только организует и регулирует некоторые процессы взаимодействия людей, но и напрямую или косвенно влияет на их социокультурное состояние, образ мышления, формируя ценностные предпочтения, мировоззрение и так называемую «дремлющую потребность». Достигается такой эффект посредством многих факторов, но в первую очередь, благодаря специальным текстовым формантам, применяемых в рекламе, – слоганам [3].

Лексема «слоган» – термин, пришедший в русский язык из английского. Первоначально он был распространен в среде американских рекламистов, однако само слово весьма древнее и происходит из гаэльского языка (*sluagh-ghairm*), в котором означало «боевой клич». В современном значении оно впервые было употреблено в 1880 году [4].

Существует множество видений ученых значения слова «слоган». В представлении Тураевой З.Я, слоганы – мобильные и эластичные элементы рекламы, легко подстраивающиеся под постоянно меняющиеся интересы потребителя [5]. Как считает В.Б. Бобров, слоган – спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенствования запоминающаяся мысль [5]. А.С. Карми утверждает, что «слоган – ударный инструмент рекламы. Он должен нести в себе рекламную идею, говорить о предмете рекламы что-то важное. И к тому же выражать не просто рекламную идею одного из объявлений фирмы, а ключевую идею целой рекламной кампании и вообще всей маркетинговой политики фирмы». В свою очередь, М.М. Блинкина-Мельник представляет слоган как «второе имя продукта» [5]. В. Кеворков пишет, что «эффективный слоган стимулирует потребителя к желаемому действию и/или активной сопричастности бренду. Удачный слоган становится ключевым элементом рекламной компании бренда. Он поддерживает в сознании целевой группы потребителей ту мотивирующую идею, которая была заложена в бренде» [4].

По мнению А.Д. Кривоносова, «в слогане должны использоваться элементарные предикативные коммуникативные модели – простые предложения, любые осложненные синтаксические конструкции сразу же делают слоган «потенциальным аутсайдером в запоминаемости» [2]. Соответственно, анализ и характеристика функционирования слоганов может

базироваться не только на лексико-семантическом уровне языка, но и на строго грамматическом.

Проведенное исследование показало, что на синтаксическом уровне слоганы могут быть таксономизированы следующим образом⁵:

- ✓ По характеру выражаемой мысли: слоганы, оформленные
 - побудительными предложениями;
 - вопросительными (общими и специальными вопросами) предложениями;
 - повествовательными предложениями.
- ✓ По типу структуры: слоганы, оформленные
 - односоставными предложениями;
 - двусоставными предложениями.
- ✓ По полноте наличия членов: слоганы, оформленные
 - полными предложениями;
 - неполными предложениями.
- ✓ По наличию в составе других предложений: слоганы, оформленные
 - простыми предложениями;
 - сложными предложениями.

Первый критерий, по которому мы будем различать известные и часто используемые слоганы, – характер выражаемой мысли – повествовательные, побудительные и вопросительные предложения:

- Побудительные предложения (*imperative sentences*) выражают просьбу, приказание, разрешение, совет и т.д.; структура таких предложений зависит от того, обращено ли побуждение к действию ко второму лицу или к третьему и первому лицам: *Just do it / Просто сделай это* [Nike]; *Eat fresh! / Ешь свежее* [Subway]; *Have a Pepsi Day! / Пепсячного дня!* [Pepsi]; *Give me a break! / Мне нужен перерыв!* [Kit Kat]; *Put a smile on. Happy meal / Улыбнись. Happy Meal* [McDonald's]; *Think small / Подумай о малом* [Volkswagen]; *Put the fun into driving / Возьмите веселье в вождение* [Vauxhal]; *Try something new today / Попробуй что-то новое сегодня* [Sainsbury's]; *Save money. Live better / Плати меньше - живи лучше* [Wal-Mart]; *Challenge everything / Бросай вызов всему* [EA]; *Live in your world, play in ours / Живи в своем мире, играй в нашем* [PlayStation]; *Play it loud / Поиграй вслух* [Nintendo]; *Think different / Думай иначе* [Apple computer]; *Inspire me. Surprise me. AMD me. / Вдохнови меня. Удиви меня. AMD меня* [AMD]; *Buy it. Sell it. Love it. / Купи это. Продай это. Люби это.* [Ebay] [6] и т.д. Бесспорно, каждый человек постоянно ищет некую новизну, внутренне стремится к разнообразию в жизни, интересуется окружающим миром, вот почему большинство

⁵ Исследование рекламных слоганов проводилось на корпусе «100 лучших слоганах мировой рекламы» [6] (по версии одного из ведущих порталов об индустрии рекламы в России).

рекламистов предпочитает наиболее легкий путь воздействия на потребителя, а именно, побуждение к действию путём сообщения информации в краткой и императивной форме, что, несомненно, оставляет след в сознании читателя или слушателя.

- В зависимости от характера вопроса различаются два основных подтипа вопросительных предложений (interrogative sentences) – общие вопросы: *Do you ... Yahoo!?* / *Йеху, еху* [Yahoo]; *Do you eat the red ones last?* / *Вы съедаете красные последними?* [Smarties от Nestle]; *Do you have the bunny inside?* / *У Вас внутри есть кролик?* [Energizer] [6] и специальные вопросы: *Where do you want to go today?* / *Куда Вы хотите пойти сегодня?* [Microsoft]; *Where's the beef?* / *Где говядина?* [Wendy's] [6].

Важно отметить, что в ходе исследования дихотомичных вопросов выявлено не было. Вероятно, это связано с тем, что в слоганах чаще всего рекламируется только один продукт или изделие, соответственно, нельзя внедрить какой-либо альтернативный вариант.

Необходимо выделить также разговорные варианты вопросительных предложений, которые привлекают внимание адресата в наибольшей степени: *Got milk?* / *Есть молоко?* [California Milk Processor Board]; *WASSSSSUP?!* / *Каждилааааа?!* [Budweiser]; *What else?* / *Что ещё?* [Nespresso]; *Schhh! You know who?* / *Шшшшш! Знаете кто?* [Schweppes]; *Hungry? Graba Snickers!* / *Проголодался? Сникерсни!* [Snickers] [6] и т.д. Вопросы такого типа прежде всего нацелены на молодежную аудиторию, что определяется стратегией маркетинга. Несмотря на то что часть молодого поколения отрицает приверженность брендам, явно наблюдается формирование лояльности к некоторым из них на основе существующих предпочтений в сообществе, в котором «вращается» потенциальный потребитель.

- Повествовательные предложения (declarative sentences) выражают суждение о наличии или отсутствии какого-либо реального или предполагаемого факта: *Guinness is good for you* / *Guinness - это хорошо* [Guinness]; *You're the boss* / *Ты здесь главный* [Burger King]; *America runs on Dunkin* / *Америка сходит с ума по Dunkin* [Dunkin' Donuts] [6] и т.д. Можно сделать вывод, что небольшая часть рекламистов всё же избегает путь «давления» на потенциального потребителя, не использует побудительные или вопросительные предложения, а предоставляет адресанту некое свободное пространство для собственного осмысления и выбора, используя повествование.

Вторым основанием для классификации слоганов выберем тип синтаксической структуры предложения:

- односоставные предложения (one-member sentences) включают в себя только один член, который не может быть назван ни подлежащим, ни сказуемым. Сюда относятся: слова-утверждения и отрицания и формулы вежливости; все другие разновидности односоставных предложений

включают в качестве ведущего (или единственного) компонента слова обычного типа: имена существительные – *A taste of paradise / Вкус рая* [Bounty]; *Incredible India / Невероятная Индия* [Incredible India]; *Passion for Excellence / Страсть к превосходству* [Bridgestone]; *The power of dreams / Сила мечты* [Honda] [6]; имена прилагательные – *Good for life / Хорошо для жизни* [Dr. Pepper] [6]; глаголы в форме императива (реже в форме инфинитива) – *Play more. Jump in. / Запрыгивай. (Присоединяйся)* [Xbox 360]; *Have a break. Have a Kit-Kat. / Сделай перерыв – съешь Kit-Kat* [Kit-Kat]; *Live on the Coke side of life. / Живи на кока-кольной стороне* [Coca-Cola]; *Skittles...taste the rainbow Skittles / Skittles:попробуй радугу* [Skittles] [6].

- двусоставные предложения (two-member sentences): *Impossible is nothing / Невозможное возможно* [Nike]; *It's Miller time / Время Миллер* [Miller]; *It gives you Willings / Red Bull окрыляет* [Red Bull] [6] и т.д. В данном случае можно говорить о том, что рекламисты избегают нагромождения слоганов лишней информацией, т.е. мы наблюдаем стремление к простому нераспространенному предложению. Двусоставные предложения скорее образуются исходя из правил грамматики английского языка, где необходим глагол-связка, или же в определенном контексте необходимо употребить конкретный глагол в качестве смыслового маркера.

Слоганы, включенные в разные группы в зависимости от того, все ли члены наличествуют в данном предложении или же часть их восстанавливается из контекста, могут быть, соответственно:

- полными (non-elliptical): *Welcome to the Human Network / Добро пожаловать в человеческую сеть* [Cisco Systems]; *Don't leave home without it / Никуда не выходи без неё* [American Express] и т.д.;

- неполными (elliptical): *Intel Inside / Intel внутри* [Intel]; *Drivers wanted / Требуются водители* [Volkswagen]; *Born to lead / Рожден, чтобы быть лидером* [Yamaha] [6] и т.д.

Напомни, что неполные предложения отличаются от полных односоставных тем, что у первых недостающие члены легко восстанавливаются из окружающего контекста, соответственно, неполные предложения вне речевого контекста непонятны. Более того, они весьма характерны для разговорной, диалогической речи, особенно в качестве ответа на вопросы. В современных рекламных слоганах английского языка преобладают неполные предложения, т.к. чаще всего любой рекламный слоган сопровождается «картинкой», которая наглядно демонстрирует специфику товара, создает контекст. Полные же предложения несут в себе большую смысловую нагрузку, т.к. они, скорее всего, рассчитаны на то, что потенциальный потребитель уже знаком со сферой употребления товара и ищет конкретный продукт. В таком случае слоган лишь «раскрывает» особенности того или иного товара.

Четвертым принципом разделения слоганов является их возможная полипредикативность:

- простые предложения: *No battery is stronger longer / Ни одна батарея не работает дольше* [Duracell batteries]; *It's all about you / Все о тебе* [Nescafe]; *Life is good / Жизнь хороша* [Coca-Cola]; *I'm lovin' it / Вот что я люблю* [McDonald's]; *I'm going to Walt Disney World! / Я собираюсь в Walt Disney World* [Disneyland]; *We keep your promises / Мы исполняем ваши обещания* [DHL] и т.д. [6];

- сложные предложения: *I am what I am / Я тот, кто я есть* [Reebok]; *Once you pop, you can't stop / Попробовав раз, вы не остановитесь* [Pringles]; *Good thing come to those who wait / Хорошие вещи приходят к тем, кто ждёт* [Guinness]; *In tests, 8 of 10 owners said that cats preferred it. / В тестах восемь из десяти владельцев сказали, что их кошка предпочла это* [Whiskas]; *We never forget you have a choice / Мы никогда не забываем, что у вас есть выбор* [British Caledonian]; *When it pours, it reigns / Когда льет, они царствуют* [Michelin] [6]. Безусловно, в рекламных текстах на английском языке преобладают слоганы в виде простых предложений, что необходимо для легкости восприятия информации. Однако если «рекламщик» употребляет сложное предложение, то он, скорее всего, будет использовать в нём или разговорную лексику (в случае, если реклама направлена на молодежную аудиторию), или какую-то статистику, проценты, общеизвестные факты.

Таким образом, слоган, будучи важнейшим инструментом рекламного обращения и наиболее сильнодействующей формой торгового предложения, с точки зрения синтаксиса таксономизируется достаточно явно. В корпусе «100 лучших слоганов мировой рекламы» по характеру выражаемой мысли преобладают побудительные (35% из общего числа) и вопросительные предложения (35%), менее частотны повествовательные (30%); по структуре – односоставные (55%), в то время как двусоставные предложения содержатся в 45%; по полноте наличия членов – неполные (77%), полные – 23%; по функционированию в составе других предложений – простые (68%), сложные (32%). Соответственно, самой эффективной синтаксической конструкцией для конструирования и оформления слоганов оказывается простое неполное (или, как вариант, односоставное) побудительное / вопросительное предложение. Именно поэтому, как показывают примеры, авторы рекламных слоганов стремятся к созданию данной «легкоусвояемой» синтагмы, которая может полностью раскрывать свой смысл в определенном контексте, одновременно быстро запоминаться и укореняться в сознании потребителя.

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М., 2000. – С. 195-213.

2. Ильин В.Я. Творческий подход к рекламе [Текст] / В.Я. Ильин // ЭКО. – М., 1995. – С. 99-118.
3. Песоцкий Е.А. Современная реклама. Теория и практика [Текст] / Е.А. Песоцкий. – М., 2001. – С. 37-54.
4. Титов А.Б. Реклама: Учебное пособие. – Спб., 1996. – С. 115-137.
5. Феофанов О. А. Современная реклама [Текст] / О. А. Феофанов. – Тольятти., 2001. – С. 57-68.
6. <http://www.adme.ru/>

УДК 81

Т.И. Гаврилова, Е.В. Киктева

Юго-Западный государственный университет

НАРОДНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В КУРСКИХ ГОВОРАХ

В данной работе на материале говоров Курской области исследуется народно-медицинская лексика, делается попытка выявления основных закономерностей становления системы названий болезней.

Народно-медицинская лексика в последнее время активно изучается на материале разных регионов такими исследователями, как Н.С.Ганцовская, Е.А.Красильщик, И.В.Лебедева, Т.Е.Микулина, Б.Н.Преценко, Е.Н.Шаброва и др. Однако до сих пор эта область лексики говоров русского языка исследована очень мало; «не собран и не обобщен в должной мере фактический материал по данной теме» [1, с. 121].

Народно-медицинская лексика Курской области до сих пор систематически не изучалась. Болезнь как одна из ключевых категорий народной медицины, как значимый фрагмент народно-медицинских представлений носителей говора заслуживает более детального рассмотрения.

Мы представили народно-медицинскую лексику, которая зафиксирована в обыденной речи курских диалектоносителей, владеющих медицинскими знаниями на том уровне, на котором ими владеет любой человек (не являющийся представителем официальной или неофициальной медицины).

Весь диалектный материал мы распределили по принципу семантической общности и выделили следующие группы: 1) лексика, отражающая течение болезни; 2) наименования заболеваний и их симптомов; 3) наименования ран, болячек на теле; 4) наименования больного человека; 5) наименования средств, используемых при лечении; 6) наименования лиц, занимающихся лечением.

Наиболее многочисленна тематическая группа лексем, называющая заболевания и их симптомы. В данную группу мы включили: а) общие

наименования болезней; б) наименования конкретных заболеваний; в) наименования различных симптомов заболеваний.

А) Общие наименования болезней в курских говорах следующие: *болезня, болесть, недухлица, хворя, захвор, поветрие, истома*. Б) Конкретные заболевания в курских говорах именуются:

- детские заболевания: *костоеда, свинка, почесуха*;
- болезни кожи: *сибирка, сибирская язва, чернявка*;
- болезни дыхательных путей: *глотка, дубоглот, дыбоглот, грибыб*;
- болезни сердца: *жабица, душка, черная жаба*;
- женские заболевания: *грудница, рожжа, молочница*;
- заболевания глаз: *глазная трава* (близорукость прогрессирующая), *темная, зеленая* или *желтая вода* (глаукома), *ленивый глаз* (амблиопия).

В) Любое заболевание сопровождается определенными симптомами или комплексом симптомов, такими как боль, общее недомогание, разные внешние проявления. Общим симптомом для любого заболевания является боль, в говорах – *боля* (*А какая у тебя боля?*). Различными симптомами конкретных заболеваний служат: *истощение-отощение* (*Уж совсем истоцал милок*), *кашель-перхота* (*Бабушка у меня перхота в горле*), *отдышка-тяжесть, задышка*), *лихорадка-лихоманка, отрясовица* (*У дитятки отрясовица нынче сильная*), *высокая температура-жаря, зноба, озноб, огневица, трясушка, потрясун* (*Да у него ж анадьсь потрясун был*), *бессонница-ходуниха* (*У дитя ходуниха*), *чумовиха, разгульница* (*По деревне чумовиха разгулялась*).

В данной работе представлен далеко не весь материал, однако наши наблюдения позволяют сделать некоторые выводы.

Народно-медицинская лексика отличается большой наполненностью и разнообразием языковых единиц в плане семантического наполнения, формального оформления и культурного контекста.

Особое место в группе народно-медицинской лексики занимает заимствование терминов. С одной стороны, труднопроизносимые слова подвергаются фонематическим изменениям, обусловленными общими законами русского произношения. С другой стороны, в процессе смены фонематического обмена слов включается народная этимология.

Народно-медицинская лексика играет значимую роль в формировании языковой картины мира.

Библиографический список

1. Ганцовская Н.С., Лебедева И.В., Никулина Т.Е. Лексика «Болезни, народной медицины» в Толковом словаре живого великорусского языка В.И.Даля. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1992. – СПб., 1994. – С. 121-127.

УДК 81

Дао НгуенТхуй

ГИРЯП, Москва

БИКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ СКАЗОК (НА ЗАНЯТИЯХ РКИ)

В статье речь идет о бикультурном подходе при анализе сказок двух стран (России и Вьетнама) на занятиях по русскому языку как иностранному при обучении разным видам речевой деятельности и аспектам языка студентов-вьетнамцев.

Сказки, как и другие тексты, предоставляют студентам возможность учиться, понять характер народа, языка и культуры, которые они изучают, дают широкий простор для работы в русле диалога культур, для сопоставительного лингвокультурологического анализа. Цивилизацией современные народы сближены, культурами различены, и в этом, с одной стороны, возможность взаимопонимания, а с другой – красота разнообразия. Разработка проблемы национальных образов мира могла бы иметь прямо практическое значение для взаимопонимания народов [3, 2]. А где, как не в народных сказках так красочно и ярко проступает национальный художественный ментальный образ мира... При этом мы убеждены, что сравнение всегда плодотворнее одностороннего анализа, так как при сравнении отчетливее проступают особенности анализируемых явлений, сравнение дает возможность посмотреть на «свое» со стороны чужими глазами, а значит провести более объективное исследование.

Цель нашей статьи – рассмотреть сказочный дискурс как репрезентацию национальной картины мира и менталитета в русле бикультурного подхода. Тема продиктована повышенным вниманием лингвистов, преподавателей, исследователей к изучению концептуальной системы художественного текста такого типа, в котором сосредоточено богатство этнокультурного опыта человечества. В связи с этим плодотворным является анализ поэтики сказочного дискурса как вербально-знаковой символизации культурного опыта человечества в целом и отражения национальной картины мира и менталитета конкретного народа. Важным и перспективным представляется такое исследование на материале разных языков и этнокультур (в рамках данной работы – изучение русско- и вьетнамскоязычного сказочного дискурса).

Для статьи нами был избран сказочный дискурс русского и вьетнамского этносов как совокупность текстов определенного фольклорного жанра, лингвориторический анализ русско-и вьетнамскоязычного сказочного дискурса как одного из базовых компонентов социально-исторической ситуации, фиксирующего инварианты дискурсивной стратегии этносов и этнокультурную специфику соответствующих менталитетов [5].

Итак, мы сравниваем русскую сказку («Заяц») и вьетнамскую сказку («Небывалая змея»). Задания, предложенные в конце статьи, адресованы иностранным (вьетнамским) учащимся, имеющим подготовку по русскому языку в объеме базового курса, знакомым с основами практической грамматики и владеющим лексикой повседневно-бытовой тематики. Цель заданий – углубление лингвострановедческих знаний учащихся посредством знакомства с образцами народных сказок. Уникальность фольклорного материала заключается в концентрации как лингвистических (грамматических, стилистических), так и страноведческих явлений (обычай, традиции, культура простого народа). Основные задачи заданий связаны с представлением некоторых характерных для русского разговорного языка грамматических явлений, в частности, способов выражения субъективной оценки, а также их стилистическое разграничение. С нашей точки зрения, урок должен предварять вводный урок типа лекции-беседы. В тексте лекции к этому уроку учащиеся находят ответы на вопросы о месте русской народной сказки в русской культуре, вьетнамской народной сказки во вьетнамской культуре. Так же, как и предложенные упражнения, лекция-беседа выполняет сугубо прагматические задачи, ни в коей мере не претендуя на глубокий и всесторонний художественный анализ русских и вьетнамских народных сказок (напомним, что речь идет о занятиях по русскому языку как иностранному, а не о семинарах по фольклору и т.п.). Методический аппарат занятия ограничен лексико-грамматическими и условно-речевыми заданиями. За пределами данного урока остались речевые задания-беседы о морали сказки, смысле ее образов и характеров, сопоставление их с образами и характерами других национальных сказок.

При анализе текстов сказок мы воспользовались классификацией, которую предлагает В.А. Маслова [4].

	Русская сказка “Заяц”	Вьетнамская сказка “Небывалая змея”
1. Безэквивалентная лексика	+ «зажить домком» значит иметь свой дом и жить со своей семьей без материальных трудностей (обеспечено). + «алтын» – это старинная денежная единица.	+ «Тхьюк» – это вьетнамская мера длины, равная приблизительно 43 сантиметрам. + «хватить лишку» – это значит преувеличить что - либо.
2. Фразеология	+ «зажить домком» значит иметь свой дом и жить с своей семьей без материальных трудностей	+ «хватить лишку» – это значит преувеличить что - либо.

	<p>(обеспечено).</p> <p>+ «завести дом» (построить дом).</p> <p>+ «порядки наводить» – командовать, руководить, указывать что и как надо делать</p> <p>+ «чистое поле» – это поле без деревьев и кустарников.</p>	<p>+ «так и быть» – пусть будет так.</p> <p>+ «быть того не может» – невозможно.</p>
<p>3. + Стереотипы</p> <p>+ Символы</p>	<p>Мечта бедного человека о быстром и легком обогащении (об обогащении без труда).</p> <p>«чистое поле» – один из символов большого пространства в русской культуре.</p>	<p>Стереотип сильного преувеличения.</p> <p>+ «Змея» – символ злобы.</p>
<p>4. Метафоры</p>	<p>+ «Она принесёт мне двенадцать поросеночков» (У слова «принесет» есть синоним – родить).</p> <p>+ «Поросятки вырастут, принесут ещё по двенадцати» (То же самое).</p> <p>+ «дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал» (У слова «пропал» есть синоним - исчезнуть)</p>	<p>+ «не выдержала жена» (У слова «выдержать» есть синоним – сдержаться).</p> <p>+ «Выходит, твоя змея - то квадратная!» (У слова «выходит» есть синоним – значит, следовательно).</p>
<p>5. Стилистический уклад языка</p>	<p>Представлена имитация стиля.</p>	<p>Представлена имитация стиля.</p>
<p>6. Речевое поведение</p>	<p>Представлена имитация бытового, неофициального, неформального общения</p>	<p>Представлена имитация бытового, неофициального, неформального общения</p>

	близких людей.	близких людей.
7. Шутка	Нет	«змея-то квадратная»
8. Прецедентные имена	«Ванька»	Нет
9. Ментальные предпочтения	+ Возможность получить богатство, без труда и быстро. + Сочувствие другому человеку.	Желание выделиться, быть не таким, как все.
10. Параметры, включающие сравнения языка	Имитация разговорной разновидности языка (имитация непосредственного неформального, неофициального бытового общения людей).	Имитация разговорной разновидности языка (имитация непосредственного, неформального, неофициального бытового общения близких людей).

Итак, у двух данных сказок существуют и сходство и различие. На наш взгляд, такие сказки можно использовать как материал в практике преподавания РКИ при формировании навыков создания речевых произведений на русском языке при обучении говорению (задания: пересказать текст; ответить на вопросы); при обучении аудированию (задание: прослушать текст); при обучении интерпретации текста (задания: чтение и толкование содержания прочитанного); при обучении лексике (задания, связанные с подбором синонимов слов и фразеологических оборотов, с построением предложений, с синонимичными лексическими единицами, с употреблением безэквивалентной лексики); при обучении словообразованию (задания: анализ семантики мотивированных слов с помощью интерпретации семантики мотивирующих слов и словообразовательных средств).

Некоторые задания по данному материалу (формирование умений и навыков, связанных с пониманием письменно оформленного текста):

1. Прочитайте (прослушайте) текст сказки «Заяц».
2. Выпишите слова и словосочетания, значения которых вы не

знаете. Посмотрите значения этих слов в словаре. Составьте с этими словами свои предложения.

Например:

+ «хвастунишка»:

- хвастаться: высказываться о себе, о своем с хвастовством, с излишней похвалой.

- хвастунишка: человек, который хвастается.

+ «зажить домком» значит иметь свой дом и жить со своей семьей без материальных трудностей (обеспечено).

+ «завести дом» (построить дом).

+ «порядки наводить» - командовать, руководить, указывать что и как надо делать.

+ «хватить лишку» – это значит преувеличить что-либо.

+ «так и быть» – пусть будет так.

+ «быть того не может» – невозможно.

3. Дополните предложения.

- Бедный мужик шёл Он увидал.....

- Вот когда заживу.....! Возьму этого зайца.....На те деньги куплю

- Она принесёт мнеПоросяткиЯ всех, накуплю мясо продам, а на денежки да..... Жена Детки, а я людей на работе не подгоняйте. Да так-то крикнул мужик, что заяц, а дом

4. Выпишите фразеологические обороты (фразеологизмы). Дайте толкование их значения и составьте с ними свои предложения.

5. Подберите синонимы к словам:

- взять (зайца) (поймать)

- увидеть (увидеть/узреть)

- принести (двенадцать поросят) (родить (двенадцать поросят))

- приколоть (поросят) (заколоть/зарезать)

- шибко (сильно/быстро)

- испугаться (перепугаться)

- пропасть (исчезнуть)

- громко (зычно)

- бедно (не живали) – не жили в нужде

- видно (вероятно, наверно, по-видимому)

6. Дайте толкование безэквивалентной лексике. Составьте с этими словами предложения.

7. Обратите внимание на признаки (черты) разговорной (фольклорной) разновидности в русском языке:

Книжный стиль речи	Разговорной стиль речи
Увидеть	Увидать
Свинья	Свинушка
Поросята	Поросятки

Деньги	Денежки
Василий	Васька
Иван	Ванька
Ребята	Ребятки

8. Охарактеризуйте героев сказки, используя следующие слова: хвастунишка, умная жена, бедный, фантазер.

9. Расскажите о том, что вы прочитали (Перескажите содержание сказки).

10. Перепишите текст «Заяц», используя выделенные слова из задания.

11. Перепишите текст «Небывалая змея», используя выделенные слова и словосочетания из сравнительной таблицы сказок. Не забывайте делать грамматические изменения.

12. Ответьте на следующие вопросы:

- Скажите, читали ли вы сказки в детстве?
- Какие положительные и отрицательные черты характера человека показаны в ваших национальных сказках?
- Какие животные наиболее часто встречаются в русских сказках? А в сказках вашего народа?
- Какие животные в русском фольклоре являются положительными, а какие отрицательными героями?
- Какие черты характера в русских сказках провозглашаются как положительные, а какие осуждаются?
- Какие пословицы и поговорки можно рассматривать как мораль прочитанных вами сказок?

Библиографический список

1. Бойко Н.Ю. Сказки на уроке русского языка. Учебное пособие для изучающих русский язык. – СПб: Златоуст, 2005.
2. Быкова О.П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде (например южно-корейских университетов). – М.: ГИРЯП, 2010.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004.
5. Соборная И.С. Этнокультурные особенности сказочного дискурса: лингвориторический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. н. – Сочи, 2004. – 156 с.

УДК 801.55

И.А. Диневиц, Д.В. Атанова, М.А. Романова, Д.В. Кузнецов

Юго-Западный государственный университет

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАЗГОВОРНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье предлагается анализ лексического пласта немецкого и русского языков, представленного контаминированными существительными.

Лексика является самым подвижным участком языковой системы. Эта подвижность во многом обусловлена механизмами словообразования. В живой разговорной речи процесс образования новых слов в настоящее время непрерывен и необычайно активен.

Основная часть новообразований создается при помощи узуальных способов деривации по продуктивным в языке моделям (аффиксация, сложение и др.); это так называемые потенциальные слова. Новизна таких слов обычно незаметна; не будучи зафиксированными в словарях, они, тем не менее, могут создаваться одновременно разными людьми. Примерами потенциализмов являются слова типа *вытиратель, обсуждатель; озеленяльщик, следильщик, капитанить, квартирантить; зарепетироваться* и т.д. Производство таких слов представляет собой нормальный и массовый речедетельностный процесс.

Доля неузуальных способов в разговорном словотворчестве пока заметно меньше, однако, как отмечают лингвисты, она неуклонно растет, что связано во многом с тем, что неузуальный способ сам по себе экспрессивнее, выразительнее. В данной статье мы попытаемся рассмотреть контаминацию как один из таких способов образования лексики [14].

Контаминация (Kontamination Wortkreuzung, Wortverschmelzung, Wortmischung, Kontraktion, Blending) – это особый способ словообразования, специализирующийся почти исключительно на производстве разговорной лексики. Термин контаминация (лат. *contaminatio* «соприкосновение», «смешение») был введен в языкознание младограмматиками – Е.Порцигом и Г.Паулем.

Интересно рассмотреть преимущественно словообразовательную контаминацию и частично контаминацию словосочетаний, устойчивых или свободных [2].

Что же даёт исследование контаминации в языке? Во-первых, оно обогащает теорию языковой переходности; во-вторых, контаминированные образования играют немалую роль при рассмотрении живого языка и механизма его развития; в-третьих, изучение контаминации расширяет наши представления об арсенале и функциях средств речевой выразительности,

представляет интерес как широко используемый авторами в публицистике и художественной литературе стилистический приём [13].

Методом сплошной выборки из «Немецко-русского словаря разговорной лексики» В.Д. Девкина [4] нами были выявлены немецкие существительные, образованные способом контаминации. Русские контаминированные существительные отбирались нами из национального корпуса русского языка и из повседневной разговорной речи. Так, в ходе работы были проанализированы более 400 немецких и русских разговорных существительных. Всего было выявлено 38 лексических единиц, образованных способом контаминации, что составило менее 1% всей исследованной нами разговорной лексики. На этой основе была предпринята попытка описать и классифицировать отобранные лексемы.

В немецком языке контаминация является способом образования исключительно имен существительных, в то время как в русском языке таким образом могут формироваться слова разных частей речи.

Организация контаминированных лексем интересна в следующем аспекте: в большинстве случаев их способ образования происходит не по той же схеме, как при словосложении. При анализе отобранных нами лексем выяснилось, что они не формируются ни посредством сложения корней (основ), ни посредством сложения слов. Обычно наблюдается образование лексем в ходе разного усечения производящих основ. В основном контаминация представляет собой телескопию, т.е. «склеивание» начального сегмента одного слова с конечным сегментом другого. Подобное «склеивание» происходит вследствие наложения конца первой основы и омонимичного начала второй основы двух самостоятельных слов (так называемое междусловное аложение), например:

Kurlaub /отпуск на курорте/ = *Kur* /лечение/ + *Urlaub* /отпуск/

Pubertätigkeiten /выходки подростков/ = *Pubertät* /зрелость/ + *Tätigkeiten* /деятельность, функционирование/

Hektoliteratur /студ. расцветие пива/ = *Hektoliter* /гектолитр/ + *Literatur* /литература/

Иногда сложение происходит в словах без стыкующего звена, в этом случае лексемы составляют усеченная с конца первая основа и усеченная в начале вторая:

Stagflation /стагнация, сопровождаемая инфляцией/ = *Stagnation* /стагнация, застой/ + *Inflation* /инфляция/

Спортюм = *спортивный* + *костюм*

Туберкулит = *туберкулез* + *радикулит*

Мафруция = *мафия* + *коррупция*

Ф. Толстоевский = *Толстой* + *Достоевский* [9].

Скрещивание слов может происходить на основе звукового (иногда в сочетании со смысловым) подобия.

Intelligenteller / образованный человек/ = *Intelligenter* / умный, образованный человек / + *Intellektueller* /интеллектуальный человек/

Трудноустройство = *трудоустройство* + *трудный*

Самомучитель = *самоучитель* + *мучитель*

БАМкротство = *БАМ* + *банкротство*

Крысавица = *крыса* + *красавица*

Интересным в контаминированных словах, в отличие от слов, образованных путем словосложения, является характер усечения одной основ и дальнейшего «склеивания». Из слова может «отрываться» и одна буква, и слог (слоги), и морфема (морфемы), тогда как при словосложении соединяются либо корни, либо целые слова.

Рейганомика = *Рейган* + *экономика* [7]

Либералиссимус = *либерал* + *генералиссимус* [10]

Шизобретатель = *шизофрения* + *изобретатель*

Tretomobil /велосипед/ = *treten* /наступать/ + *Automobil* /автомобиль/

Denglisch /немецкий язык, напичканный англицизмами/ = *Deutsch* /немецкий/ + *Englisch* /английский/

Schnapsothek /спрятанная за книгами бутылка шнапса/ = *Schnaps* /шнапс/ + *Bibliothek* /библиотека/ [3].

Данный способ образования приведенных лексем можно представить в виде схемы:

┌─── + ───┐ или ┌───┬───┐ где ┌─── и ───┐ - усеченная с конца или с начала основа, ┌───┐ - полная основа.

Таким образом, при группировке выбранных лексем по способу образования мы выделили три основные группы. Первая группа существительных формируется посредством телескопии, т.е. происходит наложение друг на друга двух усеченных производящих основ со стыкующим звеном или без него; вторую группу составляют лексем, где лишь одна из производящих основ редуцируется и скрепляется со второй, причем слово может усекается вплоть до одной оставшейся буквы. В третью группу были включены контаминированные лексем, образованные благодаря склеиванию на основе звукового сочетания.

Контаминированные слова можно разделить не только по способу «склеивания» частей производящих слов, но и по их частеричной принадлежности.

При скрещивании существительные в качестве второго компонента могут сочетаться со словами разных частей речи в качестве первого компонента. В подавляющем большинстве случаев в качестве первого компонента выступает имя существительное как нейтральное (пример 1), так и разговорное (для увеличения экспрессивности лексической единицы; пример 2):

Пример 1:

Salatorium /вегетарианский санаторий или ресторан/ = *Salat* /салат/
+ *Sanatorium* /санаторий/

Vidiot /заядлый видеолюбитель/ = *Video* /видео/ + *Idiot* /идиот/;

Chromobil /шикарный, весь сверкающий автомобиль/ = *Chrom* /хром/
+ *Automobil* /автомобиль/

Omatorium /1) пансионат для престарелых; 2) устаревший санаторий/ = *Oma* /бабушка/ + *Sanatorium* /санаторий/

Грибарий = гриб + гербарий

Пешкомобиль = пешком + мобиль

Видеовсхлип = видеоклип + всхлип)

Пример 2:

Katuffel /глупец; ворчун/ = *Kamel* /разг. глупый человек/ + *Muffel* /разг. ворчун, брюзга/

Mechanichtsputz /1) нефункционирующий механизм, 2) механик/ = *Mechanismus* /механизм/ + *Nichtsputz* /разг. Бездельник, тунеядец/

Филолух = филолог + олух [8].

Также в ходе работы было замечено, что в качестве скрещиваемых компонентов могут использоваться не ассимилированные в немецком и русском языках иностранные слова:

Zotel /гостиница-палаточный городок/ = *Zelt* /палатка/ + *Hotel* /англ. отель/

Horrorskop /плохой гороскоп/ = *Horror* /англ. ужас/ + *Horoskop* /гороскоп/

Airlaub /путешествие в отпуск на самолете/ = *air* /англ. воздух/ + *Urlaub* /отпуск/

Селявизмы = селяви /фр./ + афоризмы

Рунглиш = *Русский* + *English* (инглиш) – пиджин, язык общения некоторого количества русскоязычных иммигрантов в англоязычных странах.

Нередко в качестве первого компонента лексем встречаются глаголы, как нейтральные, так и разговорные. Причем в отличие от использования глаголов в словосложении, где все слово будет принадлежать к части речи «глагол», при контаминации слово может оставаться и существительным:

Sprechmatismus /словоохотливость, болтливость/ = *sprechen* /разговаривать/ + *Automatismus* /автоматизм/

Entdecktiv /детектив, насыщенный разоблачениями преступников/ = *entdecken* /обнаруживать/ + *Detektiv* /детектив/

Klapperatismus /старая, дребезжащая автомашина/ = *klappern* /стучать, гроыхать/ + *Automatismus* /автоматизм/

Schwanzelenzia /симуляция учеником болезни/ = *schwänzen* /разг. намеренно прогуливать уроки/ + *Influenzia* /грипп/

Кипячайник = *кипятить* + *чайник*

В единичных случаях мы обнаружили в качестве первого компонента прилагательные:

Schwachmatiker /ученик, слабый в математике, бездарь/ = *Schwach* /слабый/+ *Mathematiker* /математик/

и наречия

Ohnemichel /политически пассивный гражданин, 2) уклоняющийся от военной службы/ = *ohne mich* /без меня/ + *Michel* /разг. инертный, глупый человек/

Морякорь = *Морской* + *якорь*

Переводинки = *Переводные* + *картинки* [13]

Процесс контаминации можно наблюдать на всех уровнях языка. Однако наиболее активно он проявляется в сфере фразеологии. Контаминация фразеологических единиц – прием окказионального преобразования, который заключается в неожиданном, оригинальном объединении или слиянии двух или более ФЕ, это определенный способ языковой игры, при котором учитывается звуковая форма объединяемых компонентов, их аллюзивность, ассоциативность, коннотативные возможности.

Явление фразеологической (как и лексической) контаминации – сфера живой, разговорной речи, откуда контаминированные формы проникают в язык интернета, газеты и в публицистику, почти всегда являясь нарушениями литературной нормы. В процессе речи говорящий, начиная формулировать мысль, опирается на определённую, соответствующую содержанию конструкцию, но затем отходит от неё и «соскальзывает» на другую, тождественную или близкую первой [6].

Неправильное новообразование *поднять тост* возникло как контаминация выражений *поднять бокал* и *предложить тост*; *попасть в галошу* – из *попасть впросак* + *сесть в галошу*; *курс холодной разрядки* – из *холодная война* + *политическая разрядка*; *превозносить до седьмого неба* – из *превозносить до небес* + *чувствовать себя на седьмом небе*; *семисезонное пальто* – из *демисезонное пальто* + *семилетнее пальто* [8].

К контаминации относится соединение в одно двух устойчивых выражений или пословиц. В. Маяковский любил повторять контаминированную им пословицу: «Не плюй в колодец, вылетит – не поймашь» («Не плюй в колодец, пригодится воды напиться» + «Слово не воробей, вылетит – не поймашь») [5].

Нами было замечено, что контаминированные сочетания часто употребляются в живой разговорной речи.

Они от нас места на месте не оставят = не оставят живого места+ *камня на камне* (Уничтожить, разрушить до основания).

В выражении *хлопать себя ушами по ляжкам* интересно смешиваются два распространенных выражения: *хлопать себя по ляжкам* (выражать удивление) и *хлопать ушами* (быть невнимательным).

Будешь на себе локти кусать! – очень о чем-то сожалеть в русском языке можно двумя способами: а) *на голове волосы рвать* (признак отчаяния) и б) *локти кусать* (невозможность повернуть ситуацию вспять).

Они тебя подведут под Можай – смешались в памяти а) *подвести под монастырь* и б) *загнать за Можай*, хотя значения их не близки [8].

Он мне приносит какую-то фитюлькину грамоту! – еще Виноградов писал про фитюльку (маленькая, незначительная вещь; маленький, невзрачный, никчемный человек) в «Истории слов» [3], а здесь она прочно связалась с *филькиной грамотой* (невежественный, безграмотно составленный или не имеющий юридической силы документ).

Нам думается, что не все случаи такого «словотворчества» стоит осуждать. Мы считаем, что их, возможно, стоит разграничивать, потому что наряду с «литературными неряхами» встречается немало художников русского слова, достигающих в своих произведениях особых литературных эффектов, обновляя некоторые единицы языка. Например, находим у А.П. Чехова [12]: «...ни слуху, ни духу... вот сиди и жди ветра в поле, свою жёнушку» - пример сознательной контаминации, где новообразование *жди ветра в поле* образовано на основе фразеологизмов *жди у моря погоды* и *щи ветра в поле*, оно получило новое значение «томительное и бессмысленное ожидание», отвечающее контексту и имеет большую выразительность, чем каждое из существующих порознь в языке выражений.

В текстах лексическая и фразеологическая контаминация используется как средство комического. Например: «*малосольные остроты*» (*малосольные огурцы* + *солёные остроты*); «*остаться с пиковым носом*» (*остаться при пиковом интересе* + *остаться с носом*); «*Василиса Прекрасная*» (*Василиса Прекрасная* + *квас*); *плодово-выгодное [о вине]* (*плодово-ягодное* + *выгодное, то есть дешёвое*).

Итак, самым распространённым типом фразеологической контаминации является такой, при котором соединяются части двух фразеологических единиц, сходных по смысловой функции: «*поддаваться на удочку*» (*поддаваться на обман* + *идти на удочку*). Вторая характерная разновидность взаимодействия языковых единиц может рассматриваться тоже как фразеологическая контаминация (наложение фразеологических единиц), в результате которой одна из единиц представлена целиком, а другая частично, одним своим элементом: «*свить осиное гнездо*» (*свить гнездо* + *осиное гнездо*). Сюда же можно отнести и ту разновидность контаминации фразеологизмов, которые начинаются одним и тем же словом, оба же вторых компонента содержатся в новообразовании без изменений: «*закричать караул благим матом*» (*закричать караул* + *закричать благим матом*).

Таким образом, контаминированные слова обозначают самые разные предметы (одушевленные и неодушевленные) и явления. Существовая параллельно со своими нейтральными и другими разговорными эквивалентами, они используются и создаются для достижения большей частью комического эффекта. Их значения, как правило, легко распознаются, в противном случае нужный эффект был бы недостижим. Лишь со временем декодирование таких слов может быть затруднено, в результате чего они могут перейти в разряд немотивированных слов.

Библиографический список

1. Антропов Л.И. Современная разговорная речь в Германии: Монография // Магнитогорск: ГО ВП «МГТ им. Г.И. Носова», 2005. – 110 с.
2. Антропова Н.А., Соловьева Ю.Г. Контаминация как один из способов немецкого разговорного словообразования – Научная библиотека института гуманитарных и естественных наук, 2006.
3. Виноградов В.В. История слов/ Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык: история и современное состояние». Институт русского языка РАН / Отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
<http://www.wordhist.ru/fitulka.html>
4. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики / В.Д. Девкин. – 2-е изд. – М.: РУССО, 1996.
5. Жизнь и творчество В. Маяковского [Текст]: материалы для выставки в школе и дет. б-ке / Авт.-сост. Ю.Л. Прокушев. – М. : Дет. лит., 1987. - [64] с. : ил. - (Выставка в школе). – Б. ц.
6. Ицкович В.А., Шварцкопф Б.С. О контаминации и смежных с нею явлениях. – В кн.: Памяти академика В.В.Виноградова – М.: 1971. – С.94.
7. Крединс Н.Е. Рейганомика. // Финансовый менеджмент. 2001. №5
<http://www.finman.ru/articles/2001/5/602.html>
8. Национальный корпус текстов русского языка.
<http://www.ruscorpora.ru/>
9. *Сборник воспоминаний об И.Ильфе и Е.Петрове.*
<http://ilfipetrov.ru/b3-2.htm>
10. Соловой В. «Либералиссимус» опять впереди. // Родная газета. 2003. № 15
11. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. – Х46 СПб.: Норинт, 2004. – 708 с.
12. Чехов А. Остров Сахалин. – М.: Изд. дом «Кукушка», 2004.
13. Чуковский К. От двух до пяти – Изд-во Мелик-Пашаев, 2010. – 448с.
14. Щепин А.Г. О лексической контаминации. // Русская речь. 1978. №5. С.66.
15. www.fulolog.ru

УДК 801.55

И.А. Диневич, Е.Е. Коньшина

Юго-Западный государственный университет

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ КАК ПРИЕМ ОТРАЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Статья представляет собой анализ языкового воплощения состояния окружающей среды. В качестве средств выражения состояния окружающего мира авторы выделяют слова категории состояния, иллюстрируя данный материал примерами русской современной публицистике.

Цивилизация – выделка из природного нам данного.

А.Белый

Модернизация общественных отношений, а именно переход к информационному обществу, повлек за собой изменения во всех сферах человеческой деятельности и, прежде всего, в базисной структуре коммуникации – языке.

Так, в связи с наиболее активными процессами глобализации, интеграции, межкультурного общения чрезвычайно важным стало исследование языковых систем с целью выявления культурных особенностей представителей той или иной страны, их ментальных характеристик, аспектов бытийности. Однако, несмотря на столь обостренный интерес к личности как таковой, широкий ряд исследований, посвященный данному вопросу в рамках господствующей парадигмы антропоцентризма, на первый план в последнее десятилетие в связи с глобальной проблемой в сфере взаимодействия общества и природы все же выходит именно интерес к природным явлениям, условиям проживания человека, локальной обстановке.

Немалую роль в бытийности человека наряду с концептами, созданными им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, играет мир вещей, предметов и объектов. Исходя из троякой формы бытия (природа – общество – человек), окружающая среда является базисным элементом существования человека, главным условием жизни, так как общество, порожденное человеком, основывается именно на природных началах. «Мир человеческой деятельности, т.е. мир артефактов, это преобразование человеком природы по законам общества», – отмечает А.Я.Гуревич [2, с. 57]. Следовательно, велика значимость состояния окружающей среды, которое непосредственно влияет на человека не только как на живой организм, но и как личность, интересны способы его отражения в рамках той или иной культуры с помощью определенного языкового кода.

На протяжении долгих лет ученые с разных точек зрения рассматривали взаимоотношение одушевленных организмов (человека) и

неодушевленных объектов. При этом еще в философском представлении сам человек, исследуя себя по отношению к трем важным аспектам (природа – другой человек – Бог), осваивает мир, вырабатывая активную поведенческую реакцию на окружающую среду. Так, природа и ландшафт влияют на формирование языковой картины мира, например, на закрепление в сознании человека тех или иных представлений о пространственных или временных параметрах. С психологической точки зрения человек также анализирует две сущности: самого себя и внешний мир. Исходя из этого, можно заключить следующее, что все бытие человека находится в поле отношений человека и природы, воздействующей на него. Тем самым и язык, находясь в пределах такого пространства, отражает связь приведенных антиномий, а лексические единицы в данных условиях всегда имеют специфическую национальную окраску, отражают деятельностно-поведенческую, бытийную доминанту того или иного народа. «Любой языковой знак не просто обозначает отдельный предмет, действие, признак, но вбирает в себя наиболее существенное с точки зрения сознания из всех дифференциальных признаков»[1,с. 82].

Языковые единицы, по мнению В.А. Масловой, могут рассматриваться как вместилище фоновых знаний говорящих[4,с. 112]. Действительно, на лексическом уровне слова, обладающие семантикой состояния природы, являются некими репрезентантами кумулятивной функции языка, которая закрепляет знания о различных формах природной материи (физической, химической, биологической). С нашей точки зрения, в современных публицистических текстах языковая репрезентация мира наиболее ярко осуществлена посредством лексем категории состояния, так как именно они несут в себе идиотнические особенности мировосприятия русской личности (*В поле пыльно. Морозно на улице. Туманно, ничего не видно*).

На сегодняшний день анализ газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка подтверждает мысль о том, что состояние окружающей среды – актуальный вопрос не только прошлых лет, но и современности. Русский человек явно осознает экологическую проблему, тем самым муссируя ее в печатных изданиях, выражая мнения по поводу состояния окружающей среды с помощью особых групп единиц категории состояния. Еще В.В. Виноградов выделял у слов категории состояния наличие «недейственного состояния», т.е. таких единиц как *холодно, морозно* [3,с.16].

К данному классу слов относим следующие лексемы: *грязно*(317), *дымно*(12), *тепло*(5077), *холодно*(1917), *жарко*(1396), *мокро*(29), *сыро* (95), *сухо* (421), *опасно*(3947), *пусто*(608), *пыльно*(30), *темно*(579), *тихо*(3767). Значительное количество словоупотреблений единиц лексико-семантической группы категории состояния, отражающих состояние окружающего мира, подтверждает их частотность, а, следовательно, важность, тематическую актуальность, незаменимость при коммуникации между носителями языка.

При этом в контекстах находят отражение все жизненно важные для русского человека показатели: **местности** (*грязно, чисто, пыльно, пусто*): *В метро **грязно**, в вагонах валяются бутылки и пивные банки; температуры* (*тепло, холодно*): *Увезли, по слухам, на какую-то закрытую дачу, где ему, надеюсь, **будет тепло** и комфортно; влажности* (*сыро, мокро, сухо*): *В апреле **мокро** – грибное лето, гроза – к теплому лету и урожаю орехов; атмосферы* (*дымно, тихо, ветрено*): *Так **дымно** здесь и свет невыносимый, что даже рук своих не различить – кто хочет жить так, чтобы быть любимым? [5]*

Наиболее частотной оказывается лексема *тепло* (5077), передающая температурное состояние: *Становится **тепло**. Эксперты ООН в ежегодных докладах публикуют данные, говорящие, что Землю в перспективе ждёт катастрофическое глобальное потепление, обусловленное возрастающими выбросами углекислого газа в атмосферу./ Путем сложных вычислений астрономы подсчитали, что новый год у них всегда будет наступать между 21 января и последними числами февраля, когда наступает конец холодного зимнего периода, **становится тепло**, начинается обновление природы./ Пока **было тепло**, разбивали палатки и останавливались на ночлег прямо в тайге./ Это, конечно, не только следствие климата – климат у нас в самом деле не ахти, но дома-то **тепло**, да и зима, слава Богу, не суровая, и зимних забав вроде санок с лыжами никто не отменял[5].*

Данная лексема характеризует климатические условия нашей страны, тем самым отражая ментальные особенности, а именно озабоченность общества в связи с тенденцией глобального потепления, знаменует уход от сложившегося стереотипа – отождествления России со «снегом», «хоккеем», «валенками», так как происходит трансформация температурных показателей.

Лексемы *сыро*(95), *мокро*(25), характеризующие состояние окружающей среды с точки зрения влажности, менее частотны в публицистических текстах, возможно, вследствие отсутствия затяжных периодов проливных дождей в нашей стране, однако характеризуют влажность конкретной обстановки: *В детских садах, больницах, школах **холодно и сыро**, да и во многих квартирах горожан то же самое./ Но и сейчас там **сыро**, на стенах здания выпадает обильная роса./ По словам жителей дома, в подвальном помещении **было очень сыро**, водяные пары доходили до первого этажа./ Поднялись, спускаемся с задней Белолаки и попадаем в жуткую грозу. Темно, **мокро**, страшно!// Ирина Долганова: - А каждый день начинался у нас одинаково. **Мокро**, грязно, противно. Мы все вставали в кружочек, рядом Stanislaw Львович кричал традиционное: «Баба сеяла горох!» [5]* Рассматриваемые единицы отражают не просто погодные условия, но и локальное состояние окружающей среды, что и является важной национальной характеристикой, в частности, демонстрируют состояние жилых помещений, строений, что, к сожалению,

характеризует не с лучшей стороны социально-экономическое положение в нашей стране.

Состояние атмосферы, в свою очередь, репрезентует нечастотная лексема *дымно*, имеющая 12 словоупотреблений: *Дверь оказалась не заперта. В сенях было темно и дымно.* «Варя, Аня, Алеша», – зажимая нос, девочка обшаривала углы деревянной избы./ Но осадки коснулись не всех районов столицы: на севере города, например, **было** по-прежнему сухо и **дымно**[5]. Очевидно, что наличие небольшого числа документов с данной лексемой говорит о довольно стабильном атмосферном состоянии либо же о нежелании русского человека обсуждать данный вопрос.

Класс слов, характеризующий состояние местности, представляет наиболее частотная лексема *грязно*, встречающаяся в публицистических текстах 317 раз: *Хотя дом, в котором «девушка» находится, расположен рядом со скоростной автотрассой — будущей составной частью кольцевой дороги. Там всегда шумно, грязно, пыльно. /Особенно грязно на площадках первого этажа. На полу всюду разбросаны рекламные листовки из почтовых ящиков, окурки и прочий мусор./ Так что если в номере грязно, потрясите этой бумажкой перед носом уборщика и перепишите его имя с нагрудной таблички*[5]. Приведенная единица характеризует состояние конкретной местности, помещения, иллюстрирует отсутствие чистоты в той или иной ситуации, обстановке.

Итак, в период инновационных процессов, широкого и тесного взаимодействия культурных пространств большое внимание уделяется не только отношениям межличностного характера, но и отмечается важность обращения к природным условиям, состоянию собственно экологической обстановки в современном мире. При этом в русской языковой репрезентации мира данная тенденция широко отражена в публицистических текстах, которые изобилуют лексемами категории состояния, отражающими специфику состояния окружающей среды.

Библиографический список

1. Боженкова Р.К., Боженкова Н.А. Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Вербум – М, 2004. – 560 с.
2. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. – М.: РОССПЭН, 2005. – 422 с.
3. Диневич И.А. Лингвокультурологическое исследование слов категории состояния: монография. – Курск, 2008. – 140 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: (<http://www.ruscorpora.ru/index.html>) (дата обращения: 07.12.2012).

УДК 801.55

И.А. Диневич, Н.О. Оразова

Юго-Западный государственный университет

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Статья представляет собой анализ частотности употребления лексико – семантических единиц категории состояния в древнерусских памятниках. Авторы уделяют большое внимание рассмотрению данных единиц в исторических текстах и выявлению ментальных особенностей русского народа.

С первой трети XIX века в русских грамматиках последовательно выделялся разряд слов, промежуточных между именами и глаголами и выражающих главным образом состояние [3, с. 428]. От наречий эти слова отличались наличием своеобразных «номинативов» – иногда с формами рода, подобно прошедшему времени глагола, значением времени, отношением к лицу или оттенками безличности, кроме того эти слова не обозначали признака качества и действия. В отдельных группах этих слов наблюдалось сходство с краткими формами имен прилагательных.

А.Х. Востоков в своей «Русской грамматике» присоединяет весь этот разряд слов к категории глагола. Он относит сюда все краткие формы имен прилагательных. А.А. Шахматов в своем «Очерке современного русского литературного языка» и в «Синтаксисе русского языка» касался преимущественно отдельных морфологических и синтаксических своеобразий краткой формы имени прилагательного и не выделял слова категории состояния в отдельную часть речи. Этот шаг был сделан профессором Л.В. Щербой в его статье «О частях речи в русском языке» [9, с. 38].

Уже в первой половине XX века у русских ученых накопился солидный объем данных о категории состояния, что сделало возможным попытку выделить эту категорию в других языках. Основным источником для формирования категории состояния явились имена прилагательные и наречия, причем процесс перехода слов из одной части речи в другую нередко сопровождается расхождением лексического значения производного слова с производящей основой.

Большая часть слов категории состояния, которые появились в русском языке XVI-XVII вв., занимает прочные позиции и в современный период [1, с. 325].

В настоящее время слова категории состояния выделяют как новую для русского языка, но очень активно развивающуюся часть речи. Под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова.

Слова категории состояния по внешнему облику отличаются от прилагательных и существительных отсутствием форм склонения и наличием форм времени, от наречий – формами времени и неспособностью качественно или обстоятельно определять глагол и имя прилагательного. Особенно широко распространены в категории состояния безлично-именные формы. Так, например, безличное «хорошо», которым обозначается состояние внутреннего удовлетворения, счастья, хорошего самочувствия (у меня хорошо на душе, мне хорошо), уже отделилось от слова хороший – хорош, дурной и мне дурно; душный и душно, легкий и на душе легко и т. д.

Отдельные окрашенные лексемы, а в частности лексемы категории состояния как нельзя лучше способны отразить самобытность русской языковой личности, глубину её душевных терзаний, ту или иную степень радости, удовлетворенности, продемонстрировать связь языковых компонентов с русской ментальностью с исторических времен.

В данной статье проанализируем лексико – семантические единицы категории состояния в исторических текстах, а также проследим этимологию данных языковых единиц.

В процессе изучения материала этимологических словарей и исторических текстов было выявлено, что наибольшим многообразием отличаются лексемы, выражающие физическое состояние человека и других живых существ, состояние окружающей среды. Меньшим количеством форм представлены языковые единицы, выражающие модальность, а также пространственные и временные отношения.

Так, рассмотрим образование и употребление слов категории состояния, выражающие физическое состояние живых существ. В словаре М. Фасмера представлена следующая этимология слова «весело»:

Весело - ближайшая этимология: *Весел*, укр. *Веселый*, ст-слав. *весель*, болг. *Весел*, чеш. *vesely*, словц. *vesely*, польск. *wesoły*, др.-польск. *Wiesioły* – «здоровый, целый, невредимый, достойный, равный».

В словаре же Семенова А.В. описано следующее происхождение лексемы:

Древнерусское – *веселие*. Общеславянское – *vezelъje*.

Слово «веселье», обозначающее «беззаботную радость», впервые встречается в языке в XII в. По мнению одних исследователей, оно является заимствованным и образовано от готского *visan* («радоваться»). По мнению других – данное слово исконное и произошло от индоевропейской основы *ves* или *vas* со значением «хороший». Буквально это существительное можно перевести – «то, от чего становится хорошо».

Производные: *веселый, весело, веселиться, веселеть, веселый, весельчак*.

Торжествуетъ вѣсело днесь великоименитый градъ, хрстоименити людіе ѿ тебе свѣше просятъ великихъ дарѡвъ, сѣсе: ты же якѡ блѣгъ и

всемі́лостивъ, ста́до твоє̀ сохраня́й. (Минея, август. 1 августа: Происхождение честных древ честнаго и животворящего Креста Господня).

...о́на же съ́ ра́дostíю врата̀ ѿвѣрзѣши, и на́нь на па́дши вѣсело̀ вблобыза́ше. (Пролог — август. 26 августа: Память святых мучеников Андриана и Наталии, и дружины их).

Рассмотрим этимологию слова «горько» в словаре М. Фасмера.

Горько - ближайшая этимология: Укр. Гірки́й, ст.-слав. горькъ, болг. Гогрък, сербохорв. гограк, словц. horuku, польск. gorzki. Дальнейшая этимология: Связано с Горегть. Ср. ирл. goirt «горький».

26 я́кѡ вѣдѣ́ гдѣ́ смирѣ́ніе і́лѣво гóрько сѣлѡ́, и ма́лѡ содержѣ́мыхъ, и умáленныхъ, и встáвленыхъ, и не бѣ́ помогáющагѡ ѿмѣ́. (Библия. 4 Царств).

19 Нака́жетъ тѣ́ ѿступлѣ́ніе твоє̀, и сло́ба твоѣ́ вбличѣ́тъ тѣ́: и увѣ́ждь и вѣ́ждь, я́кѡ слò и гóрько тѣ́ е́сть, е́же встáвити мѣ́, глѣ́тъ гдѣ́ бѣ́ твоѣ́: и не бл̄говолѣ́хъ ѡ тебѣ́, глѣ́тъ гдѣ́ бѣ́ твоѣ́.

Жаль в словаре М. Фасмера - ближайшая этимология: Укр. Жалі́ти, ст.-слав. жалити, болг. жатля, жалетя, сербохорв. жалити, словен. jaliti, чеш. jeleti, словц. jelet'; др.-русск. желя «печаль, скорбь».

Духóвнѣи отцѣ́ неси́и тѣ́, ѿ ко́ль восхотѣ́ли жáль удержа́ти! (Минея. 15 ноября: Преподобному Паисію Величковскому служба из Минеи издательства Сретенского монастыря).

В словаре А.В. Семенова:

Древнерусское – жаловати. Старославянское – жалити.

Слово имеет несколько значений: чувство сострадания к кому-либо; огорчение; нежелание расстаться с чем-либо. В русском языке появилось с XI века со значением «сожалеть», постепенно приобретая новые значения.

Слово с похожим значением и написанием встречается в литовском (gelti – «очень болеть», «жалить»), а также в англосаксонском (swelan – «умирать»). В России, особенно в деревнях, слово «жалю» употреблялось в значении «люблю, уважаю». Родственным является словенское – zalovati.

Производные: жалость, сжалиться, жалко, жаль, жалостливый.

В.В. Виноградов в «Истории слов» говорит о том, что изменение значения лексемы «жалю» идет психологическим путем, и так как реальная жизнь во всякое время меняет функции предметов, придавая им новые отличительные признаки, мы часто наблюдаем, что первоначальное этимологическое значение слов забывается, особенно если исчез в языке корень, от которого данное слово происходило». Так, жаль первоначально имело значение «то, что колет, делает больно», в литовском gelá - «острая боль, бойкий».

Любо - ближайшая этимология: любатвѣ́й: «тощій», блр. любовы. У

В. Даля даны: любатвѣ́й «любимый, вкусный», смол.; либитвѣ́й «хилый».

А.В. Семенов: **Любо** – древнерусское – *любы*. Слово образовано из общеславянского «*ljub*» и имеет тот же корень, что и глагол «*любить*». Значение слова: «*сильное влечение к кому-либо или чему-либо*». Родственными являются: украинское – *любов*, болгарское – *любов*, сербохорватское – *љубав*.

Производными являются: *любимый, возлюбленный, любовник, любовный, любо*.

24 Никто́же мо́жетъ двѣмà господінома рабѣтати: **лю́бо** едінаго возлю́битъ, а другáго возненавѣдитъ: илѣ едінагѡ держѣтся, ѡ друзѣмъ же нерадѣти начнетъ. (Библия. Матфей).

Єгда́ бо на нечѣстующаго, илѣ кáкѡ **лю́бо** безстудствующаго, не мятѣжнѣ пріемлемъ ярость, да илѣ спасѣтся, илѣ постыдѣтся, прибѣтокъ сему́ исходáтайствуемъ крѣтости... (Добротолубие. Часть четвертая. Блаженного Диодо́ха, епископа Фоти́кийского, 100 деятельных глав).

Никто́же мо́жетъ двѣмà господінома рабѣтати: **лю́бо** едінаго возлю́битъ, а другáго возненавѣдитъ: илѣ едінагѡ держѣтся, ѡ друзѣмъ же нерадѣти начнетъ. (Евангелие. От Матфея).

Сладко – ближайшая этимология: «*сладкий*», диал., южн., зап. (Даль), укр. *Солодкий*, блр. *Солодкі*, ст.-слав. *Сладъкъ*, болг. *Сладѣк*, словен. *slatdĵk, slatdka*, чеш., слвц. *sladkuj*, польск. *śłodki*.

В словаре А.В. Семенова представлена следующая этимология:

Индоевропейское – *sal > sald* (соль, соленый > солод > сладкий). Общеславянский – *soldъкъ(јъ)* (*сладкий*). Древнерусское – *сладъкый*.

Слово «*сладкий*» впервые встречается как книжное в древнерусских памятниках XI в. Древнерусская форма «*сладъкый*» заимствована из старославянского языка и восходит к общеславянскому *soldъкъ(јъ)* и далее – к индоевропейской основе *sal > sald* (выражающий первоначально понятия «соль, соленый» и позже «солод», «сладкий»). В великорусских говорах встречаются полногласные формы этого слова и производные от него.

Родственными являются: украинское – *солодкий*, польское – *ślodky*.

Производными являются: *сладенький, сладость, сладкоежка, подсластить, сладко*.

Аще и пребезмѣрнѡ бѣло бы **сла́дко** бра́шно, исполнено же я́да смертоно́сна, вѣ́ждь, я́кѡ не я́ль бы еси́ егѡ, аще смѣрти не желáль бы еси́ вкуси́ти... (Алфавит Духовный. Часть первая. Глава шестая).

Далее рассмотрим лексико-семантическую группу слов категории состояния, которая выражает состояние окружающей среды. Данная группа слов менее частотна в рассмотренных текстах. К примеру, в словаре М. Фасмера:

Опасно – ближайшая этимология: *опасаться*, диал. *опатный* «*осмотрительный, осторожный*», укр. «*опасность, опасение, охрана*,

охранное свидетельство», др.-русск. «опасно» - «внимательно, осторожно, тщательно».

Смирѣніе істинно, долготерпѣніе **опа́сно** держáль еси, терпѣніе, воздержáніемъ съ послушáніемъ, преблѣженне... (Минея, июль. 7 июля: Преподобных Фомы Малейского и Акакия, упоминаемого в Лествице).

Пусто – ближайшая этимология: *пуст, пусто*, укр. *пустий*, блр. *пустыт*, др.-русск. *пустъ*, ст.-слав. *поустъ*, болг. *пуст*, словен. *pust, puststa*, чеш., слвц. *pustyť*. Из слав. заимств. лтш. *puo~sts* - «пустой, пустынный».

У В. В. Виноградова представлено следующее описание:

«В русском языке много слов, экспрессивно характеризующих глупые слова, нелепость, бессмыслицу. На большей части их лежит яркий отпечаток устной народной речи. Идея бессмыслицы, нелепости выражается по-разному, с разных точек зрения. С одной стороны, тут играет роль признак пустоты, бессодержательности: древнерусское «пустошь» (*молоть пустошь*), *пустое, пустяки*. С другой стороны, – неприличия, безобразия, отсутствия связи, гармонии (*нелепость, нелепица; понес что-то несусветное, нескладное, несуразное*). В русском литературном языке до 30 – 40-х годов XIX века было широко употребительно слово *пустошь* в значении «вздор, нелепость». В «Словаре Академии Российской» слово *пустошь* истолковывается так: «Вздор, нелепица в словах, в сочинении, тщетность, суета». В современном русском языке несколько в стороне от семантического ряда слов, выражающих понятие бессмыслицы, глупости, вздора, стоят слово «пустяки» и субстантивированная форма «пустое»».

Сыро – ближайшая этимология: Укр. *сирий*, блр. *Сырыт*, др.-русск. *Сырѣ* – «сырой, влажный», цслав. *сыръ*, словен. *siro* – «сырой, невареный, грубый», чеш. *syruť* – «сырой».

На дрѣво вознѣсшагося проповѣдуя, на сусѣ связанъ бѣлъ еси дрѣвѣ: и сѣ твоихъ молѣтъ вдождѣными показуеши **сыро**, и листвѣемъ совершѣннымъ украсѣно... (Минея, май. 22 мая: Мученика Василиска).

Якоже бо кромѣ разжизанія огня дрѣво не горѣтъ, разжизаемо же наичастье, аще и **сыро** будетъ, возгаратися понуждается. (Алфавит Духовный. Предисловие к любезному читателю).

Темно – ближайшая этимология: *темен, темна*, укр. *темний*, др.-русск., ст.-слав. *тъмьнѣ*, болг. *тъмен*.

26 Аще же увидитъ егò жрѣць, и сѣ, нѣсть на блещáщемся влась бѣлъ, и не низжае естъ ѿ кóжи, сáмо же **тѣмно**, и ѿлучѣтъ егò жрѣць на седмь днѣй.

М. Фасмер предлагает следующее описание: **Тепло** – ближайшая этимология: *тепл, тепла*, укр. *тепий*, блр. *цеплы*, др.-русск. *теплъ*, ст.-слав. *тепlostь*, болг. *топѣл*, сербохорв. *топао*, словен. *toprKъ, toplá*, чеш., слвц. *teplyť*. Дальнейшая этимология: Праслав. **teplъ* древнее, чем **toplъ*;

последнее получило – о – из *topiti. Родственно др.-инд. *tarpati, tarpuyati* – «нагревает(ся)», *taptars* – «раскаленный, горячий», лат. *tepeŮ*, - *Ůre* «быть теплым», *tepidus* «теплый», ирл. *ten* – «огонь».

А. В. Семенов дает более подробное описание данной лексемы:

Латинское – *tepeo* (являюсь/пребываю теплым), *tepidus* (теплый).
Индоевропейское – *tep-/top-* (быть теплым).

Русскому языку слово известно с XI в. В древнерусском и старославянском языках прилагательное имело формы «теплъ», «теплый». Также в значении «теплый источник» использовалось слово «теплица». Современное значение это слово приобрело в XVIII в. Производное слово «теплушка» имеет более раннее значение как «избушка, в которой можно погреться, теплое помещение». Значение «вагон, отапливаемый печкой» слово приобрело во время русско-японской войны начала XX в.

В современном русском языке слово не употребляется и существует только в литературном варианте.

Родственными являются: сербохорватское – *топло*, словенское – *topla*, польское – *cieplise* (горячие источники).

Производное: *теплица*.

11 И *аще уснетъ два, тепло има будетъ, а единъ какъ согрѣетъ.*
(Библия. Екклесиаст).

17 *Горекъ сотвори плачь и рыданіе тепло, и сотвори стѣование, якоже ему достобитъ, день единъ и два хуленія ради, и утѣшися печали ради.*
(Библия. Сирах).

Лексемы, выражающие состояние модальности, в исторических текстах представлены меньшим количеством форм. Так, например:

Нужно – ближайшая этимология: *нужный*, укр. *нужда*, болг. *нужда* – «необходимость, потребность», др.- рус. *нужда* в знач. «необходимость».

А.В. Семенов приводит этимологию двух слов: *нужный* и *нужда*.

Древнерусское – *нужьный, нужда* (необходимость). Старославянское – *ноужда*. Прилагательное «нужный» заимствовано из старославянского языка и является производным от существительного «нужда».

Производное: *нужно*.

Нужда

Древнерусское – *нужда*. Старославянское – *ноужда*. Общеславянское – *pidja*. Слово «нужда» – славянское по происхождению и означает «бедность», «необходимость в чем-либо».

Родственными являются: украинское – *нужа*, словенское – *pija* (потребность), польское – *pedza* (бедность).

Производные: *нуждаться, нужный*.

16 *Идѣже бо завѣтъ, смѣрти нужно естъ вносѣтися завѣщающагѡ...*
(Библия. Евреям).

Кроме того существуют другие примеры слов категории состояния, которые способны выражать состояние модальности: *возможно, невозможно, можно*.

*Спасти́ хотя́ ду́шу свою, вѣдый же, я́кѡ не имѹщему любви́ къ бѣ́у никѹи́ми же по́двигами и добродѣ́телями улу́чить спасѣ́ние **возмо́жно** е́сть, стяжа́ль еси́ вѣ́нецъ добродѣ́телей, я́же е́сть любви́ къ бѣ́у.*

*18 да двѣ́ма вѣ́щми непрело́жными, въ нѣ́хже **невозмо́жно** солга́ти бѣ́у, крѣ́кое утѣ́шеніе има́мы прибѣ́гшии я́тися за предлежа́щее упова́ние. (Библия. Евреям).*

*14 и паде́ние егѡ́ бу́детъ я́кѡ сокруше́ние сосу́да гли́няна, ѡ́ гли́ны дро́бны, я́кѡ не **мо́жно** вбръ́стѹи въ нѣ́хъ чре́па, има́же о́гнь возмеши и въ о́ньже влі́еши воды́ ма́лѡ. (Библия. Исаия).*

Чисто – ближайшая этимология: *чист, чистаг, чиститъ, чищу*, укр. *чистий, чистити*, др.-русск. *чистъ*, ст.-слав. *чистъ*, словен. *ci°st, cista*, польск. *czysty*. Дальнейшая этимология: Праслав. **cistъ* – «чиститъ». Родственно др.-прусск. *skijstan* – «чистый», лит. *Skyrstas* – «жидкий», лтш. *kci^sts* – «чистый, целомудренный», лит. *Skaristas* – «яркий».

У А.В. Семенова:

Древнерусское, старославянское – *чистъ, чистый* (*чистый, открытый, редкий, без зарослей, священный*). Общеславянское – *cistъ*. Слово появилось в языке XI в., получило широкое распространение в XIII–XIV вв. Этимологически общеславянское слово *cistъ* восходит к индоевропейскому *skei* (*резать, отсекал ненужное*). Родственными являются: украинское – *чистий*, болгарское – *чист*, словенское – *cist, cista*, польское – *czysty*, чешское – *cisty*.

Производные: *чистота, чистка, чисто, чист, чиститъ(ся)*.

*Се́рдце **чи́сто** сози́жди во мнѣ́ бѣ́же и ду́хъ нра́въ ѡбновѹи́ во утробѣ́ моѣ́й. (Акафист Иоанну Златоусту).*

*2 ви́дѣвши е́же со стра́хомъ **чи́сто** жити́е ва́ше. (Библия. 1 Петра).*

*35 и да сотворя́тъ въ нѣ́мъ ѡ́вміамъ мѣ́роварный, дѣ́ло мѣ́роварца смѣ́шеное, **чи́сто**, дѣ́ло стѡ. (Библия. Исход).*

*26 фа́рисее слѣ́пый, **вчи́сти** пре́жде вну́треннее сткля́ницы и блю́да, да бу́детъ и внѣ́шнее има́ **чи́сто**. (Библия. Матфей).*

Выделим группу слов категории состояния, выражающие пространственные и временные отношения: *долго, далеко*.

Вѣ́дая бу́ди, я́кѡ въ ма́лѣ́ вре́мени сла́докъ е́сть грѣ́хъ, въ до́лго же вре́мя е́сть го́рекъ. (Алфавит Духовный. Часть первая. Глава девятая).

*Ви́ждь, ко́ль **дале́ко** расто́яніе между́ разбо́йникомъ и стѣ́мь: не возмо́же бо обы́чай, но побѣ́ди произво́леніе. (Добротолубие. Часть третья. Петра Дамаскина, вторая книга).*

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют частоту употреблений лексем, отражающих физическое состояние всех живых

существ, состояние окружающей среды. Лексемы, обозначающие душевное и физическое состояние человека, наиболее частотны в исторических текстах, так как данные переживания более конкретны и наиболее ярко отражают ментальные особенности русского народа [2, с.5-6].

Слова категории состояния, обозначающие состояние окружающей среды, также ярко представлены в проанализируемых текстах, так как человек, языково выражая свое состояние, конкретизирует окружающую его действительность. Лексемы, обозначающие пространственно-временные отношения и модальность, встречаются в рассмотренных текстах реже, что связано с меньшим акцентом на временные рамки, в которых находится человек.

Кроме того, древнерусские памятники ярко демонстрируют настроения, состояния русской языковой личности. Они изобилуют языковыми единицами, отражающими эмоциональное состояние человека.

Библиографический список

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. – М., 1975 – С. 325.
2. Боженкова Н.А., Диневич И.А., Толстая А.Л., Оразова Н.О. К вопросу о синонимических сближениях слов категории состояния (на материале русского и немецкого языков). // Материалы III Всероссийской научно – практической конференции школьников, студентов и аспирантов: «Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве». – Курск: ЮЗГУ, 2012. – С. 5-6.
3. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. – М., 1858. – С. 428.
4. В. В. Виноградов История слов. – М.: Институт русского языка РАН, 1999.
5. Диневич И.А. Лингвокультурологическое исследование слов категории состояния: монография. – Курск: КГТУ, 2008. – С.15
6. Национальный корпус [Электронный ресурс]. URL: <http://corpora.informatik.uni-leipzig.de> – (дата обращения: 20.11.2010).
7. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. – М.: Юнвес, 2003. [<http://evartist.narod.ru/text15/001.htm>]
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Том I, II, М, 1999. – С. 624 (I), 560 (II).
9. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. – М., 1928. – С. 8, 36 – 40.
10. Электронный ресурс – URL: <http://fasmerbook.com/> (дата обращения: 20.07.2012).

УДК 81-112.2

И.А. Диневиц, И.С. Цвырова

Юго-Западный государственный университет

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предпринимается попытка доказать обоснованность выделения модальных слов в отдельную часть речи путем выявления признаков их грамматической оформленности.

Часть речи, по общему признанию, является одной из наиболее общих категорий языка. В них определенным образом группируются слова с близкими лексико-грамматическими характеристиками, с одинаковым способом отображения объективной действительности. Поэтому части речи привлекали и привлекают особый интерес как при решении важных теоретических вопросов, так и в практическом освоении языка. Тем не менее, несмотря на большое количество работ по данному вопросу, проблема частей речи остается нерешенной. Для науки о языке являются актуальными слова, сказанные О.П. Суником [7, с. 34] более четырех десятков лет назад: «Очень старый и весьма запутанный вопрос о частях речи, об их лингвистической природе, о количестве и качестве их в языках различных типов и семей не получил, как известно, удовлетворительного решения ни в грамматических исследованиях по отдельным языкам, ни в трудах по общему языкознанию» [6].

Особое место в составе частей речи русского языка занимают модальные слова. Так, они не являются служебными частями речи, но не являются и членами предложения. Модальные слова выражают отношение говорящего к содержанию, форме события, источнику информации, а также эмоциональное состояние говорящего [4].

Модальные слова как особые единицы в словарном составе языка были замечены давно, но в отдельную часть речи они не выделялись.

В трудах А.Х. Востокова, Н.И. Греча, И.И. Давыдова, А.А. Шахматова, В.А. Богородицкого они включались в наречия. И в настоящее время некоторые лингвисты такие слова, как *во-первых*, *во-вторых*, называют наречиями. Л.В. Щерба склонялся к тому, чтобы не относить их ни к одной части речи. Модальные слова стали выделяться в качестве отдельного частеречного разряда прежде всего под влиянием работ И. И. Мещанинова и особенно В.В. Виноградова, подробно охарактеризовавшего их в связи с категорией модальности. Такой части речи нет в академических грамматиках русского языка, не упомянута она ни в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 г., ни в энциклопедии «Русский язык» 1979 г., хотя в учебной литературе выделение модальных слов, можно сказать, стало традицией.

Отрицательное отношение к выделению модальных слов как части речи объясняется в первую очередь тем, что у них нет ни структурного, ни функционального единства. Их объединяет позиция вводного слова, которая при этом открыта для словоформ различных частей речи, существительных, прилагательных, глаголов и наречий: *Говорят, гречанки на Босфоре хороши...* (И. Бунин); *Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною* (Н. Гоголь); *По счастью, близко тут журавль случился* (И. Крылов) [2, с. 199].

Тем не менее, выделение модальных слов не только возможно, но и желательно по двум причинам. Во-первых, потому что они объединяют те лексемы, за которыми функция вводности закрепляется в языке как единственная (т.е. те лексемы, которые функционально отрываются от исходных частей речи). И.И. Мещанинов считал, что вводные (= модальные) слова надо выделять в особую группу именно потому, что они ни в одну другую часть речи не входят [3, с. 289]. Во-вторых, и это принципиально важно, отрыв модального слова от той или иной части речи регулярно связан с закреплением в модальной (вводной) словоформе значения, равного свернутому предложению. Другими словами, с вводностью связан живой процесс образования таких слов, которые отличаются по природе их лексического значения и от самостоятельных частей речи, выражающих понятия о предметах, их свойствах и отношениях, и от служебных слов, не имеющих понятийной семантики.

Предложенческий характер модальных слов побуждал лингвистов (А.А. Потебню, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.М. Пешковского) видеть в них реликты свернутых предложений. В. В. Виноградов, не соглашаясь в целом с такой оценкой вводной синтагмы, показал, что далеко не всякое вводное слово генетически выводится из предложения, что модальные слова активно образуются из наречий и кратких форм прилагательного. «Класс модальных слов и частиц в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов» [1, с. 77]. В связи с этим важно обратить внимание на то, что предложенческое содержание имеют как слова, соотносительные с глаголом, так и лексемы субстантивного, наречного и адъективного происхождения: *конечно* = я не сомневаюсь, *возможно* = я допускаю, *несомненно* = я убежден, *кстати* = в связи со сказанным добавлю, *по-моему* = я полагаю, я считаю и т. д. [2, с. 201].

Предпримем попытку обоснования справедливости выделения модальных слов в отдельную часть речи.

Части речи – это грамматические классы слов, характеризующиеся совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщенного значения, абстрагированного от лексических и морфологических значений всех слов данного класса; 2) комплексом определенных морфологических категорий; 3)

общей системой (тождественной организацией) парадигм и 4) общностью основных синтаксических функций [5, с. 457].

Общим значением модальных слов является способность устанавливать отношение сообщаемого к реальному осуществлению. Одна часть рассматриваемых слов выражает реальную, утвердительную модальность, достоверность, бесспорность, очевидность (*конечно, безусловно, несомненно, действительно, разумеется* и под.): *Она, конечно, все это прочитала...* (В.Дудинцев). *Федор Иванович, действительно, был бледен и вял...* (В.Дудинцев); другая – гипотетическую модальность, предположение. Во второй группе можно выделить модальные слова, выражающие возможность, предположительность, сомнение, вероятность и т.п. (*возможно, может, верно, вероятно, видимо, думаю, думается, знать, кажется, наверно, наверное, очевидно, по-видимому, пожалуй, полагаю, предполагается* и др.): *Скажу вам, что вообще я впервые буду держать в руках ... видимо, настоящие объективные данные* (В.Дудинцев). *Так, пожалуй, будет еще лучше* (В.Дудинцев).

Основной морфологической характеристикой модальных слов является их неизменяемость: модальные слова не изменяются ни по родам, числам, падежам, ни по лицам, временам, наклонениям и т.д. В процессе модальности любое знаменательное слово с разветвленной системой форм изменения «застывает» в одной из них, реже – в двух–трех (типа *казалось, кажется, казалось бы*), например: *Я вовсе не Эраст Петрович Фандорин, как вы, кажется, подумали* (Б. Акунин). *Казалось, он задремал; присутствовавшие сошли в его мастерскую* (А. Лазаревский).

Существует несколько взглядов на отношения между модальными словами и предложением. Согласно первой точке зрения, модальные слова не примыкают к другим словам, не управляют ими, не входят в состав словосочетаний. Они не являются членами предложения, поэтому в школьных и некоторых вузовских учебниках они квалифицируются как слова, грамматически не связанные с предложением. Согласно второй точке зрения, модальные слова вступают в особые отношения с предложением и образуют особые связи с ним, что подтверждается интонационно. В предложении модальные слова выступают в функции вводных слов с модальным значением или в качестве нечленных, так называемых «слов-предложений» в диалогической речи: – *Я, правда, говорил, что настоящий порох не так составляется, но это ничего-с, можно и так-с.* (Ф.Достоевский). *Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорится, просто лез из кожи.* (И.Тургенев). – *Полотенце, мыло найдется? – Конечно!* (В.Дудинцев). В последнем случае все содержание предложения сводится к утверждению или отрицанию, согласию или несогласию и к общей модальной оценке предшествующего высказывания [2].

Таким образом, в ходе проведенного исследования было выявлено, что при всей неопределенности модальные слова имеют признаки грамматической оформленности:

- 1) неизменяемость (морфологический признак),
- 2) функция вводного слова (синтаксический признак),
- 3) свернутое предложенческое модусное значение (семантический признак).

Следовательно, они могут быть выделены в отдельную часть речи.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов – М., 1975. – 559 с.
2. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов / А.А. Камынина – М: Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.
3. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – М. 1945. – 324 с.
4. Модальные слова [Электронный ресурс] – М.: Бюро переводов Лингвотек // <http://www.lingvotech.com/ModalWords>
5. Русская грамматика под ред. Н.Н Барской и Н.Г. Герасимовой. Том 1. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
6. Русский язык в странах СНГ [Электронный ресурс] // http://russia-sng.iphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=77&Itemid=1&limit=1&limitstart=3
7. Суник О.П. Общая теория частей речи [Текст] / О. П. Суник. – М.: Наука, 1966. – 131 с.

УДК 81'22

Е.А. Долгих

Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ С
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕТЕВОЙ ПРЕССОЙ В
ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ (II СЕРТИФИКАЦИОННЫЙ
УРОВЕНЬ)**

Статья посвящена формированию у иностранных учащихся коммуникативной и стилистической компетенции при чтении российских сетевых газетных текстов в процессе обучения русскому языку как

иностранному посредством изучения типологических особенностей заметок сетевой прессы (гипертекстуальности, мультимедийности и интерактивности), которые порождают уникальный текст и открывают новые возможности для освоения культурологического и страноведческого материала.

Иностранные студенты-филологи продвинутого этапа обучения в недостаточной степени имеют представление о сетевой прессе и плохо владеют знаниями о стилистических отличиях, связанных с ориентацией на определенного адресата.

Обучение иностранных учащихся должно включать соответствующие теоретические сведения, а также упражнения, направленные на формирование умений и навыков, необходимых для понимания текстов, заметок сетевой прессы и использования полученных знаний для продуцирования собственных текстов.

Цель обучения заключается в формировании у иностранных учащихся коммуникативной и стилистической компетенции при чтении сетевых газетных текстов в процессе обучения русскому языку как иностранному посредством усвоения совокупности коммуникативных, психологических, социологических, социолингвистических знаний. Для работы в иностранной англоговорящей смешанной аудитории продвинутого этапа мы предлагаем текст заметок, опубликованных в сетевых газетах «Time out Санкт-Петербург», «Time Out Москва», «ОК!».

В работе с газетным текстом мы намерены выделить следующие критерии при отборе материала:

1. Лексический. Особое внимание следует уделить тематической лексике и стандартизированным выражениям заметки.

2. Лингвострановедческий. В газетных текстах встречается ряд лексических единиц, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, связанных с культурной спецификой носителей русского языка.

3. Коммуникативный. Пополнение учебных материалов свежей газетной информацией дает возможность развернуть речевую деятельность на занятиях по русскому языку. Фотография – наглядное средство познания, в качестве источника информации и средства стимуляции повышает эффективность занятия. Студентам легче понимать речь, когда они видят, что говорят.

4. Аудиовизуальный. Так как мы рассматриваем типологические особенности сетевой прессы, то большое внимание уделяем таким качествам, как мультимедийность и гипертекстуальность (иллюстрации, видеоматериалы и т.д.).

Во избежание лингвистических и экстралингвистических трудностей, мы приводим часть слов с толкованием их значений списком непосредственно в начале урока. Такой список не должен быть

перегруженным, в него необходимо отобрать наиболее трудную лексику, сочетания слов, особенно идиоматического характера. В некоторых случаях может стать необходимым перевод на родной язык учащихся.

Значение другой части трудных слов может стать понятным в процессе выполнения различных типов лексических, словообразовательных и грамматических упражнений.

При обучении иностранных учащихся особенностям русской заметки основное внимание уделяем системе упражнений (языковым, условно-коммуникативным и коммуникативным [5]), учитывая особенности лингвометодической работы с текстом.

В соответствии с поставленной целью нами была создана методика обучения, предполагающая организацию работы в рамках трёх этапов:

I. Этап презентации специфики стилистики российского медиатекста сетевой прессы в зависимости от тональности и адресованности издания.

Пример теоретической части занятия:

Рассмотрим особенности структуры сетевого издания (преподаватель открывает сайт издания «Time Out Санкт-Петербург»):

а) ***Качество сетевой прессы.*** Сетевая пресса должна соответствовать быть оперативной (т.е. давать самую свежую информацию на актуальные и необходимые темы), достоверна (т.е. правдива), понятна, не должна содержать ошибок. В течение дня можно вносить исправления в новость либо уточнения в следующую версию этой новости по мере развития событий, совсем удалить ее.

б) ***Гипертекстуальность.*** Это качество можно показать на следующем примере. Когда мы читаем статью и, в данном случае, доходим до слов «Московский дом фотографии», то, нажав выделенную синим ссылкой, можем перейти на сайт Московского дома фотографии, узнать больше информации о нем, его истории, предстоящих и настоящих выставках, конкурсах и прочее. Именно в этой возможности быстрого перехода на другие сайты, в разветвленном ссылочном аппарате и заключается такое свойство сетевой прессы как гипертекстуальность. Ссылки на разнообразные источники предоставляют возможность повысить полноту и достоверность информации. Они переводят на другую рубрику, страницу, аудио-, фото-, или видеоматериал [3].

с) ***Интерактивность.*** После прочтения заметки можно обсудить ее с другими читателями или даже автором в режиме он-лайн, поспорить, высказать свое отношение к проблеме или событию [2].

Мультимедийность. Открывая заметку сетевой газеты, мы получаем не только текстовый файл, но и некоторое количество фотографий. В современном медиапространстве заголовки часто сопровождаются обязательными презентативными визуальными знаками: специально оформленными материалами фотосессии; сюжетными смысловыми

рисунками, метафорическими фотоколлажами [1, с. 15]. Все это служит одновременно и самовыражением автора и привлечением адресата.

Мультимедийность и интерактивность влияют на оформление заметок, выбор иллюстраций, характер коммуникации читателей в обсуждениях. Заметки «**Time Out Москва**» освещают популярные темы с помощью поясняющих смысловых иллюстраций. Автор ожидает конкретной, возможно, даже агрессивной реакции читателя. Заметки «**Time Out Санкт-Петербург**» также диалогичны. Авторами подбираются образные иллюстрации, не являющиеся пояснением заголовка, а создающие визуальный образ заметки. От этого меняется характер дискуссии читателей остается эмоциональным, но становится более литературным, художественным и экспрессивно выдержанным.

II. Этап формирования и тренировки умений понимать медиатекст прессы подразумевает работу учащихся с рядом упражнений с целью приложения полученных на предыдущем этапе знаний:

Пример практической части занятия:

Упражнение № 1.

а) Прочитайте заголовки. Объясните, почему автор выбрал именно такую иллюстрацию? Как Вы считаете, иллюстрации подходят к названиям заметок? (прилагаются иллюстрации на выбор)

Летняя выставка ледовых скульптур

Беспокойная Анна

«Гимн труду»

Новая галерея современного искусства – «Эрарта»

б) Подберите подходящие на Ваш взгляд иллюстрации к заголовкам.

Упражнение № 2.

а) Просмотрите 2 видеоролика. Чему, на Ваш взгляд, должна быть посвящена заметка с таким видеороликом? Как бы Вы назвали такую заметку? Как бы Вы назвали заметку, если бы вам надо было заинтриговать читателя? А если бы вашей задачей было просто сообщить ему новость?

б) Среди предложенных вариантов есть названия заметок. Попытайтесь их найти.

а) Выставка New York Minute

б) Теперь в 17 лучших музеях мира можно побывать бесплатно из дома

в) Реалистичный патриотизм без банальности

д) Яркая сказка преображенного города

е) В Третьяковку привезли первую русскую рекламу – плакаты XIX-XX веков

Упражнение № 3. Ниже приведены заголовки заметок и гиперссылки, которые появляются в текстах заметок. Подумайте, какие гиперссылки к каким заметкам больше подходят (к одной заметке могут подходить несколько гиперссылок).

1. В Третьяковку привезли первую русскую рекламу – плакаты XIX-XX веков

2. «Русский музей» открыл новый филиал

3. ВВЦ будет работать дольше на два часа

4. Дом фотографии после реконструкции превратился в мультимедийный комплекс

5. В московских парках появились трехмерные картины

6. 5 октября открывается фестиваль «Moscow Design Week 2010»

Гиперссылки:

a) Объемные изображения

b) www.moscowdesignweek.ru.

c) Московский Дом фотографии

d) в Третьяковке

e) ВВЦ сейчас переживает не лучшие времена

f) На сайтах Russianprints.ru и Britishprints.ru

g) на www.rmtour.ru вы сможете заглянуть во все филиалы музея

h) РОСФОТ

III. Этап практической реализации коммуникативных умений. Задания этого этапа направляют учащихся на работу по созданию текстов с частичной заданностью социолингвистических параметров.

Пример задания:

Упражнение 1. Напишите две заметки:

- а) заметку, рассчитанную на массового читателя,
- б) заметку, рассчитанную на определенную аудиторию (например, студенты, молодежь и т.д.)

Озаглавьте их, напишите лиды и тексты, придумайте иллюстрации, возможные гиперссылки, предложите сюжет видео к заметке. Подумайте, может ли возникнуть у читателей после прочтения ваших заметок ее обсуждение в комментариях после заметки.

Предлагаемый вариант обучения можно реализовывать в рамках двух занятий, общей продолжительностью 4 академических часа. По сложности материал соответствует знаниям II сертификационного уровня русского языка как иностранного.

Благодаря обучению на материалах сетевой прессы студенты:

1. знакомятся с понятием *сетевая пресса*, стилистическими отличиями изданий в зависимости от их адресата, взаимодействием языковых особенностей и визуальных признаков текста сетевой заметки.

2. учатся определять стилистические варианты речи: книжный, нейтральный и разговорный, - а также способы написания заметки, используя разную лексику и стилистику в зависимости от цели текста.

3. овладевают основными жанрообразующими и жанроопределяющими признаками заметок (такими, как гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность), узнают о важности иллюстраций, ссылок и видео при создании заметки сетевой прессы.

4. узнают, что типологические особенности заметок влияют на внутренние компоненты заметки: на язык (его разговорность, книжность или нейтральность; образность или конкретность) и структуру заголовков, лидов и текстов (например, развернутость или сжатость, прозрачность или непрозрачность, эмоциональность или сдержанность и т.д.), усваивают, что компоненты заметок сетевой прессы необходимо рассматривать в их тесной взаимосвязи, иначе они теряют диалогичность, становятся статичными и линейными.

5. выясняют, что сетевые заметки сохраняют стилистическое единство языка заголовка, лида и текста заметки, а официальный, книжный стиль остается стилистической доминантой издания, ориентированного на не массового читателя (Time Out Санкт-Петербург). Для массового читателя автор все также обращается к разговорному языку и открытой оценке (Time Out Москва).

В практике преподавания русского языка как иностранного по традиции используются печатные газетные материалы, отражающие новую социальную действительность. Обращение же к постоянно

модернизирующимся и совершенствующимся Интернет-СМИ представляет огромный потенциал при обучении иностранных учащихся русскому языку.

При изучении текстов сетевой прессы на занятиях РКИ студенты вынуждены находиться в непрерывном контакте с изменяющейся картиной мира России, с живым образом русской языковой личности [6, с. 12]. Гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность, особенности структуры и языка сетевой прессы открывают новые возможности для освоения культурологического и страноведческого материала, расширения познавательной информации, обогащают язык дополнительными лексическими вариантами [4].

Знакомство с текстом сетевой прессы должно строиться от легкого к сложному: от официального текста с нейтральной лексикой к эмоционально-окрашенному, наполненному оценочностью и разговорной лексикой. Постепенное освоение даст чёткое представление о жанровом своеобразии современной сетевой прессы, сформирует практические навыки понимания материала, научит правильно понимать поданную информацию и иллюстративный материал, вычленять в ней воздействие на читателя, оценку автора. И, следовательно, с помощью этого видеть острые ситуации и проблемы для современного общества и в целом понимать окружающий мир посредством сетевых СМИ.

Библиографический список

1. Антонова Л.Г. Жанроопределяющие признаки медийного текста // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск II. – СПб.: Издательство «Северная звезда», 2010. – С. 113-117.
2. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Ахренова; МГОУ. – М., 2009. – 36 с.
3. Скворцов О.Г., Лазарева Э.А., Горина Е.В. Дискурс Интернета: Монография. – Екатеринбург: Институт международных связей, 2009. – 177 с.
4. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование рус. яз. в Интернете: концептуал.- сущност. доминанты/ Г.Н. Трофимова; Гильдия лингвистов-экспертов по документац. и информ. спорам, О-во любителей рос. словесности. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов : Тип. ИПК РУДН, 2005. – 380 с.
5. Шатилов С.Ф., Еремин Ю.В. Профессионально направленное обучение иностранному языку в педагогическом вузе. – Л., 1985. – 169 с.
6. Янь Чжикэ. Методика работы с текстами газетно-публицистического стиля в китайской аудитории: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Янь Чжикэ, РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб, 2002. – 162 с.

УДК 81'22

Т.Г. Дремова, В.Г. Борзенкова, Н.В. Костикова

Юго-Западный государственный университет

ЭТИМОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются фразеологические единицы, их классификации по происхождению и первоначальной сфере употребления. Представлено описание этимологии наиболее известных и употребляемых фразеологизмов.

Русский язык богат фразеологическими оборотами, украшающими речь, делающими её выразительной, образной. Чем богаче словарный запас, тем интереснее и ярче человек выражает свои мысли. О фразеологии написано множество статей, книг, диссертаций, а интерес к этой области языка не иссякает ни у исследователей, ни у тех, кто просто неравнодушен к слову. Тогда возникает вопрос – почему? Сам факт наличия в языке помимо слов целых словесных комплексов, которые иногда тождественны слову, а чаще являются уникальным лингвистическим феноменом, отличающийся яркой выразительностью, образностью и эмоциональностью, служит поводом к тому, чтобы исследовать именно этот раздел лексикологии.

Цель данного исследования – рассмотреть этимологию фразеологических единиц, что поможет понять истинное их значение.

Фразеологизмы существуют на протяжении всей истории языка. Уже с конца 18 века они объяснялись в специальных сборниках и толковых словарях под различными названиями (крылатые выражения, афоризмы, идиомы, пословицы и поговорки). Однако фразеологический состав русского языка стал изучаться сравнительно недавно.

До 40-х годов 20 века в работах отечественных языковедов А.А. Потебни, И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и других можно было найти только отдельные мысли и наблюдения, касающиеся фразеологии. Создание базы для изучения устойчивых сочетаний слов в современном русском литературном языке принадлежит академику В.В. Виноградову [5, с. 12].

Термин «фразеология» образован от двух греческих слов: *phrasis* – «выражение, оборот речи» и *logos* – «учение». Шанский Н.М. дает следующую дефиницию: «Фразеологический оборот – воспроизводимая значимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» [7, с. 64].

Подобно тому, как лексикология изучает словарный состав языка, фразеология занимается изучением его фразеологического состава. Если единицей языка в его лексической системе является слово, то во

фразеологической системе такой языковой единицей является фразеологизм, или фразеологическая единица.

Фразеологическая единица является устойчивым образованием. Это положение никем не оспаривается. Следуя теории А.В. Кунина, фразеологическая единица – устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением [2, с. 11].

По происхождению Н.М. Шанский выделяет четыре группы фразеологических оборотов:

- 1) исконно русские фразеологические обороты;
- 2) заимствованные фразеологические обороты;
- 3) фразеологические кальки;
- 4) фразеологические полукальки [7, с. 78].

Под исконно русскими фразеологическими оборотами следует понимать такие устойчивые сочетания слов, которые возникли в русском языке, или были унаследованы им из более древнего языкового источника. Имея в виду время появления исконно русских фразеологических оборотов в русском языке, их можно разделить на три группы: общеславянские (*русск. водить за нос – укр. водити за ніс – польск. wodzić za nos – болг. вода за носа; русск. с головы до пят – с.-хорв. од главе до пете – чешск. od hlavy az do paty; русск. бабье лето – польск. babie lato – с.-хорв. бабино лето*), восточнославянские (*русск. под горячую руку – укр. під горячу руку – бел. пад гарачую руку*) и собственно русские фразеологические обороты (*дело в шляпе, душа в пятки ушла*). Две первые группы сравнительно немногочисленны. Третья является самой богатой, постоянно и интенсивно увеличивающейся и сейчас. В качестве примеров исконно русских фразеологизмов можно привести такие обороты, как *березовая каша, кормить завтраками, городить чушь, помирать со смеху, сапоги всмятку, без году неделя* [7, с. 80].

Под заимствованными фразеологическими оборотами понимаются такие устойчивые сочетания слов, которые в качестве готовой воспроизводимой единицы языка пришли в русский язык извне и употребляются в нем в том виде, в котором они известны или были известны в языке-источнике. В современном русском литературном языке заимствованные фразеологические обороты распадаются на два разряда: 1) фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка (*знамение времени, соль земли, всей душой, плоть и кровь, корень зла, козел отпущения, на сон грядущий, ради Бога*), и 2) иноязычные обороты из западноевропейских языков (*all right «хорошо, все в порядке», time is money «время – деньги»*). Первый разряд довольно большой, более или менее стабильный и совершенно обрусевший, второй представляет собой группу книжных выражений [7, с. 81].

Среди заимствованных фразеологических единиц в особую группу выделяются фразеологические кальки, появившиеся в русском языке в результате буквального перевода иноязычных оборотов. Так, выражение *борьба за существование* – это фразеологическая калька английского

выражения *struggle for life*, восходящего к заключительным словам заглавия книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование» (1859). Соответствующий фразеологизм был переведен по компонентам: существительное *struggile* – словом *борьба*, предлог *for* – предлогом *за*, существительное *life* – словом *существование*.

Точные фразеологические кальки – воспроизведение лексико-грамматического состава чуждых фразеологизмов без каких либо отступлений (*синий чулок* – *blue stoking*). Неточные фразеологические кальки – пословный перевод иноязычных фразеологизмов с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче их отдельных компонентов.

Фразеологические полукальки появляется тогда, когда часть компонентов иноязычных фразеологических оборота переводится, а часть заимствуется без перевода. Так, французский фразеологизм *battre en breche* подвергся в русском языке неполному калькированию, при котором слова *battre en* были переведены глаголом *пробить*, а слово *breche* заимствовано. В результате возникла фразеологическая полукалька *пробить брешь* [7: 83].

Что касается исконно русских фразеологических единиц, то имея в виду сферу первоначального употребления, такие фразеологические обороты Н.М. Шанский разделяет на следующие стилистические группы:

1) выражения из разговорно-бытовой речи (*потерять голову, водить за нос, на босу ногу, в сорочке родился*);

2) выражения из профессиональных диалектов и арго (*разделать под орех, без сучка, без задоринки, играть первую скрипку, через час по чайной ложке, бить баклуши, попасть впросак, ни в зуб ногой* – из школьного арго);

3) выражения из книжно-литературной речи, включая: а) отсложения научной терминологии (*центр тяжести, довести до белого каления, привести к общему знаменателю*); устойчивый обороты из художественной литературы и публицистики, которые обычно называют крылатыми словами (*человек в футляре, лишние люди, двадцать два несчастья, принцесса на горошине, в карете прошлого никуда не уедешь; Ох, тяжелы ты, шапка Мономаха*) [7: 84].

В повседневной жизни люди очень часто используют в своей речи фразеологические обороты, но мало кто знает истинное их значение, для понимания которого следует знать этимологию. Рассмотрим происхождение некоторых фразеологизмов.

Так, говоря о разговорно-бытовых оборотах, отметим выражение *водить за нос* (обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного), возникшее из сравнения с медведями, которых цыгане водили на показ за кольцо, продетое в нос, и заставляли делать фокусы, обманывая обещаниями подачки.

Среди выражений, пришедших из профессиональных диалектов, рассмотрим – *через час по чайной ложке* – первоначально употреблявшееся в среде медиков и понимавшееся буквально: принимать лекарство по чайной ложке каждый час. Затем данное выражение стало употребляться в разговорной речи со значением «делать что-нибудь очень медленно, едва-едва».

Фразеологизм *играть первую скрипку* возник от выражения «играть в оркестре первую скрипку» (первая скрипка – название скрипки или группы скрипок в струнном или симфоническом оркестре, которая исполняет первую, ведущую партию). Современное значение – быть главным в каком-либо деле [4, с. 94].

Когда кто-либо бездельничает, ему часто говорят: «Перестань бить баклуши!». В старину кустари делали ложки, чашки и другую посуду из дерева. Чтобы вырезать ложку, надо было отколоть от бревна чурку-баклушу. Заготавливать баклуши поручалось подмастерьям: это было лёгкое, пустячное дело, не требующее особого умения. Готовить такие чурки и называлось бить баклуши. Отсюда, из насмешки мастеров над подсобными рабочими-баклушечниками возникло выражение *бить баклуши*, то есть заниматься пустяковым, несерьёзным делом.

Выражение *попасть впросак* употреблялось в речи кустарей, которые ручным способом выделывали верёвки, канаты. Приспособление для изготовления верёвок называлось просаком. Оно представляло собой прядильный стан с туго натянутыми жгутами. Вращающееся колесо перекручивало их. По недосмотру или неосторожности работающих эти жгуты могли захватить край одежды или волосы человека. Это нередко приводило к несчастным случаям. Выражение означало «быть захваченным жгутами прядильного станка». Теперь в разговорной речи употребляется в переносном значении: оказываться в неприятном, неловком или невыгодном положении из-за своей оплошности или неосведомленности [1, с. 230].

Что касается фразеологических калек, отметим такой выражение как *синий чулок*. Данным оборотом принято называть женщину, лишённую женственности, обаяния и всецело поглощённую книжными, учеными интересами. Фразеологизм пришел в русский язык путем перевода английского выражения *blue stocking*. В Англии голландский адмирал Босковен назвал «Собранием синих чулков» один из литературных салонов середины 18 века в Лондоне, так как ученый Бенджамин Спеллингфлит появился в этом салоне в синих чулках [3, с. 27].

Среди выражений из книжно-литературной речи отметим слова Сатина из пьесы Горького «На дне» – *в карете прошлого никуда не уедешь* – сейчас употребляется иронически по отношению к людям, живущим старым идейным багажом и не желающим замечать новое, пополнять свои знания.

Оборот *принцесса на горошине* пришел из сказки Андерсена «Принцесса на горошине». Употребляется по отношению к капризному, изнеженному, избалованному человеку [6, с. 407].

Выражение «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» впервые было употреблено в трагедии Пушкина «Борис Годунов». Шапка Мономаха – это корона, которой венчались на царство московские цари, символ царской власти. Сейчас так говорят шутливо или иронически о каких-либо обязательствах, неприятных или обременительных [6, с. 558].

Таким образом, мы попытались рассмотреть фразеологические единицы с точки зрения их происхождения и сферы первоначального употребления. Так по происхождению мы описали четыре группы фразеологизмов. Заимствованные и исконные фразеологические единицы различаются по источнику происхождения, а кальки и полукальки это буквальный перевод всей фразы или ее части соответственно. Имея в виду сферу первоначального употребления, было выделено три группы: разговорно-бытовая, профессиональная и книжно-литературная. В каждой группе мы рассмотрели этимологию некоторых фразеологических оборотов. Вопрос о значении и происхождении различных выражений останется важным для дальнейших исследований, ведь эти обороты речи постоянно окружают человека, обогащают его речь.

В данной работе мы также убедились в неразрывной связи двух разделов лингвистики: фразеологии и этимологии, которая помогает лучше познать их строение, образование и употребление в речи.

Библиографический список

1. Быстрова Е.А. и др. Учебный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся нач. школ. – Л.: Просвещение, 1984.
2. Кунин. А.В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины. – М., 1964.
3. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М., 1972.
4. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1968.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: Учебник. – М., 1996.
6. Федосов И.В., Лавицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – М.: «ЮНВЕС», 2003.
7. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. – М., 1981.

УДК 81'22

Т.Г. Дремова, А.Н. Клименко, К.С. Абакарова

Юго-Западный государственный университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С БИБЛЕИЗМАМИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье предлагается анализ фразеологических единиц с библеизмами в русском и английском языках. Представлено сопоставление по лексико-грамматической форме и наличию полисемии.

Трудно переоценить то влияние, которое оказала Библия и ее переводы на языки народов, прошедших стадию христианской культуры. Справедливо это и в отношении русского и английского языков. В процессах усвоения библейских выражений этими языками было много схожего, однако результаты оказались разными: в силу целого ряда исторических причин в английский язык вошло гораздо больше слов, выражений и цитат из Библии, чем в русский. Предпримем попытку провести сопоставительный анализ фразеологических единиц библейского происхождения по следующим критериям: лексическая форма, грамматическая форма, наличие полисемии.

1. Сопоставление по лексико-грамматической форме

Несмотря на наличие общего источника, параллельные фразеологические библеизмы в разных языках имеют лексические и грамматические расхождения. Причины семантических и формальных расхождений библеизмов разных языков носят как лингвистический, так и экстралингвистический характер.

1.1. Сопоставление по лексической форме

В зависимости от характера лексического расхождения рассмотрим такие типы соотношения фразеологических библеизмов, как полные эквиваленты и частичные эквиваленты.

К полным эквивалентам относят фразеологические единицы библейского происхождения, полностью совпадающие по семантическому объёму. Такие библеизмы образуют довольно большую группу, и при переводе их используется русский библейский эквивалент: *daily bread* – хлеб насущный; *the salt of the earth* – соль земли; *by/in the sweat of one's brow* – в поте лица своего; *to bind smb. hand and foot* – связать кого-либо по рукам и ногам; *to turn the other cheek* – подставить другую щеку; *blind leaders of the blind* – слепые поводыри слепых; *vanity of vanities* – суета сует; *to cast pearls before swine* – метать бисер перед свиньями; *the sign of the times* – знамение времени; *poor in spirit* – нищие духом (в обоих языках произошло изменение первоначального значения); *not by bread alone* – не хлебом единым (часто происходит замена слов *bread/хлеб*); *let this cup pass*

from me – да минует меня чаша сия; many are called but few are chosen – много званых, да мало избранных и т.д. [2].

Частичные эквиваленты характеризуются некоторым отличием сопоставляемых единиц. На основе одного и того же библейского сюжета в английском и русском языках появились разные (по количеству или по объему значений) выражения, значения которых нужно знать точно, чтобы не быть сбитым с толку видимым сходством [2].

В ряде случаев частичные эквиваленты соотносятся с идиоматичными сложными словами. Так, английский библеизм *Scapergoat* «козел отпущения» в английском языке употребляется не только по отношению к людям, но и к неодушевленным предметам или понятиям; в русском же языке данный библеизм употребляется всегда по отношению к людям.

Наблюдается также соотношение эквивалентов и сложных слов. Так, библеизм *Adam* (Genesis 1-5) (*Адам*) в составе фразеологических единиц означает «первый человек на земле, сотворенный Богом» и имеет различия в значениях в русском и английском языках. В английском языке фразеологический библеизм *a son of Adam* переводится «вообще любой человек/мужчина», однако в русском же языке не находится соответствующей единицы библейского происхождения. Русский же библеизм *начинать от/с Адама (и Евы)* (рассказывать что-л. издали; с самого начала, с ненужными подробностями и отступлениями) не находит соответствующей фразеологической единицы библейского происхождения и переводится на английский язык следующим образом: *from day one*. Соответственно, в английском языке не имеется аналога фразеологическому библеизму *в костюме Адама (и Евы)* – нагишом, что на английский язык переводится *in one's birthday suit* [2].

Также характерно отсутствие эквивалентов. Так, библеизм *Job* (*Иов многострадальный*) имеет значение человек очень трудной судьбы; человек, участь которого незаслуженно тяжела, на которого сыпятся несчастья одно за другим. Использование данного библеизма в составе фразеологических единиц характерно в большей степени для английского языка, чем для русского. Так, фразеологическая единица с библеизмами *as patient as Job; the patience of Job* переводится как «крайне терпеливый человек», однако не имеет соответствующего фразеологического библеизма в русском языке.

Итак, при сопоставительном анализе библеизмов в русском и английском языках становится ясно, что одни из них полностью совпадают по семантическому объему и являются полными эквивалентами, а другие обнаруживают отличия в семантической форме и являются частичными эквивалентами. Очевидна тенденция к частичному соответствию фразеологических единиц библейского происхождения, соотношение частичных эквивалентов и сложных слов и отсутствие эквивалентов, поскольку и в русском, и в английском языках присутствуют библеизмы, не имеющие библейских прототипов в другом языке.

1.2. Сопоставление по грамматической форме

Для сопоставления фразеологических единиц с библеизмами с точки зрения грамматической формы также характерно выделение полных и частичных эквивалентов.

К полным эквивалентам относят фразеологические единицы библейского происхождения, полностью совпадающие по грамматической форме. Примером полной эквивалентности можно считать фразеологический библеизм *to bear one's cross* – рус. *нести свой крест*. Библейские фразеологизмы полностью совпадают по компонентному составу и грамматической организации. Значение английского и русского БФ полностью совпадают – безропотно переносить все превратности судьбы.

Частичные грамматические эквиваленты имеют различные модели употребления в сопоставляемых языках. В английском и русском языках устоялись различные синтактико-морфологические модели употребления библейских эквивалентов. Так, если в английском языке фразеологический библеизм *to wash one's hands of smb./smth.* обыкновенно употребляется с дополнением, то в русском языке аналогичный библеизм *умывать руки* употребляется без дополнения.

Английская фразеологическая единица с библеизмами *Doubting Thomas* может употребляться во множественном числе *Doubting Thomases*, также возможна замена компонентов: *Doubting Ernest; Doubted Thomas*; В русском же языке соответствующий библеизм *Фома неверующий/неверный* употребляется только в единственном числе и не меняет форму [2].

В английском языке библеизм *Colossus with feet of clay* редко употребляется в таком виде, обыкновенно: *to have feet of clay/to be with feet of clay*. В русском же языке соответствующая фразеологическая единица с библеизмами *Колосс на глиняных ногах* всегда употребляется целиком, иногда в кавычках.

Итак, при сопоставлении грамматических форм библеизмов русского и английского языка была обнаружена тенденция английского языка к упрощению: фразеологические единицы библейского происхождения в английском языке склонны к сокращению компонентов библейских фразеологизмов и изменению грамматических форм, тогда как в русском языке наиболее частотное употребление данных фразеологических единиц в неизменном виде.

1.3. Сопоставление по наличию полисемии

1. В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой термин полисемия означает в самом общем виде наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова [1, с. 335].

Рассмотрим явление полисемии на примерах фразеологических единиц библейского происхождения в русском и английском языках.

Главным номинативным значением библеизма *Babel* и в русском, и в английском языке является «Вавилон, вавилонское столпотворение, смешение языков. Данная единица помимо главного номинативного значения имеет и вторичные, фразеологически связанные значения. Так, переносные значения библеизма и в русском, и в английском языке совпадают: *a babel of sounds/of voices/of talk-галдеж, шум и гам, разноголосица, суматоха*. Другое значение фразеологического библеизма также находит свое отражение в русском языке: *what a babel! A perfect babel!* – *полная неразбериха, беспорядок, путаница*. Однако наблюдаются и расхождения при сопоставлении значений данной фразеологической единицы в английском и русском языках. Так, в английском языке библеизм *Babel* также имеет значение «постройка огромных размеров, здание-гигант». В русском же языке слово «Вавилон» такого значения не имеет, в этом значении употребляется «*вавилонская башня*». Другим отличием фразеологических единиц библейского происхождения в сопоставляемых языках является наличие в английском языке у данного библеизма значения фантастический замысел, неосуществимый план: *tis but a babel*. В русском языке в данном значении употребляется библеизм «*вавилонская башня*»

Фразеологический библеизм *Manna (of heaven; in the wilderness; in the desert)* / *манна (небесная)* имеет главное номинативное значение еда, которую Господь послал сынам израилевым во время их странствования по пустыне – «хлеб с неба»: «нечто мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле». В английском и русском языках наблюдаются как совпадения, так и несовпадения фразеологически связанных значений. Так, в английском языке библеизм *Manna of heaven* имеет переносное значение что-либо очень приятное, нужное, полезное и т.д., полученное кем-то неожиданно: *to fall/rain down/drop/descend on/upon smb. like manna of heaven* / *падать/свалиться на кого-либо, как манна небесная*. В русском языке данный библеизм имеет аналогичное значение. Другое значение данного библеизма что-либо/кто-либо очень желанное/ый, долгожданное/ый, сильно ожидаемое/ый, редкое/ий аналогично как в русском, так и в английском языке: *to be like manna of heaven; to be as welcome as manna of heaven* / *ждать чего-либо/кого-либо как/будто/словно/точно манны небесной*. Однако не все вторичные значения находят свое отражение в сопоставляемых языках. Так, в английском языке фразеологическая единица библейского происхождения *manna* имеет значения «духовная пища» и «что-либо очень вкусное». В русском же языке фразеологическая единица *манна небесная* не имеет подобных значений. И напротив, данный библеизм в русском языке имеет вторичное значение – недостаточное, очень малое количество пищи (всегда в сочетании *питаться манной небесной*), однако в английском языке данное значение не может передаваться данным библеизмом, в английском языке такое значение передает фразеологизм *to live on air* [2].

Проведенный анализ фразеологических единиц с библеизмами по данным словаря Кунина позволяет выявить английские библеизмы, для которых характерно явление полисемии.

Так, фразеологический библеизм *the olive branch/оливковая ветвь* имеет главное номинативное значение, характерное для обоих сопоставляемых языков – символ мира, попытка к примирению, мирное предложение. Фразеологически связанное же значение «дети» характерно лишь для английского языка: *The lodgers to whom Crowl made allusions under the designation of the Kenwigses, were the wife and olive branches of one Mr. Kenwig/ Жильцы, которых Кроуль называл Кенвигсами, были жена и дети некоего мистера Кенвигса* [3, с. 105].

Фразеологический библеизм *all in all* в тексте послания к Коринфянам переводится дословно: «Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог *все во всем*». В английском языке данная фразеологическая единица библейского происхождения имеет два значения – предмет любви, обожания; предмет увлечения; всё для кого-либо и решающий фактор, все в каком-либо деле.

Библейский фразеологизм *Balaam's ass / Валаамова ослица* при структурной близости и одинаковом компонентном составе значения данные единицы различаются. Русский и английский библеизм имеют одно общее значение: «молчаливый, покорный человек, который вдруг заговорил». В русском же языке имеется и второе значение: «глупая, упрямая женщина», и является бранным [3, с. 52].

Итак, сопоставление по наличию полисемии показало, что библеизмы в русском и английском языке совпадают по главному номинативному значению, но обнаруживают расхождения при сравнении дополнительных значений.

Таким образом, сопоставительный анализ фразеологических библеизмов позволяет сделать вывод о тенденции английского языка к сокращению грамматических форм данных фразеологических единиц и наибольшей многозначности английских библеизмов. Данные закономерности доказывают, что фразеологические единицы с библеизмами больше функционируют в английском языке, чем в русском.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Клюкина Т.П. Особенности употребления и перевода английских и русских библеизмов: Электронный ресурс. // Альманах «Столпотворение», 2003. – № 8-9.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 1984.

УДК 81.13; 140.8

С.В. Дрогунов

Учреждение Российской академии наук Институт философии РАН

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГИПОТЕЗЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ СЕПИРА-УОРФА

Представлен эпистемологический анализ гипотезы лингвистической относительности. В контексте последней рассмотрено влияние языка на мышление и формирование личностного мировосприятия и социокультурной сферы в целом, а также показано, в какой степени лингвоструктура способна детерминировать когнитивно-когитальную структуру индивида.

Какое бы отношение
единство нации ни имело к непостижимым для
нас первопричинам, несомненно то, что лишь с
развитием языка национальные различия впервые
переходят в более светлую область духа
Вильгельм фон Гумбольдт

Границы моего сознания очерчены моим языком
Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн

He gave man speech, and speech created
thought – which is the measure of the Universe
P.B. Shelley («Prometheus Unbound»)

Проблема языка сегодня пребывает на пересечении множества векторов теоретического дискурса: философского, лингвистического, культурологического и т.п. Как подчёркивает Г.-Г. Гадамер [2, с. 25], язык причастен к той предметной области философского знания, где происходит встреча науки и опыта жизни. Многоаспектность проблемы изучения языка обусловлена тем фактом, что сам язык суть «альфа и омега» бытия индивидуума. Через посредство языковой деятельности субъект познания осваивает объективную реальность, погружаясь в безбрежное смысловое целое культуры. В языке концентрируется изобилие интересубъективных и социальных отношений, закрепляются акты познания и рефлексии, овеществляется опыт художественно-образного, мифологического и научно-практического постижения мира.

Вопрос же взаимоотношений языка и мышления несёт печать злободневности, исстари рассматриваясь в разрезе влияния категорий мышления на становление, в первую очередь, лингвограмматических основ. Должное внимание данной проблеме было уделено в т.н. **логической школе языкознания**, ставящей знак тождества между

грамматическими явлениями и логическими категориями и описывающей первые через посредство и в терминах вторых. Но впоследствии вектор изысканий повернулся с точностью до наоборот – в сторону влияния категориальной лингвоструктуры на эпистемологические процессы и формирование логических категорий; это направление легло в основу гносеологических доктрин представителей школы логического позитивизма: Р. Карнапа, Б. Рассела, Ч. Пирса, Л. Витгенштейна.

В контексте же самого языковедения, у истоков вышеотмеченного направления стоял гениальный основоположник лингвистики и философии языка В. фон Гумбольдт, писавший: «...человеческую индивидуальность независимо от языка можно считать носителем особого мировоззрения... его образование осуществляется через посредство языка... каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» [3, с. 81].

Мысль, будто человек – узник самобытного мистического круга, очерченного родным языком, формирующим мировоззрение и экстраполирующим его на своих носителей, красной нитью обрамляет историю европейского языкознания XIX-XX вв. Впервые на важности сей идеи сделал акцент американский антрополог, лингвист и естествоиспытатель, «отец американской антропологии» Ф. Боас: «Язык представляет собой одну из наиболее благодарных областей исследования при изучении формирования основных этических представлений... лингвистические категории формируются бессознательно, и поэтому можно проследить процессы, ведущие к их формированию, не прибегая к помощи дополнительных интерпретаций» [8, с. 70-71].

Так исподволь в области этнолингвистики и философии языка стала выкристаллизовываться проблема, наречённая в дальнейшем по мере своего развития **гипотезой лингвистической относительности (ГЛО)**, лейтмотив которой *in situ* – **структура языка детерминирует мышление и способ познания действительности**. Дискуссии вокруг данного определения имеют выдержку десятилетиями. На фоне диалектики подтверждений и опровержений сформулированы два варианта толкования ГЛО: «сильный» (язык обуславливает мышление) и «слабый» (язык оказывает влияние на мышление), различающиеся, собственно, только глаголом [1, с. 67].

Весомую лепту в идеологическое становление ГЛО привнесли плоды этнолингвистических изысканий американской научной антропологической школы: модусы культуры, традиции, религиозно-этнические аспекты вкупе со структурой самого языка у американских индейцев имели характер исключительного своеобычия, резко отличаясь от того эмпирического материала, который был ранее наработан исследователями в аналогичных областях. Данный факт послужил *causa efficiens* в американском структурализме для формирования представлений

о непосредственной корреляции между формами языка, модусами культуры и конструктами мышления.

В качестве эйдетических предпосылок, положенных в основу ГЛО и споспешествующих теоретизированию последней, выступают фундаментальные тезисы, в своё время прозорливо выдвинутые хрестоматийным гигантом научной мысли Э. Сепиром [5, с. 248-258].

Во-первых, утверждение: язык, будучи общественно-культурным явлением, есть такая социолингвистическая сфера, пребывая в которой от рождения мы учимся мыслить и культивируем основополагающие личностные черты. Значит, без посильного содействия языка просто невозможно адекватно объять и всецело овладеть окружающей действительностью; причём язык – не только некое «снадобье», исцеляющее пороки и изъяны при мыслетворчестве и коммуникативных актах, но наш собственно «мир» творится нами же бессознательно на основе лингвистических норм: мы создаем его форму и конституируем содержание; всё, **что** мы видим, слышим и воспринимаем (так или иначе, те или другие явления), и **как** мы это осуществляем, – т.е. вся совокупная перцептивная активность, – непосредственно коррелирует с языковыми навыками и стандартами, а также социальными стереотипами.

А во-вторых, убеждение: в зависимости от социокультурных факторов языковые системы различных групп могут (да и, в принципе, должны) различаться. Фактически невозможно подобрать и сопоставить два столь идентичных языка, исследуя особенности структуры и специфику употребления коих можно было бы основательно умозаключить: да, средствами данных языков изъяслена одна и та же общественная реальность. Коммуникативные миры, в которых пребывают представители социума, – различны и структурно нетождественны: каждый язык задаёт уникально-своеобразный ракурс видения мира, фокусирует субъективно-познавательный взгляд на мир под определённым углом. Стало быть, непрерывное формирование личностного мировосприятия, менталитета имеет динамический (хотя более устойчивый, нежели в составных элементах) характер, ибо в основе коренятся этнолингвистические **конвективные** процессы: призма восприятия реальности, аксиологическая сфера (совокупность ценностных установок, их содержательная сторона) и т.п. с течением времени кардинально видоизменяются, а зачастую претерпевают и поправки, под воздействием ряда как эксплицитных, так и имплицитных факторов. В свою очередь, вышеотмеченные ментальные компоненты (этнолингвистическое, духовное звено) вкупе с аспектами культурно-историческими и достижениями авангардной науки (историко-материалистическое звено) – основополагающие «ингредиенты» ещё более устойчивой конструкции – **картины мира**. Получается, различия в картинах мира напрямую зависят от степени дифференциации языков, фундамирующих их основу. Посему, даже незначительные девиации, имеющие место в основании пирамиды, – лингвоструктурах и их

формализованном содержании, – распространяются фронтально вплоть до заповедной вершины (картины мира).

По сути, данное умозаключение есть и фундаментальный вывод, к которому пришёл Э. Сепир, и лейтмотив самой ГЛО – **лингвистический релятивизм** – соотнесённость, некая коррелятивная связь между структурой и формами языка, конструктами мышления и аспектами мыслетворческой активности субъектов познания. По своей фактологической сути ГЛО в первом, строго каноническом приближении интерпретируется двояко: во-первых, как **лингвистический детерминизм** (язык выступает в отношении мышления определяющим и системообразующим концептом), и, во-вторых, как **лингвистический релятивизм** (между дифференцированностью языковых дефиниций и различиями в сфере познавательно-мыслительных конструктов имеет место соотнесённость как некая коррелятивная связь). Такая градация ГЛО может поспешествовать более полному осмыслению различных деятельностных аспектов, наличествующих в социокультурной среде индивида.

Речь здесь идёт о ключевой, активно-творческой роли, которую язык призван играть в когнитивной деятельности. Выделяя эвристическую функцию языка и констатируя факт его влияния на индивидуальную перцепцию внешнего мира (что детерминирует опыт субъективного порядка), подходим к одному из фундаментальных эпистемологических оснований. Язык как общественно выработавшаяся культурно-историческая формация конструирует грани такой призмы индивидуального восприятия, через посредство которой объективная действительность воспринимается уже социетарно. Посему, в понимании самого Э. Сепира, язык суть некая **символическая система** (способ организации), не просто имеющая отношение к опыту, полученному, преимущественно, суверенно по отношению к ней, но некоторым образом предопределяющая и в определённой степени обуславливающая наш опыт.

Э. Сепир следует тропой, проторенной американским историком и философом науки Т. Куном: у многообразных наблюдателей одного и того же внешнего мира принципиально несоизмеримы арсеналы понятий при попытках выработки подходов по осмыслению последнего. Э. Сепир отмечает общие моменты между лингвистической и математической системами: последняя, по мнению учёного, также «регистрирует наш опыт... в самом начале развития, а со временем оформляется в автономную понятийную систему, предусматривающую всякий возможный опыт в соответствии с некоторыми принятыми формальными ограничениями... (Значения) не столько обнаруживаются в опыте, сколько навязываются ему, в силу тиранического влияния, оказываемого языковой формой на нашу ориентацию в мире» [10, с. 578].

Будучи вдохновлённым идеями Э. Сепира, Б. Уорф в своих исследовательских изысканиях задаёт импульс дальнейшего развития, проверяя существенность данных идей на непосредственном

«эмпирическом» материале – языке и культуре племени «хопи». В результате чего за ГЛЮ затверживается статус **принципа** (или **концепции**) лингвистической относительности. Т.о., с этого момента практическая значимость и научная ценность фундаментальных положений, разработанных Э. Сепиром, долгое время оставались непререкаемыми в учёных кругах. Сам Б. Уорф своё видение канвы ГЛЮ полагал в следующем. «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном... родным языком. Мы выделяем в мире явлений... категории и типы совсем не потому, что они... самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскоп впечатлений, который должен быть организован сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в сознании» [11, с. 213].

Ценность умозрений Б. Уорфа ныне исключительна: получается, никто не волен предать живописание природы безусловно независимой огласке, но все мы неразрывно связаны с определёнными толками даже в тех случаях, когда почитаем себя наиболее невозбренными... «Мы сталкиваемся... с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или... при соотносительности языковых систем» [6, с. 174-175].

Радениями Б. Уорфа формулировка мыслей Э. Сепира стала более радикальной: мир — калейдоскоп впечатлений, конституируемый языковой системой. Стало быть, условия жизни, социокультурные и пр. факторы оказали определяющее воздействие на лингвоструктуры племени «хопи», обуславливая процесс их образования; но, в свою очередь, и подверглись влиянию с их стороны. Как итог сформировалось мировоззрение племени. «Между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия... Эти связи обнаруживаются..., когда мы изучаем культуру и язык... как нечто целое, в котором можно предполагать взаимозависимость между отдельными областями» [7, с. 168].

Но первостепенное внимание Б. Уорф фокусирует на проблеме взаимовлияния языка, норм мышления и деятельности антропогенного характера, настаивая на принципиальном тождестве мышления и языка, но предавая, при этом, субъективной критике позицию апологетов т.н. теории «естественной логики», согласно воззрениям которых «речь — это лишь внешний процесс, связанный только с сообщением мыслей, но не с их формированием, а различные языки – это в основном параллельные способы выражения одного и того же понятийного содержания, и поэтому они различаются лишь незначительными деталями, которые только кажутся важными» [6, с. 170].

Получается, если вторить Б. Уорфу, различия в языках продиктованы не только спецификой выстраивания предложений (**синтаксический аспект**), но и схемой членения, «квантования» реальности на дискретные элементы, некие «атомарные» лингвоконструкты — единицы словаря,

становящиеся податливым материалом иного качества в целях построения предложений (**эпистемологический аспект**). Например, для современных европейских языков, базирующихся на прочном пласту – общей культуре (Б. Уорф в целях их систематизации вводит понятие «языки средневропейского стандарта», или **SAE** (от англ. «Standard Average European»)), характерна градация слов на две большие группы – существительное и глагол (подлежащее и сказуемое). *Ipsa facto* обуславливается членение мира, соответственно, на предметы и их действия, хотя сама природа в таком аспекте неделима. В племени «хопи» это чётко прослеживается: мы традиционно характеризуем небезызвестное явление природы следующим речевым эквивалентом – «молния блеснула»; в племенном языке данное событие, несмотря на то, что мыслится и воспринимается равно, тем не менее, вербализуется и передаётся глаголом «gehri» — «сверкнуло», без дихотомии на субъект и предикат.

В языках группы SAE (кратко)временные явления приносятся в устно-письменную речь глаголами, а другие – существительными. В отличие от них язык индейцев «хопи» обладает своеобразной классификацией явлений, сформированной исходя из признака длительности последних. Посему, например, слова «молния» и «пламя» для «хопи» суть глаголы – события с кратковременной длительностью фактического протекания, а «облако», «буря» — существительные, обладающие достаточной времедлительностью.

В природе языки группы SAE как бы искусственно изолируют отдельные стороны её константно изменяющихся явлений. Вследствие чего эти отдельные стороны воспринимаются как совокупность некоторых предметов. Возникает вопрос: отчего мы классифицируем реалии внешнего мира тем, а не иным образом, руководствуясь тем, а не иным способом? Б. Уорф отнюдь не настаивает, что членение явлений свойственно только группе языков SAE, но убеждён: у языков, сильно несхожих друг с другом, резко разнятся системы анализа объективной реальности и различаются типы дифференциации на изолированные сегменты. Довод учёного-лингвиста усиливается акцентуацией на влияние языковых норм не только на познавательные-мыслительные процессы, но и совокупную личностную перцепцию. Это фундаментальное положение, выступающее одним из эпистемологических оснований ГЛО, было в завуалированном виде сформулировано ранее Э. Сепиром: «Мы видим, слышим и воспринимаем... явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы общества предполагают данную форму выражения».

Б. Уорф, продолжая исследования, задаётся еще одним интереснейшим вопросом: каким образом центральные философские категории «пространство» и «время» фиксируются в языках группы SAE и племени «хопи»? И приходит к ключевому выводу: индейцы «хопи» *a priori* не ведают о такой категории, как «время» (как атрибуту мышления, свойственному нашим языкам), тогда как категория «пространство» наблюдается в обоих случаях, будучи идентичной в них. Б. Уорф полагает

в этом факте отражение особенностей лингвосистемы, именуя данное явление «объективацией», поскольку временные дефиниции утрачивают связь с субъективной перцепцией времени как «становящегося все более и более поздним» и «объективируются как исчисляемые количества, т.е. отрезки, состоящие из отдельных величин, в частности длины, т.к. длина может быть реально разделена на дюймы» [7, с. 142].

Б. Уорф также выступает апологетом точки зрения, согласно которой индейцы «хопи», владеющие только своим языком и оперирующие идеями, в основе которых лежит пласт самобытной культуры, должны иметь те же самые представления о философских категориях «время» и «пространство», коими оперируем мы, огульно полагая их универсальными. Б. Уорф покорно признаёт, что понятие «время», свойственное языкам группы SAE, и понятие «длительность», отмечаемое в обиходе у «хопи», — разностилистичны. Но в то же время настаивает: особенности языка индейцев ничуть не идут вразрез с их адекватным самоориентированием во внешнем мире. Более того, по его мнению, этот язык теснее связан с современной наукой (в лице, скажем, теории относительности и квантовой механики), чем индоевропейские языки, дающие возможность познавать Вселенную лишь как конгломерат дискретных объектов, что наиболее присуще классической физике и астрономии.

В работах Б. Уорфа рассматриваются, преимущественно, фундаментальные философские категории субстанции, времени, пространства – *videlicet* те, кои, как можно допустить без привлечения дополнительных презумпций, с наибольшей вероятностью должны были бы представляться предельно общими для всех субъектов познания. Соответственно, когда в элементах лингвоструктуры фиксируются вышеотмеченные философские категории, то именно в них, этих элементах, исследователь с наибольшей вероятностью может обнаружить, выделить для себя общее содержание.

Подводя черту рассуждениям, уместно задаться следующим вопросом: каков предмет обсуждения настоящей дискуссии – категориальная структура мышления субъекта познания, или же конкретное содержание надлежащих дефиниций? Предполагая, что категории суть **формы мышления, определяющие его содержание**, мы приневолены признать: нет оснований полагать возможным т.н. «непредметное» мышление, из которого полностью элиминированы представления о предмете и его свойствах (навязываемые категориями «субстанции» и «акциденции»). Точно так же рассуждаем и о валидности естественного языка, лишённого всяких выразительных компонент, дающих возможность мыслить качественно-количественными или пространственно-временными модусами предметов. Итак, лингвистические изыскания Б. Уорфа праздно бросают тень сомнения на явление интерсубъективности категорий мышления как форм связи некоторого когнитивно-когитального содержания, а также избылиуют

непоследовательностью суждений: существо конструктивного огреха – в искажении реальных зависимостей между языком, сознанием и явью [4, с. 133]. Элиминация данного изъяна неотвратимо влечёт фиаско ГЛО; сохраняются лишь частнонаучные вопросы – влияние лингвостилистических средств на нормы поведения и наличие связей между «содержанием» языка и своеобычием форм культуры.

Но при крушении гипотезы нетленной остаётся собственно проблема. В данном контексте для языковедов ГЛО – средоточие плюрализма поучительных моментов: последняя наглядно иллюстрирует, что даже при верной предпосылке об обязательности языковых форм мышления можно прийти к псевдовыводам, если в течение всего исследования не отличаться твердью в надлежащем соблюдении правильности методологических принципов.

Сегодня в филологии явственен тот факт, что язык надлежит расценивать в качестве механизма для (ре)трансляции когнитивно-понятийной информации, порождающейся в социосфере и оказывающей, впоследствии, жизнесоздающее воздействие на глобальное мышление. При этом роль эмоционального содержания языка в онтологии и эволюции, его влияние на культуру просто эпохальны. «В то время как большинство исследователей акцентируют внимание на вычислительно-языковой, сенсорно-моторной и идейно-смысловой областях взаимодействия языка и аспектов социальной конъюнктуры, принято полагать, что исконный генезис языка обнаруживается через посредство развития механизмов высшей нервной деятельности вкупе с эволюционно культивированными речью и образами поведения, эмоциональной, мотивационной и понятийно-смысловой составляющими» [9, с. 519]. Правомерно предположить, что истоки дифференциации таких механизмов, обуславливающих и характерные особенности лингвоструктуры, и способность к речетворческому акту, и мотивационно-поведенческие аспекты, и когнитивно-когитальную деятельность, сокрыты под стародавностью лет, — исходят от духовного наследия пращуров.

Важность сего обстоятельства суть *causa principalis* в вопросах изучения эволюции языка и познания, а также их обоюдного взаимовлияния.

Библиографический список

1. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. №8, 2011. С. 66-72.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
3. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / Цит. по «Хрестоматия по истории языкознания XIX и XX вв.», сост. В.А. Звегинцевым. – М., 1956.

4. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. С. 111-134.
5. Сепир Э. Грамматист и его язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
6. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
7. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
8. Boas F. Handbook of American Indian languages, Introduction. 1911.
9. Perlovsky L. Language and emotions: emotional Sapir-Whorf hypothesis // Neural Networks. Vol. 22, 2009. P. 518-526.
10. Sapir E. Conceptual Categories in Primitive Languages // Science. Vol. 74, 1931.
11. Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York: Wiley, 1956.

УДК 378(038)

Ю.Н. Здорикова, М.О. Зимин

Ивановский государственный химико-технологический университет

СЛОВАРЬ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

В статье приводятся наблюдения над использованием словарей в речевой практике современной молодежи, в частности, студентов технических специальностей и студентов-культурологов 1-4 курсов ИГХТУ, описаны результаты анкетирования в этой аудитории.

Еще Гумбольдт считал, что «язык можно сравнить с широкой тканью, в которой каждая нить переплетена, связана со всеми другими» [1, с. 42]. Таким образом, еще в 19 веке было заложено понимание языка как системы – естественной, динамичной, открытой. На лексическом уровне языковая система также очень сложна, поэтому значение толковых словарей в современной речевой практике очевидно. Ориентированные на интересы пользователя, они не только отражают современный язык и дают дефиниции, но и позволяют корректно и правильно использовать то или иное слово в речи, иллюстрируя его употребление должными примерами. Благодаря подвижности языковой системы очень часто те или иные слова из научной или политической сферы проникают в разговорную речь. Используя термин или научное понятие в диалоге, носитель языка забывает о сочетаемости слов и их сфере употребления, поскольку не понимает значения или только догадывается о нем. На язык также оказывает воздействие на заимствованную иностранную лексику в результате тесного политического, социокультурного сотрудничества тех или иных стран. Соответственно, чтобы использовать подобного рода

лексику, необходимо знать не только область ее применения, но и значение. Большое влияние на человека оказывают средства массовой информации, использующие в своей работе самую разнообразную лексику. Чтобы не ошибиться при ее употреблении, необходимо обращаться к толковым словарям.

Данное исследование имеет своей целью определить место словаря в повседневной жизни и научной деятельности современного студента, выявить знание студентами технического вуза различных словарей. Нами было проведено анкетирование студентов 1-4 курсов технических специальностей, а также студентов 1-3 курсов гуманитарного факультета, получающих специализацию «Менеджмент в сфере культуры». Возрастная категория опрошенных – 17-25 лет. Им было задано 8 вопросов, связанных с использованием словарей:

1. Какие словари вы имеете дома?
2. Пользуетесь ли вы словарями? Если да, то какими?
3. Как вы считаете, нужно ли молодежи использовать словари? Если да, то в каких случаях?
4. Какие типы словарей вам известны?
5. Назовите авторов известных вам словарей.
6. Перечислите известные вам словари.
7. Какой словарь вам хотелось бы иметь дома?
8. Каким, по-вашему, должен быть словарь?

Как выяснилось, немногие студенты вообще имеют дома какие-либо словари или знают их составителей. Самыми популярными словарями у представителей технических специальностей стали толковые словари В.И. Даля и С.И. Ожегова (32% и 11%). В связи с обилием электронных словарей мало кто из анкетированных считает нужным иметь печатные издания дома. Тем не менее 47 % респондентов пользуются словарями, в основном, толковыми (26%) и орфографическими (23%). К орфоэпическим словарям обращаются лишь 14% опрошенных, фразеологическим и словарям синонимов – 2%, к Интернет-словарям – 11%. 79% студентов считают, что современной молодежи необходимо пользоваться словарями для правильного правописания, корректной орфоэпии и четкого построения речи.

Можно предположить, что многие опрошенные не обращались к словарям вообще и не знают, какую информацию можно получить из словарей. Будучи непосвященными в особенности научного дискурса, студенты видят практическую пользу словарей только в их информативности, доступности и удобстве в использовании.

Студенты-культурологи называют большее количество различных словарей, использующихся в их научной работе и повседневной жизни. Большое значение они уделяют, помимо толковых, этимологическим, фразеологическим словарям, словарям синонимов. Многие отмечают неоценимую помощь словарей при написании деловых писем, курсовых работ, различных проектов, чтении художественной, публицистической

литературы. Однако даже представители гуманитарного направления считают, что информация, доступная в Интернете, и электронные версии словарей легко могут заменить бумажные издания.

Библиографический список

1. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / Пер. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984.

УДК 81'426

Ж.К.Ибраева, А.Карбозкызы

Казахский Национальный университет имени аль-Фараби

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (АНАЛИЗ ФОРМ ПРИВЕТСТВИЯ НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В настоящей статье осуществлен сопоставительный анализ этикетных форм приветствия в разных культурах на материале казахского, русского и английского языков.

Современная лингвистика, отличающаяся интегративным и антропоцентрическим характером исследования, ставит своей целью всестороннее изучение коммуникации человека говорящего как носителя языка и определенной культуры (А. Вежбицкая, С. Тер-Минасова, Ю. Сорокин и др.). При этом коммуникация как процесс общения осуществляется в условиях культурно обусловленных различий, влияющих на удачу или неудачу коммуникативного события. Участники коммуникативного диалога, представители разных культур при прямом контакте используют набор специальных языковых вариантов и дискурсивных стратегий, существенно отличающихся от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры.

Поскольку коммуникация традиционно представляется как социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в межличностном и массовом общении, то в этой связи считаем необходимым привести определение А.П. Садохина, который под межкультурной коммуникацией понимает совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам. По мнению ученого, вопрос заключается в том, что и как соотносят различные культуры. Причем, как отмечает исследователь, «что» и «как» здесь не только предполагают друг друга, но и могут быть, по существу, тождественны [5, с. 16].

Как показывают исследования, специфика межкультурного общения особо прослеживается в сопоставлении этикетных форм общения.

Речевой этикет – проблема многоаспектная в современной лингвистике, требующая привлечения данных лингвокультурологического, этнопсихолингвистического, когнитивного характера. В современном языкознании речевой этикет рассматривается как система национально-специфических, стереотипных, устойчивых формул обращения, принятых обществом для установления контакта собеседников, для его поддержания и прерывания [6, с.199].

Этикет – явление национальное. То, что считается вежливым у одного народа, может быть истолковано как жест невежливого отношения к собеседнику у другого. Различны у представителей разных народов и формы приветствия [6, с. 41].

Действительно, принципы и правила использования этикетных формул, помимо универсального принципа вежливости, это, в первую очередь, принцип соответствия речевой ситуации. Здесь огромную роль играют ситуация и обстановка общения (официальная / неофициальная) и социальные переменные коммуникантов (социальный статус, возраст, пол, этнос, степень знакомства, владение языками, религиозная принадлежность), являются определяющими при выборе этикетных формул.

В настоящей статье принята попытка сопоставить этикетные формы приветствия в разных культурах на материале казахского, русского, английского языков. Казахстан – мультилингвальная, полиэтническая и поликонфессиональная страна, поэтому в республике наблюдаются как универсальные и национально-культурные формулы речевой культуры. В процессе анализа мы постарались выделить наиболее частотные формулы речевого этикета как показателя этнической идентичности.

И в этом плане интересно замечание А. Умарова, который отмечает, что у каждого народа существуют какие-то свои отличительные особенности в поведении в тех или иных ситуациях. В своей статье он пишет, что так и казах должен знать, как ему поступить в той или иной ситуации, чтобы его не сочли невежливым или невеждой [4, с. 1]. Как пишет исследователь, время и глобализация вносят и здесь свои коррективы, но, тем не менее, многие национальные обычаи в области этикета сохраняются, по сей день. Особое внимание казахи уделяют приветствию (*сәлем беру*). Путник, прибывший издалека, обязательно поздоровается с аксакалами и уважаемыми людьми населенного пункта. Даже сейчас стоит приехать в гости к дальним родственникам, как начинаются бесконечные хождения по родным и близким, многих из которых, возможно, видишь в первый раз. С другой стороны, в дом, где остановился дальний родственник, начинается паломничество местных. Недаром казахская пословица гласит: "*Алыстан келген алты жастағы балаға алтыс жастағы ақсақал сәлем береді*" ("Шестилетнему ребенку, прибывшему издалека, приветствие отдает шестидесятилетний старец"). Особое внимание в статье уделено вариации классического казахского приветствия *Амансыз ба!* («Все ли у Вас благополучно?»), которое

используется как форма единственного числа *Амансың ба!* («Все ли у тебя благополучно?») или просто *Аман ба?* – «Все хорошо?»).

При описании вербального казахского приветствия мы обратились к лексикографическому анализу слова *аман*. Так в толковом словаре казахского языка слово «*аман*» имеет следующие дефиниции: 1) *Саусалемет, есен-сау*. 2) *Шығынсыз, бүлініп-бұзылмаған, жоғалмаған* [7, с. 256].

Примечательно, что вместе с формой *амансыз ба* в современной речевой культуре используется более официальное приветствие *Сәлеметсіз бе?* («Здравствуйте»), которое также первоначально интонационно произносилось в форме вопроса, стечением времени повсеместно используется повествовательная форма. Отметим, что в неофициальной коммуникации используется сокращенная форма *Сәлемет пе?*

Отметим, что в ряде регионов Казахстана используется диалектная форма *Саламатсыз ба?* (на юге Казахстана). Исторические данные подтверждают, что с принятием казахов мусульманства в широкий обиход вошло и традиционное приветствие *Ассалаумағалайкүм*, которое часто произносится как «*ассалаумағалейкүм*». По мнению исследователей, если выбирать между приветствиями, то наиболее нейтральным будет «*Амансыз ба*», потому что «*Сәлеметсіз бе*» придает коммуникативной ситуации официальный оттенок. Здесь наблюдаются и гендерные вариации, форма «*Ассалаумағалайкүм*» используется в коммуникации мужчин.

Однако, что существуют и другие, менее формальные приветствия. Наблюдения показывают, что форма *Хал қалай?* («Как дела?»), чаще произносимая как «*қал қалай?*».

Поскольку формулы речевого этикета позволяют устанавливать наужный контакт с собеседником, то особенно важно для избежания коммуникативных неудач знать основные национальные особенности речевого поведения. Так, по мнению многих исследователей, в английском приветствии ярко проявляется такая черта английского коммуникативного поведения, как постоянная демонстрация внимания, интереса, симпатии к собеседнику. В приветствии выделяются три типа речевых действий, в результате которых можно выделить следующие составляющие: непосредственная формула приветствия *Good morning! Good afternoon! Hello!* обращение *Mr Robinson, Benson, Dickson* и элементы фатической коммуникации или «*smalltalk*», которые являются яркой особенностью английской коммуникативного поведения *Lovely day, isn't it? Good to see you! Nice party*. По мнению Т.Г. Винокура, фатическая коммуникация – это коммуникация в наиболее чистом виде, ее «свобода личного содержательно-стилистического изъяснения» [2, с. 6].

Английские формулы приветствия отличаются демократичностью. Такие формулы, как *Good morning! Good afternoon! Good evening!* имеют оттенок формальности и в большей степени характерны для официального

стиля общения. Их менее формальными вариантами являются усеченные формулы «*Morning*», «*Afternoon*», «*Evening*», которые употребляются в неформальной обстановке и часто сопровождаются именем адресата: *Morning, Michael! Aternoon, Tom! Evening, Ann!* При обращении же к группе знакомых людей (к друзьям, ученикам, студентам, соседям и т.д.) используется приветствие *Morning lads, guys, folks* [1, с. 7].

В русский язык слово «этикет» вошло в XVIII в. при правлении Петра I, установившем широкие политические и культурные связи с рядом зарубежных стран. В современной русскоязычной культуре речевого этикета наряду с историческими формами приветствия используются новые варианты. Наиболее употребительными среди носителей русского языка различные приветствия, отличающиеся стилистической окраской, степенью распространенности и сферами функционирования, но являющиеся при этом именно приветствиями: *Здравствуй! Здравствуйте! Добрый день! Доброе утро! Добрый вечер!* (стилистически нейтральные, уместные в любой обстановке и при различном характере отношений между общающимися). В этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера можно найти следующее определение слова «Здравствуй»: *Здравствуй – это сокращение из формы I л. ед. ч. здравствую «приветствую тебя»* [10, с. 287].

Сегодня в русскоязычной среде форма *Приветствую вас!* как несколько архаичная, используется с неким оттенком торжественности и только в исключительных случаях.

Более частотными формулами приветствия в русскоязычной и двуязычной молодежной среде в Казахстане можно назвать следующие *Привет! Салют! Приветик!* (разговорно-просторечное, сниженное, иронически-шутливое, возможное только в неофициальной обстановке, между находящимися в дружеских отношениях говорящими); *Hello! Hi!* (заимствованные из английского языка, являющиеся принадлежностью молодежного жаргона, уместные в неофициальной обстановке при наличии неофициальных отношений между общающимися).

Сфера употребления приветствия «*Hello*» в последнее время заметно сузилась. Чаще всего оно употребляется как знак начала общения, однако, как отмечают ученые, оно уже не может переводиться в справочниках по этикету как эквивалент русского *Привет*, которое используется как приветствие хорошо знакомых людей и сигнализирует о близости отношений.

Формулы *Hello, Hi* можно назвать универсальными в как русскоязычной, так и в казахскоязычной молодежной среде. Таким образом здороваются студенты, ученики старших классов, но такая форма не приемлема для людей старшего поколения.

В английской коммуникации существует и такая формула приветствия, как «*Hi-ya*», которая образовалась в результате слияния двух формул «*Hi* и *How're you*». Она не имеет семантического значения вопроса

о состоянии адресата, и ответ на нее не предполагается. Данная формула часто сопровождается именем адресата: *Hi-ya, Mary*.

По мнению Ч. Фергюсона, приветствие *Hi-ya* образовалось в результате сокращения формулы *How're you* и в свою очередь сократилось до *Hi*, которое в настоящее время мало кем воспринимается как производное от *How're you* [9, с. 13]. То есть трансформация данных формул происходила следующим образом: *How're you – Hi-ya – Hi*.

Семантическое поле речевого этикета составляет система синонимических, тематических и собственно семантически связанных единиц. В отличие от русской и казахской коммуникации, где приветствие также сопровождается репликами, представляющими собой вопрос о состоянии партнера *Как дела?/Что нового?/Как жизнь? или Амансың ба?/Қал қалай?/Жағдайың қалай?*, английские формулы являются в большей степени конвенциональными и семантически неполными. Например, формула *How're you*, первоначально из вопроса о состоянии собеседника превратилась в формулу приветствия. Исследователи, обращающие внимание на этот факт, называют формулу *How are you?* сигналом признания партнера. Как известно, «*How are you*», *How's it going* – это не только вопрос о состоянии здоровья или дел адресата, но и признание его существования и значимости.

Что касается невербальных форм приветствия, то, как отмечает в своем исследовании Ж.К. Ибраева, во всех этих трех культурах наиболее употребляемыми жестами приветствия являются паралингвистические «знаки»: *рукопожатие, рукопожатие обеими руками, кивок головой* [3, с.12-13].

В процессе работы нами было проведено социолингвистическое исследование, в котором респондентам предлагалось выбрать наиболее частотные формы приветствия. В итоге исследования были установлены частотные и национально-культурные формы приветствия во всех трех анализируемых языках.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что речевой этикет, являясь функционально-семантической универсалией, вместе с тем отражает яркую национальную специфику, этническую идентичность как принадлежность, самоотождествление индивида с определенным этносом.

Библиографический список

1. Аитова Х.Р. Речевые этикетные формулы обращения к собеседнику: На материале русского и английского языков: Автореферат дис. на соиск. учен.степ. канд. филол. н. – Тюмень, 2003.
2. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект – Москва, 1993.

3. Ибраева Ж.К. Невербальная коммуникация: национально-культурная специфика: Учебное пособие для магистрантов университетов и институтов. – Алматы, 2001.
4. Педагогическое речеведение. – М: Флинта, 1998.
5. Умаров А. Особенности национального этикета. <http://www.nomad.su>
6. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Москва: Высшая школа, 2005.
7. Скаженик Е.Н. Деловое общение: Учебное пособие. – Таганрог: Издательство ТРТУ, 2006.
8. Словарь: «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі». – Алматы, 1959.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – Москва: Слово, 2000.
10. Фергюсон Ч.А. Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку: <http://www.classes.ru/grammar/166.new-in-linguistics-25>.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. – Москва: «Прогресс», 1986.

УДК 811.92

О.И. Кателкина

*Московский государственный университет печати
имени Ивана Федорова*

СМАЙЛИКИ В ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКЕ

В статье рассматриваются все «за» и «против» использования смайликов (эмотиконов) в электронной переписке (в том числе и деловой). Анализируются этапы выбора смайлика, показывается его взаимодействие со словом. Дается обоснование применения эмотиконов с точки зрения психологии. Разбираются нежелательные модели употребления смайликов.

Трудно представить себе современное общение без электронной переписки, а электронную переписку в свою очередь уже сложно представить без употребления смайликов.

Смайлик, смайл (англ. smiley), реже эмотикон (англ. emoticon), эмоти-конка, эмоцион – пиктограмма, изображающая эмоцию. Чаще всего составляется из типографских знаков (в основном, из знаков препинания) [10].

Почему в изображении смайлика используются те или иные знаки? Здесь часто работает принцип похожести: так точки напоминают глаза,

запятая – подмигивающий глаз, круглые скобочки – улыбку, но не во всех случаях можно провести такую параллель.

«В Египте круг с точкой в центре был символом человека» [5; с. 232], возможно именно поэтому смайлики имеют форму круга. «В древней клинописи параллельные линии обозначали дружбу, а пересекающиеся линии – вражду» [6; с. 389]. Можно предположить, что по этой причине большинство смайликов имеют в своем составе параллельные линии, а те, у которых линии пересекаются, несут негативную окраску (вешающийся смайлик X-), труп (+_+), зомби (x_x)).

Также не случайна жёлтая окраска электронного смайлика, ведь жёлтый цвет повышает концентрацию внимания, символизирует общительность и радость жизни. Всё это говорит о том, что «пользоваться языком и создавать новые знаки уже означает повторять ранее произведённое» [4; с. 52].

Конечно, смайлики привносят в нашу жизнь разнообразие. Употреблять ли их (и если употреблять, то какие) – зависит от вас и вашего собеседника. Если это давний знакомый, и вы уверены, что он поймёт присланный смайлик именно так, как вы хотели – тогда вперёд! Если же с человеком вы знакомы мало – лучше обойтись стандартными смайлами, такими как :-) и :- (.

Ещё один важный вопрос: стоит ли пользоваться смайликами в общении, близком к деловому. Кто-то может не раздумывая ответить: «Нет! Ни в коем случае!». И вроде бы это верно, но, если проанализировать, может оказаться, что даже в серьёзной переписке смайлики нужны. Они помогают где-то смягчить какое-то высказывание, где-то разрядить обстановку, но употреблять их нужно с большой осторожностью, важно не зайти слишком далеко.

Приведу в пример медицинский форум. Здесь любой желающий может задать вопрос специалисту и получить ответ. Казалось бы: уж где-где, а в вопросах, касающихся человеческого здоровья, не до шуток. Специалист же, отвечающий на вопросы, так не считает, он часто прибегает к помощи смайликов, чтобы сделать контакт с виртуальным пациентом более непринуждённым, комфортным, доверительным:

шизофрения

Здравствуйте! Моему родственнику поставили диагноз Шизофрения. Пропивал таблетки Рексетин и Рессет, при приеме таблеток жаловался на непонятные ощущения в голове, тяжесть и чувствует себя как растение, вкусовых качеств не ощущает. Это его сильно беспокоит его. В данный момент не пропивает эти таблетки. Может ли нет он восстановится больной без приема таблеток. Состояние больного такое же улучшений нет.

Надежда

При отсутствии существенного клинического эффекта или при появлении выраженных побочных состояний или осложнений психиатр

производит подбор ДРУГОГО препарата. Однако сделать это в ЗАОЧНОМ варианте невозможно :-)

женится на женщине, которая старше его

У меня есть братишка, ему 20 лет. Он собрался летом жениться на женщине, которая старше его на 4 года. Переживаю, так не охото, чтоб он женился на старушке. Что вы думаете, будет ли у него счастливый брак и не станет ли он мамсиком? Все таки наверно она им будет управлять, а не он.

Евлампия

Да и возраст 24 года «старушечьим» не назовешь :-)) А «управлять» сможет и женщина, младше мужа на много-много лет – для этого важен не возраст, а личностно-характерологические особенности каждого из супружеской пары» [8].

В примерах сохранены авторская орфография и пунктуация.

Из этих примеров видно, что доктор продумывал, куда поставить смайлики, а не «лепил» их куда попало. Такой подход в совокупности с высокой квалификацией позволили этому специалисту занять первое место в рейтинге консультантов сайта. Значит, смайлики располагают к человеку.

О том, что смайлики вызывают доверие, свидетельствует и тот факт, что их активно используют в каталогах косметической продукции, например, в каталоге AVON в отзывах клиентов.

Есть люди, которые ставят улыбающийся смайлик «:))» вместо знаков препинания. Выглядит это малопривлекательно:

Ты знаешь:)я сегодня был в университете:)а потом пошёл на каток:)

Это, кстати, хорошее средство для скрывания своей неграмотности: не знаешь, нужна здесь запятая или нет – ставь смайлик, пусть собеседник сам догадывается: смайлик это как знак препинания, или же – эмоция.

Люди, интересующиеся психологией, знают, что, чувствуя симпатию к человеку, мы начинаем непроизвольно повторять его позу, жесты. То же явление наблюдается и в переписке: многие не только повторяют слова, выражения и стиль собеседника, которому импонируют, но и его смайлики. Ведь пишутся они по-разному.

«Количество выделяемых учеными отрицательных эмоций превосходит количество положительных. Кроме того, отрицательные эмоции у человека длятся дольше положительных (это связано с тем, что отрицательные эмоции возникают в результате изменения гормонального фона и проходят по мере изменения гормонального состава крови, а положительные в основном проводятся нервными импульсами и проходят достаточно быстро). Однако интернет дает совсем иную статистику: по данным Яндекса, веселые смайлы используются в 4,3 раза чаще, чем грустные. Недостаток положительных эмоций, таким образом, компенсируется их символическим изображением в виде смайлов. В итоге – снятое напряжение и налаженная обратная эмоциональная связи, то есть

именно то, что приближает интернет-переписку к тому типу общения, к которому мы все привыкли» [3].

Блогер Fritz Morgen настроен против смайликов. Он считает, что смайлики употребляют только люди, далёкие от элиты, что смайлик «улыбка» не выражает никакого нового понятия.

«Смайлики — это костыль для тех, кто не умеет выражать свои мысли на литературном языке» [2].

Хочется поспорить с автором данного убеждения, ведь «сухое» общение приводит к замыканию в себе, всевозможным депрессиям и истериям. Что касается достаточно серьёзных сообществ, уже приводился пример с доктором-консультантом, где расстановка смайликов (в подходящих местах) только приветствуется.

Далее: почему смайл улыбка должен нести что-то новое? Он выражает то, что заложено в человеке с древности, мы уведомляем собеседника об этом. Вероятно, смайл улыбка как раз-таки будет вечным, вопрос только, в какой форме. Зачем писать: «Я улыбаюсь», когда можно обойтись понятным всем и каждому «:-)» или «:)» (работает закон речевой экономии).

Есть люди, у которых эмоциональное состояние достаточно нестабильно. Постоянно писать словами об этом неудобно, а смайлики очень хорошо помогают передать, что творится в данный момент в душе собеседника.

С тем, что нужно совершенствовать письменную речь, — никто не спорит. Но человеку важно передавать эмоции и получать обратную реакцию. В этом смайлики — лучшие помощники в письменной речи на данный момент, к тому же здесь срабатывает закон речевой экономии. Но как показывает практика, речевая экономия важна для людей не так, как возможность передать свои ощущения и переживания, именно поэтому многие уже используют словесные смайлы (*важно показала язык*, *кланяется*, *топаю ножкой* и т.д.).

«Визуальное пространство достаточно активно «освоено» человеком, поскольку сообщения в нём:

- а) лучше запоминаются;
- б) лучше хранятся в памяти.

Символы иконического языка обладают достаточной долговременностью, чтобы использоваться во всех сферах жизни человека» [7, с. 34].

Выходит, что смайлики выгодно использовать для сильного воздействия на собеседника.

Смайлики используются в основном молодым поколением. Многие пожилые люди считают, что выразить свою мысль можно без всяких картинок и дополнительных элементов, если, конечно, тебе есть что сказать. Эмотиконы, по их мнению, ведут к деградации мыслительной способности, неумению подобрать нужное слово в нужный момент. Но ведь смайлик-то тоже необходимо ставить осмысленно, существуют некие

Однако можно поставить его и в начале, и в середине предложения, делая тем самым логическое ударение. Если мы видим эмотикон в середине фразы – это знак того, что собеседник пытается заострить на чём-то наше внимание, например:

– Знаешь, :-[ты мне очень понравилась...– смайлик «смущение» в середине предложения сигнализирует о том, что говорящему стоило большого труда раскрыть свои чувства.

yahoo У меня будет своя квартира! – Смайлик, стоящий в начале предложения свидетельствует о том, что человек не в силах сдержать радость, она переполняет его и вырывается наружу. Здесь эмоции проявляются сильнее, чем если бы смайлик стоял в конце предложения.

Конечно же, смайлики имеют правила сочетаемости. Так, например, если вы выбрали улыбающийся смайл, то грустный эмотикон без дополнительных знаков рядом уже ставить нельзя.

Таким образом, убеждаемся, что выбор смайлика схож с выбором слова, значит, это стилистический процесс.

Смайлик и слово очень тесно между собой взаимодействуют: смайлик является контекстом для слова, а слово, в свою очередь, является контекстом для смайлика.

Рассмотрим случай с таким обычным, но очень распространённым словом «привет». Итак:

Если мы видим просто «привет» без всяких смайликов, мы не можем понять, с какими чувствами это слово сказано, поэтому воспринимается нами как речевой штамп.

Привет =) – ясно, что человек начал общение с позитивным настроением,

Привет =(– с негативным настроением,

Привет =[– человек смущён, возможно, он в чём-то виноват или собирается попросить о какой-то услуге,

Привет >:(– сейчас будет скандал,

Привет *yahoo* – мы – желанные собеседники.

Иногда смайлики выступают в роли контекста, тем самым конкретизируя смысл высказывания, тогда они нам очень помогают.

Иногда эмотикон может нас запутать, тогда на помощь приходит словесный контекст – это тоже хорошо. Но бывает, что в текст умышленно ставятся не те смайлики, которые должны бы стоять там на самом деле, например, мы пишем: «Я не обижаюсь ☺», а на самом деле всё как раз наоборот. Таким образом мы вводим собеседника в заблуждение, а иногда и манипулируем им, ведь узнать по смайлику о том, что тебя обманывают, практически невозможно, а при визуальном или вербальном контакте раскрыть обман реально.

Конечно, стоит сказать о том, что сейчас существует настоящая смайликовая зависимость. Человека, страдающего такой зависимостью, называют смайлофагом.

«Смайлофаг – обитатель интернета, использующий смайлы (текстовые или графические) слишком много и слишком часто» [9].

И это достаточно серьёзная проблема, потому что здесь прослеживаются нарушения психики, ведь многие утверждают, что человек вкладывает в смайлы свой характер. А некоторые даже научились определять пол собеседника по смайликам, которые этот самый собеседник употребляет.

Некоторые психологи говорят, что человек, часто употребляющий подмигивающий смайлик, пытается показать своё превосходство над собеседником: дескать, он знает о вас куда больше, чем вы предполагаете.

Допустим:

А: «Ты пойдёшь на дискотеку?»

Б: «Нет, я была там на прошлой неделе. Сегодня не хочу»

А: «А, понятно ;-))»

Можно подумать, что А имел ввиду: «Понятно, ведь я уверен, что ты не просто не хочешь, а что на прошлой дискотеке было нечто (и я об этом прекрасно знаю), из-за чего ты не идёшь».

Существует несколько советов, когда и как не стоит употреблять смайлики:

1. Значение смайлов не определяется никем, кроме самого пишущего.
2. Смайлики используются вместо знаков препинания.
3. Если в предложении собеседника различного рода смайлов больше, чем текста.
4. Если пишущий на самом деле испытывает чувства, не соответствующие выбранному смайлику.

Библиографический список

1. AVON. 2012. №2. С. 126.
2. Fritz Morgen. Время собирать смайлы [Электронный ресурс] // Русский пионер.- Электрон. текст. дан. – [2012] – Режим доступа: <http://ruspioner.ru/ptu/single/801/>,свободный. – Загл. с экрана. – Дата обращения 07.12.2012.
3. Александр Лиор. Время собирать смайлы [Электронный ресурс] // Русский пионер. – Электрон. текст. дан. – [2012] – Режим доступа: http://old.ruspioner.ru/ru.php?id_art=2029,свободный. – Загл. с экрана.- Дата обращения 07.12.2012.
4. Векшин Г.В. Феномен повтора и проблема языковой формы / Г. В. Векшин // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения: I Новиковские чтения: материалы Международной научной конференции, Москва, 5 – 6 апреля 2006 г. – .2006. – С. 52.
5. Зигуненко С.М. Знаки и символы / С.М. Зигуненко. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2004. – 463 с.: ил.

6. О'Коннелл Марк. Знаки и символы: иллюстрированная энциклопедия/ Марк О'Коннелл. – М.: ЭКСМО, 2007. – 255 с.: ил., цв. ил.
7. Почепцов Г.Г. Семиотика // Г.Г. Почепцов. – М., Киев: РЕФЛ-бук: Ваклер, 2002. – 430 с.
8. Селюков Георгий Иванович. Ваш вопрос + [Электронный ресурс] // МедВопрос. – Электрон. текст. дан. – [2012] – Режим доступа:
http://www.medvopros.com/view_doctor/6794?part=1&page=0, свободный. – Загл. с экрана. – Дата обращения 08.12.2012.
9. Смайлофаг [Электронный ресурс] // Лукоморье. – Электрон. текст. дан. – [2012] – Режим доступа:
<http://lurkmore.to/%D0%A1%D0%BC%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D1%84%D0%B0%D0%B3>, свободный. – Загл. с экрана. – Дата обращения 09.12.2012.
10. Эмотикон [Электронный ресурс] // Википедия. – Электрон. текст. дан. – [19??] – Режим доступа:
<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BD>, свободный. – Загл. с экрана. – Дата обращения 06.12.2011.

УДК 81'22

Т.В. Летапурс, В.И. Бельчиков

Юго-Западный осударственный университет

СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РЕЧИ БЛОГЕРОВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ТЕКСТОВ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Статья предлагает характеристику компьютерных текстов, отражающих речь блогеров с точки зрения стилистических особенностей, которые определяются как лингвистическими процессами (отражением разговорного стиля), так и социально-психологическими аспектами развития молодежной среды.

Сложные явления в коммуникативно-информационном пространстве позволяют наблюдать живой процесс формирования языка и речи. Компьютерный мир представляет новые возможности как пользователю, так и исследователю, в центре внимания которого находятся различные вопросы лингвистики.

Если раньше общение в интернете предназначалось для деловых целей двух или нескольких человек, то сегодня в Сети оно приобрело массовый характер, объединяя людей по интересам, способствуя формированию межличностных отношений. Для быстрого обмена информацией разработано немало средств: электронная почта, чаты, блоги,

форумы, мессенджеры, социальные сети, гостевые книги, телеконференции или группы новостей.

Почти все сервисы интернет-общения предоставляют возможность анонимного участия – под именем вымышленного персонажа. Это делает общение практически неконтролируемым и ненаказуемым, так как невозможно установить какие-либо данные того, кто должен нести ответственность. Кроме того, «общение на расстоянии» не требует дополнительных затрат времени и денег для установления контакта, благодаря чему становится более интенсивным, массовым, популярным. В отличие от телефонных разговоров линия интернет-общения не может быть занята, неограниченное количество людей использует ее совместно, а помимо обмена сообщениями, имеет возможность обмениваться файлами, ссылками, другой информацией. Чтобы делать этот обмен наиболее удобным или выгодным, присутствие в сервисе легко скрыть, даже применяя различные уловки [1, с. 56].

Язык общения в интернете регламентируется правилами модерирования сервиса, которые сводятся к «забаниванию» людей, которые используют нецензурную лексику и выражения. В остальном пользователю предоставляется полная свобода. Все это *снимает психологический барьер, препятствующий построению взаимоотношений в обычной жизни, создает условия для творчества и самовыражения современной молодёжи, одним из проявлений которых является модификация лексики.*

Язык интернет-пользователей дифференцирован по возрастным и профессиональным категориям, по уровню владения компьютерными технологиями, по интересам пользователей или предпочитаемой ими деятельности. Например, есть подязык программистов, web-дизайнеров, системщиков, хакеров, любителей компьютерных игр и т.д. Каждой группе пользователей свойственно употребление определенных лексических конструкций, которые могут быть знакомы остальным группам частично или вовсе не знакомы. И только небольшая часть языка является общей для всех. Можно предположить, что эта часть незначительна по сравнению с общим словарным запасом русского языка и существенным образом вряд ли может на него повлиять. Помимо этого, пользователи в разной степени владеют тем или иным видом лексики, относящейся к литературному языку, профессиональной терминологии или сленгу, жаргону.

Точное долевое распределение видов языка по подгруппам интернет-сообщества неизвестно, так как подобные исследования пока не проводились. Однако можно сказать, что молодое поколение хорошо знакомо с компьютерной терминологией, чаще использует сленг, который заменяет ему сложные лингвистические конструкции, которые они еще не очень хорошо освоили. Для молодежи свойственно искать способы отличаться от других, отгораживаться от взрослых «повелителей», иметь свои секреты, противопоставлять скучным традиционным устоям новые игровые формы, поэтому именно им принадлежит большинство

лингвистических экспериментов и нововведений. Впоследствии когда время игр, веселья и развлечений уходит на второй план, возникает необходимость осваивать деловой, официальный литературный язык, который должен заменить сленг, позволит вписаться молодежи в трудовое коллективное сообщество.

Интернет пополняет русский язык новыми терминами, добавляет новые значения уже известным словам. При этом виртуальная среда **формирует особые условия для развития неологизмов, которые представляют собой не только компьютерную терминологию, связанную с интернетом, но и сленговые формы языка, образуемые в процессе общения пользователей Сети.**

Характерной чертой, отличающей интернет-язык от литературного языка, является **широкое внедрение и употребление неологизмов в речи, в сообщениях и комментариях, используемых в интернете.**

Неологизмы, наиболее употребляемые в Сети, условно можно разделить на следующие группы:

- компьютерные термины;
- интернет-сленг;
- компьютерный сленг или жаргон;
- молодежный сленг [1, с. 24].

Выделение подгрупп языка является условным, потому что в некоторых случаях четкого деления нельзя произвести из-за взаимосвязанности понятий; совместного их использования; назначения слов, выполняющих функции терминов, но имеющих стилистически жаргонную окраску.

Лексика интернет-пользователей может быть также **как литературной, так и нелитературной, редко, но встречается и ненормативная лексика, нецензурная брань, обычно выраженная в виде хаотичного набора символов или замены ими части слова.** По мнению филолога, профессора МГУ Г. Гусейнова, сквернословие в языке неизбежно, хотя и преследуется законом РФ как мелкое хулиганство (ст. 20.1 ч.1 КоАП РФ), но «инстинктивный ответ популяции на пустосвятство, на инфляцию высоких слов, на лживость мнимо чистенького общества» [4].

Большинство русских компьютерных терминов и сленговых слов заимствовано из иностранных языков, чаще – английского. Их основу составляет перевод или произношение соответствующих понятий.

Например, одинаковые по произношению с английскими словами:

интернет – internet;
винчестер – Winchester;
компьютер – computer;
интерфейс – interface;
курсор – cursor.

Некоторые слова формируются путем сокращения названий, и часто употребляются именно в таком виде, например, VGA, TIFF, VBA, RAM, IP, DVD, FAT [5].

Сокращения сленга имеют более свободные формы, чем у терминов, сокращаются устоявшиеся фразы, например,

BTW (By The Way) – *между прочим*;

CU (See You) – *увидимся (до свидания)*;

AFAIK (As Far As I Know) – *насколько мне известно*;

ИМНО (In My Humble Opinion) – *по моему скромному мнению*;

LOL (Lot Of Laugh) – *очень смешно, умираю со смеху*;

GL (Good Luck) – *удачи*.

Или используются эти же сокращения, но в написании русскими буквами, например, ИМХО, ЛОЛ, АФАИК и т.д. [2]

Часто сленговые сокращения принимают **буквенно-цифровую форму**, заменяя слоги цифрами, похожими по произношению, например,

4GET (Forget) – *забудь*;

ME2 (Me too) – *я тоже*;

10X (Thanks) – *спасибо* [5].

Надо сказать, что похожих аббревиаций, образованных от русских фраз и слов, гораздо меньше, так как интернет вошел в российское пространство позднее.

Встречаются усеченные формы русских слов, например,

компьютер – комп;

программист – программер;

программа – прога;

робот – бот;

регистрировать – регить;

ноутбук – ноут, бук [5].

Использование сленга отчасти служит для облегчения адаптации к англоязычным терминам, ускорению процесса их внедрения.

Большая часть сленговых конструкций в интернете придумана не только для того, чтобы передать информацию в краткой и упрощенной форме, но и для того чтобы оживить ее, придать юмористический оттенок. Это также игровая форма образования слов, которая придает общению эмоциональный характер, поднимает настроение, снимает напряжение, делает разнообразной скучную профессиональную беседу, позволяет найти общий язык, способствующий быстрому сближению и обмену информацией.

Этим пользуется не только молодежь, но иногда и взрослое поколение. Употребление таких слов часто вызвано желанием пошутить или «говорить на одном языке». Так, например, даже известный филолог МГУ в своих ответах на вопросы читателей его блога, вместо «этим» с юмором пишет «сим», а вместо «может быть» – «мабудь» и «слудет», в ответ на вопрос, не следует ли сильно упростить письменный и устный

язык и ввести латиницу в качестве второй азбуки, чтобы уменьшить безграмотность [4].

Юмористический оттенок сленга чаще всего выражает отношение к объекту, указывая на его характеристики, особенность или одно из свойств. Переносное значение чаще всего представлено метафорами.

Например,

прыскалка – струйный принтер;
палка – джойстик;
Пилюлькин – антивирусная программа;
мозги – ОЗУ;
дыра – уязвимость программного обеспечения;
голова – процессор;
бродилка – браузер;
пузомерка – счетчик;
морда или межмордие – интерфейс;
искалка – поисковая система (напр. Яндекс) [5].

Часто целью подмены названия является не только юмор, но и ирония, а также проявление агрессии или неприятия, в том числе по отношению к объекту или иностранному слову, например,

виндуха, виндуза, масдай (Windows);
крысодром (коврик для мыши);
софтино (soft, программа);
намордник (защитный экран монитора);
ишак (браузер Internet Explorer), автогад (AutoCad).

Сленгу вообще характерна экспрессивность, эмоциональность, яркость, образность, выразительность.

Некоторые слова могут заменяться сленговыми из-за их сходства по произношению с другими словами, например,

шаровары от англ shareware – условно-бесплатное ПО;
мыло похоже на англ. Mail (мэйл);
дрова – драйвера;
мазила – браузер Mozilla;
лук, аутглюк – почтовая программа Outlook;
лыжи – компания LG;
квакер – игрок в компьютерную игру Quake;
дельфин – программист на Delphi;
думер – игрок в Doom [5].

Мода на сленговые «интернет-словца» проявляется в их частом использовании в разговорной речи и СМИ, но литературными и общепринятыми становятся лишь немногие из них [3, с.150].

Таким образом, по итогам проведённого анализа средств выразительности, используемых интернет-участниками, можно сделать вывод о том, что основным стилеобразующим фактором является широкое употребление эмоционально-оценочной и экспрессивной лексики, индивидуальных новообразований (окказионализмов), неологизмов,

стилистически ограниченной лексики, метафор, просторечий и аббревиатур.

Библиографический список

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – 1996. – №3. – 240 с.
2. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга. – М.: АСТ, 2003. – 736 с.
3. Стернин И.А. Словарь молодежного жаргона. – Воронеж, 1992.
4. <http://www.lenta.ru/conf/guseinov/> Г. Гусейнов, филолог, участник международного проекта The Future of Russian, 13.07.09. Кто портит русский язык?
5. <http://livejournal.com/>

УДК 811.512.122'373.2

Г.Б. Мадиева, А.Т. Ахменова

Казахский Национальный университет имени аль-Фараби

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В КАЗАХСКОЙ ФАМИЛИИ

В статье предлагается анализ структуры современной казахской фамилии с позиции ее национальной определенности. Представлено описание истории становления фамилии у казахов, а также влияние русской традиционной фамилии на казахскую.

«...а по фамилии. А фамилию вот и забыл!..
Васильичу... Черт... Как же его фамилия?
Давеча, как сюда шел, помнил... Позвольте-с...
Иван Евсеич поднял глаза к потолку и
зашевелил губами. Булдеев и генеральша
ожидали нетерпеливо.
- Ну что же? Скорей думай!
- Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу...
Забыл! Такая еще простая фамилия...
словно как бы лошадиная...»
А.П. Чехов

Удивительно, насколько жизненна и комична ситуация, в которую попали герои произведения А.П. Чехова. А виной всему обыкновенная фамилия, «лошадиная» фамилия одного из персонажей, без которой невозможно было послать телеграмму этому человеку. Фрагмент короткого рассказа А.П. Чехова наглядно показывает важность существования такого феномена, как фамилия в современном мире.

Так что же такое, в сущности, фамилия? Толковый словарь Ушакова дает определение фамилии, как «наследственное семейное наименование,

прибавляемое к личному имени и переходящее от отца (или матери) к детям...» [6]. Это современное понимание фамилии. Само слово «фамилия» происходит от лат «familia» – семья, этим значением можно объяснить употребление данного слова как синонимичного словам *семья*, *род*, особенно в литературных текстах: *Наблюдайте вашу болезнь. К тому же вот вам и фамилия теперь приехала, о ней-то попомните* (Ф. Достоевский).

У разных народов фамилии появились в разное время. Как пишет А.В. Суперанская: «В истории общественного развития каждого народа наступает время, когда одного лишь имени личного делается недостаточно» [5, с. 89]. Ученые-ономасты утверждают, что теоретически люди могут существовать без фамилий, однако это значительно усложнит, а скорее всего, сделает невозможной систему управления государством, систему отношений между людьми. На сегодняшний день фамилия наравне с именем является главнейшим опознавательным знаком человека.

В данной статье мы бы хотели затронуть национальные особенности структуры казахских фамилий как отдельных объектов антропонимики.

Появление фамилии у казахского народа как раз было вызвано необходимостью централизации управления, а также подсчетом населения и что немаловажно индивидуализацией и дифференциацией растущего населения. До вступления Казахского ханства в состав царской России, казахи обходились без фамилий. Ключевую роль в те времена играло имя, а также род (ру) и подрод – племя (тайпа). Если у человека имелось какое-то звание или титул, они также использовались в имени. Таким образом, стандартное казахское полное имя в старину выглядело как *Кара Кытшак Кобланды Батыр* (подрод + имя + титул). Кочевые казахские роды и племена не нуждались в строгой переписи, каждый кочевник помнил своих предков до седьмого, а то и до девятого колена.

После процесса присоединения, сопровождавшегося интенсивным ростом крепостей, форпостов, городов и укреплений, что способствовало смене кочевого уклада жизни на оседлый, появилась также потребность в строгой именной формулировке. Точкой отсчета в появлении фамилий у казахов можно считать середину XIX века. Казахи, поступавшие на службу получали фамилии, образованные от имени отца или деда с русским окончанием -ов, -ев, реже -ин [4, с. 141]. При этом графа «отчество» чаще всего оказывалась пустой. Так, знаменитый казахский поэт и мыслитель Абай получил фамилию Кунанбаев от имени своего отца Кунанбая, а его племянник, не менее известный казахский философ и ученый Шакарим, сын родного старшего брата Абая Кудайберды – фамилию Кудайбердиев. С современной точки зрения оба человека, будучи близкими родственниками и принадлежа к одной семье, должны носить одинаковую фамилию. Однако, как видим, в XIX в. у казахов возникла отличная от традиционной ситуация фамилеобразования в одной семье. Эта тенденция сохраняется до сих пор, когда в одной семье дет

носят разные фамилии, образованные от имени деда, отца или прадеда (отец – *Арман Жунусов*, сын – *Аулет Мустафа*, дочь – *Меруерт Жунус*).

Отдельную проблему составляли сложные казахские имена, непривычные для русского языка сочетания звуков, которые были упрощены без учета замены их семантического и лексического значения. Одним из примеров можно назвать «руссификацию» казахской фамилии «Орынбасаров» (*орын басар* – «заявший место предыдущего, заместитель») как «Арынбасаров» (*арын басар* – «растоптавший честь»). Подобные казусы не являются единичными и объясняются, на наш взгляд, различиями в фонетической системе русского и казахского языков, а также элементарным отсутствием грамотных переводчиков.

С приходом Советской власти в Казахстан, «офамиливание» приобрело массовый характер. Это объяснялось еще и борьбой с так называемым трайбализмом в органах управления. В 30-е годы XX века у казахов сохранялась традиция образования фамилии от имени отца, поэтому почти у всего поколения того времени основы фамилии и отчества совпадают [4, с. 143], например, *Кансеит Абдезулы Кансеитович*. В итоге, к моменту обретения Казахстаном независимости – 1991 г. по настоящее время фамилия имеется у каждого казаха.

С обретением независимости повысился и национальный дух народа, что, несомненно, отразилось на желании вернуться к истокам и исконным традициям. Поскольку полный отказ от фамилии невозможен в силу отсутствия равноценного эквивалента для определения личности того или иного человека, возникла необходимость в появлении уникальной аутентичной формы казахской фамилии, которая указывала на национальную принадлежность фамилии. (по аналогии фамилии на *-дзе* у грузин, на *-ян* – у армян и т.п.). Подобным эквивалентом может служить форма, в которой вместо прежде использовавшихся *-ов(а)*, *-ев(а)* используются казахские суффиксы *-улы* (сын), *-кызы* (дочь), прибавляемые к основе – имени отца. (аналогичную форму имеют исландские фамилии с суффиксами *-сон* и *-доттир*). Так, *Абай Кунанбаев* становится *Абаем Кунанбайулы*, т.е. «сыном Кунанбая». Однако такой подход имеет ряд существенных недостатков. Один из них заключается в том, что подобные суффиксы, неся в себе лексическую нагрузку, логически могут использоваться только с именем отца, соответственно фамилия не будет единой для разных поколений, но для каждого поколения будет своя. Такая фамилия лишается одной из своих основных функций – функции родового имени, объединяющего членов одной семьи. С другой стороны, при такой формулировке фамилия несет в себе функции отчества.

Еще одним проблемным аспектом таких фамилий является двойственность ситуации при заключении брака: жена не может взять фамилию мужа с суффиксоидом *-улы*, т.к. это суффикс мужского рода, и не может поменять его на суффиксоид женского рода *-кызы*, поскольку это означало бы, что она приходится дочерью своему будущему свекру. В таком случае целесообразно было бы ввести дополнительный суффиксоид

-келини (невестка). Помимо этого подобная формулировка фамилии исключает возможность присвоения ребенку материнской фамилии – в таком случае потребуются суффиксоиды *-урпагы* (потомок) или *-немереси* (внук) и т.п. В действующем законодательстве Республики Казахстан запрещено употребление всех вышеперечисленных суффиксов, кроме *-улы* и *-кызы* [2]. В Законе Республики Казахстан «О браке и семье» (от 17 декабря 1998 г.) также разрешено употребление суффиксов *-ов*, *-ев*. Третьим возможным вариантом фамилии является усеченная форма, когда фамилия образуется от имени отца, деда или прадеда по отцовской линии без добавления каких-либо суффиксов. Такая формулировка фамилии также имеет ряд проблемных аспектов, в частности, если мальчика назовут Абай Кунанбай, сложно понять, где фамилия, а где имя т.п.

На сегодняшний день большая часть новорожденных при регистрации получает фамилию, оканчивающуюся на *-ов*, *-ев*. Однако популярностью также пользуются и два других варианта формулировки фамилии, особенно в южных регионах Казахстана. Отсутствие четко регламентированной системы образования фамилии приводит к проблемным ситуациям различного характера. Поэтому вопрос о казахской фамилии в последние годы особенно остро стоит перед отечественными ономастами.

Библиографический список

1. Жанузаков Т. Казахско-русский толковый словарь имен – Алматы, 1989. – 192 с.
2. Закон Республики Казахстан от 17 декабря 1998 года «О браке и семье».
3. Инструкция по русской передаче казахских и казахской передаче русских антропонимов (имен, отчеств и фамилий). – Алматы, 2011.
4. Никонов В.А. География фамилий. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
5. Суперанская А.В. Имя – через века и страны, изд. 2-е, испр. – М.: ЛКИ, 2007. – 192 с.
6. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935-1940.

УДК 30'428

Г.Б. Мадиева, А.А. Тургенбаева

Казахский Национальный университет имени аль-Фараби

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТЕОРИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье предлагается анализ инновационных и интерактивных технологий для учебного процесса. Представлено описание

функционирования инновационных методов, а также пути применения для учебного процесса.

В век резких экономических изменений и технических прорывов, необходимость в применении инновационных технологий в процессе обучения крайне возросла. Инновации предполагают создание и внедрение новшества, которое значительно вносит существенные изменения в систему работы. На сегодняшний день, высшие школы в Казахстане все больше и больше технически оснащены, что позволяет преподавателям применять инновационные и интерактивные методы в учебном процессе. В данной статье будет затронута важность отличного владения английским языком, а также инновационные технологии в теории обучения иностранного языка в высшей школе.

С принятием Закона «О языках» иностранный язык приобрел статус средства международного общения. Английский язык стал полноправным предметом в вузах Казахстана. С каждым годом возрастает особый интерес среди молодежи к английскому языку как средству международного общения. Появляются новые специальности со знанием иностранного языка. Знание английского языка – это обязательное требование для делового общения и ведения бизнеса в любой точке мира, свидетельство и залог конкурентоспособности, профессиональной социализации современного молодого поколения. И задача преподавателя университета: совершенствовать методы обучения, пересмотреть содержание обучения иностранному языку. Необходим поиск инновационных методов, передовых технологий обучения языкам.

Каждый преподаватель в той или иной степени обладает элементами методической системы, ориентирующейся на конкретные целевые установки и стремящейся к достижению определенных результатов. Можно упомянуть различные педагогические технологии, применимые в процессе преподавания английского языка:

- технология уровневой дифференциации (ТУД), ориентированная на обучение в малых группах соответственно языковому уровню студентов;

- стратегия Технологии критического мышления через чтение и письмо (RWCT), которая представляет структуру занятия, состоящей из трех стадий обучения и изучения:

- 1 стадия - мотивация-побуждение;
- 2 стадия - поиск ответов из опыта собственных знаний;
- 3 стадия - рефлексия (Reflection);

- технология «Step by step» («Шаг за шагом»), учитывающая индивидуальные способности обучаемых;

- технология педагогики встречных усилий (ПВУ), в которой наиболее продуктивным способом возбуждения внимания является эвристическая задача.

К названным педагогическим технологиям можно прибавить ряд других, но суть не в их количестве, а в последовательном применении на

практике. Их объединяет методика организации деятельности субъектов процесса обучения, каковыми являются преподаватель и студент. Методы, применяемые в перечисленных технологиях, основаны на их интерактивном взаимодействии.

Интерактивная модель обучения основывается на постоянном взаимодействии и активной связи участников процесса – преподавателя и студента. Если мы представим современные тенденции развития процесса обучения в форме текстовой таблицы, то налицо стремление к активной самостоятельной деятельности.

Рассмотрим современные тенденции развития образовательного процесса в динамике.

Если раньше: преподаватель – режиссер учебного процесса; ответственность берет на себя преподаватель; реализация умения работать под руководством; активность преподавателя превышает активность студента, то в настоящее время: режиссура лежит в структуре материала, положенного в основу обучения; ответственность берет на себя студент; реализация умения работать самостоятельно; активность учащегося выше активности преподавателя.

Таким образом, интерактивные методы обучения лежат в основе всех новых технологий, в том числе и при обучении английскому языку.

При интерактивной методике преподавания обучающиеся научатся следующим знаниям, умениям и навыкам:

- составлять самостоятельное суждение об информации (учебном материале), выбирать необходимое из потока информации;
- анализировать информацию с разных точек зрения и позиций;
- самостоятельное конструирование новых понятий и знаний;
- дискутировать, аргументировать и доказывать свою точку зрения;
- учитывать альтернативные мнения, с уважением относиться к мнению других;
- делать выбор, принимать решения и решать сложные проблемы;
- работать в составе команды;
- эффективно общаться и взаимодействовать;
- принимать правила совместной работы.

Таким образом, используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс (при условии соответствующей дидактической интерпретации), более эффективно решать целый ряд дидактических задач на уроке:

- формировать навыки и умения чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;
- совершенствовать умения аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет, также соответственно подготовленных учителем;
- совершенствовать умения монологического и диалогического высказывания на основе проблемного обсуждения представленных учителем или кем-то из учащихся материалов сети;

- совершенствовать умения письменной речи, индивидуально или письменно составляя ответы партнерам, участвуя в подготовке рефератов, сочинений, других эпистолярных продуктов совместной деятельности партнеров;
- пополнять свой словарный запас, как активный, так и пассивный, лексикой современного иностранного языка, отражающего определенный этап развития культуры народа, социального и политического устройства общества;
- знакомиться с культуроведческими знаниями, включающими в себя речевой этикет, особенности речевого поведения различных народов в условиях общения, особенности культуры, традиций страны изучаемого языка;
- формировать устойчивую мотивацию иноязычной деятельности учащихся на уроке на основе систематического использования «живых» материалов, обсуждение не только вопросов к текстам учебника, но и «горячих» проблем, интересующих всех и каждого.

Особенно интересно использовать материалы Интернета при работе над проектом. Преподаватель может поискать различную, подчас даже противоречивую информацию в сети по проблеме, которая подлежит в данный период времени обсуждению, исследованию. Предлагая подобные материалы студентам, преподаватель может поставить задачу - отобрать подходящую для обсуждаемой проблемы информацию, согласиться с ней, принять к сведению в работе над проектом, либо, напротив, оспорить её, разумеется, аргументировано, для чего также необходимы факты, информация. Причем каждой группе, работающей над своей проблемой, можно предложить соответствующий материал по проблеме обсуждения. Его может подбирать преподаватель с помощью некоторых студентов. Достаточно грамотных пользователей сети, либо вообще передать в качестве задания этим учащимся, но, разумеется, определив сферу поиска.

На мой взгляд, использование информационных технологий позволяет осуществить задуманное, сделать занятие современным. Использование компьютерных технологий в процессе обучения влияет на рост профессиональной компетентности преподавателя, это способствует значительному повышению качества образования, что ведёт к решению главной задачи образовательной политики.

Анализируя опыт использования информационных технологий на занятиях, можно с уверенностью сказать, что использование информационно-коммуникативных технологий позволяет:

- обеспечить положительную мотивацию обучения;
- проводить занятия на высоком эстетическом и эмоциональном уровне (музыка, анимация);
- обеспечить высокую степень дифференциации обучения (почти индивидуализацию);
- повысить объем выполняемой на занятии работы в 1,5-2 раза;
- усовершенствовать контроль знаний;

- рационально организовать учебный процесс, повысить эффективность занятия;
- формировать навыки подлинно исследовательской деятельности;
- обеспечить доступ к различным справочным системам, электронным библиотекам, другим информационным ресурсам.

Что касается результативности, то те студенты, которые систематически работают с компьютерными учебными программами, повышают свое качество знаний. Студенты проявляют устойчивый интерес к изучению английского языка.

Библиографический список

1. Абрамешин А.Е. Инновационный менеджмент. Учебник для вузов / А.Е. Абрамешин, Т.П. Воронина, О.П. Молчанова, Е.А. Тихонова, Ю.В. Шленов; под редакцией О.П. Молчановой. – М.: Вита-Пресс, 2001. – 272 с.
2. Смагулова А.С. Проектная технология в системе обучения английскому языку / А.С. Смагулова // Теория и практика образования в современном мире: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 362-364.
3. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І О языках в Республике Казахстан.
4. Елибаева Р.Д. Интерактивные методы при обучении языку // Білім берудегі менеджмент. – 2010. – № 3. С. 48-51.

УДК 811.161.1

М.С. Мальшева

Ивановский государственный университет

О СТАТУСЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Предлагаемая статья посвящена проблеме определения места крылатых выражений в рамках фразеологии, понимаемой в широком смысле. Представлены различные точки зрения на сущность крылатых выражений и сделана попытка систематического описания свойств данного класса фразеологических единиц.

Крылатые выражения (далее – КВ) привлекают всё большее внимание лингвистов, что связано, в частности, с распространением культуры цитирования во всех функциональных стилях речи, которое особенно характерно для эпохи постмодерна с её всеобщей интертекстуальностью. Вместе с тем, сущность крылатых выражений до сих пор чётко не определена лингвистической наукой.

Прежде всего, не всегда разводятся сами понятия «крылатые выражения» и «крылатые слова» (далее – КС). Об этом свидетельствуют определения из современных словарей, в т.ч. лингвистических терминов. Так, в словаре О.С. Ахмановой читаем: «Крылатые выражения. То же, что крылатые слова»; «Крылатые слова (крылатые выражения, летучие слова) англ. winged words, нем. geflügelte Worte. 1. Слова, получившие широкое распространение и отличающиеся значительной экспрессией. 2. Устойчивые словосочетания, подобные пословицам и поговоркам, но происходящие из определённого литературного или исторического источника» [1]. У Д.Э. Розенталя крылатые слова определяются как «устойчивые выражения, вошедшие в язык из определённого литературного или исторического источника (меткие изречения выдающихся общественных деятелей, цитаты из произведений художественной литературы и т.д.) и получившие широкое распространение благодаря присущей им выразительности» [3]. Таким образом, КВ и КС рассматриваются как синонимы, при этом подразумевается несколькословность данных языковых единиц. С другой стороны, отмечаются такие важные их качества, как устойчивость, экспрессивность и возможность установления источника.

Можно ли отнести КВ к фразеологическим единицам (далее – ФЕ) и, если да, то какое место они занимают в системе ФЕ? Исходя из того, что КВ воспроизводятся в готовом виде, отличаются раздельнооформленностью и особой выразительностью, способствующей их широкому распространению, они по праву относятся к ФЕ. Подтверждение этого предположения мы находим, более пристально взглянув на объём фразеологии.

В.Н. Телия, один из ведущих российских фразеологов, выделяет следующие признаки фразеологизмов:

- 1) принадлежность к номинативному инвентарю языка;
- 2) полная или частичная идиоматичность;
- 3) свойство устойчивости, проявляющееся в воспроизводимости «в готовом виде» [4, с. 56].

Рассмотрев всё разнообразие фразеологизмов, В.Н. Телия выстраивает достаточно строгую классификацию. Все фразеологизмы объединяются в классы: 1) идиомы (фразеологические сращения и единства); 2) фразеологические сочетания; 3) паремии (пословицы и поговорки); 4) штампы; 5) клише; 6) крылатые выражения [4, с. 58]. Как следует из классификации, Телия является сторонником широкого понимания фразеологизмов, причисляя к ним как словосочетания, так и предложения.

Заметим, что в то время как собственно фразеологизмы, или фразеологизмы в узком понимании, включают слова со связанными значениями и отвечают критерию «невыводимости» значения целого из значений составляющих сочетание слов в их «обычном» значении, фразеологизмы-предложения (наряду с фразеологическими сочетаниями

по классификации В.В. Виноградова) имеют качественно иной состав. Н.М. Шанский предложил для последних термин «фразеологические выражения»: это «такие устойчивые в своём составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями; но в процессе общения они не образуются говорящим» [6, с. 44]. Итак, КВ, подобно паремиям, относятся к категории фразеологических выражений. Стоит, однако, отметить, что КВ не всегда представляют собой предложения; они, как и поговорки, могут быть выражены в форме словосочетаний, что также затрудняет процесс классификации фразеологических единиц. Вместе с тем, на наш взгляд, термин «фразеологические выражения» может быть смело применён к любому типу КВ на основании признака отсутствия компонентов со связанными значениями.

Поясняя особенности фразеологизмов в форме предложений, В.Н. Телия интерпретирует их номинативную функцию как способность называть ситуацию в целом. Иллюстрацией данного положения могут послужить многочисленные КВ из фильмов Леонида Гайдая, как то: «*Экзамен для меня всегда праздник, профессор!*» или «*Птичку жалко*». Кроме того, подобные фразеологизмы выступают как готовые «блоки» в составе высказывания или текста, где они и обретают «завершённость мысли» и модально-референциальную актуализацию [4, с. 57]. Например, автор блога пишет: «*Замуровали демоны. Вот уже две недели как нам на работе перекрыли доступ в интернет*»; при включении КВ в текст в неизменном виде значение КВ уточняется и даже по-новому осмысливается благодаря ближайшему окружению КВ.

Ранее названная экспрессивность также выступает важным свойством фразеологизмов. По наблюдению А.И. Фёдорова, фразеологизмы создаются не для называния каких-либо новых явлений, а для конкретизации и образно-эмоциональной оценки предметов [5, с. 13]. Мысль Фёдорова развивает В.Н. Телия: «фразеологизмы – не просто аномалии языка, а знаки, обладающие «размытым» объективным содержанием и вместе с тем прагматической нагруженностью, что и обеспечивает специфику их функционирования в языке» [4, с. 42]. Всё это справедливо и применительно к КВ. К примеру, КВ «*Надо, Федя, надо!*» не называет какого-либо реального явления, однако очень ярко отражает эмоциональное отношение говорящего к ситуации и наполняется конкретным содержанием в зависимости от этой ситуации.

Вернёмся к понятию о КВ. Долгое время они не отделялись от крылатых слов, однако строгое лингвистическое исследование требует однозначности используемых терминов. По этой причине вслед за С.Г. Шулежковой мы будем различать КВ и собственно крылатые слова (КС), объединяя их понятием «крылатые единицы» (КЕ). Шулежкова определяет КЕ как «постоянно воспроизводимые в широких кругах отечества изречения, выражения или имена, историческое или

литературное происхождение которых известно (доказуемо)» [7, с. 19]. КЕ делятся на КВ и КС в зависимости от их структуры и компонентного состава: если КС являются однословными единицами (*хамелеон, Отелло*), то КВ сверхсловны и характеризуются раздельнооформленностью (*пламенный мотор, без права на ошибку, танцуют все!*).

Необходимо также отметить, что использование КВ в готовом виде, устойчивость их компонентного состава и грамматической структуры не исключает варианты [2, с. 9]. Так, одно из любимых кинематографических КВ россиян – «*Я требую продолжения банкета!*» – породило такие устойчивые выражения как глагольное «*требовать продолжения банкета*» и субстантивное «*продолжение банкета*». Особенности функционирования механизмов запоминания приводят не только к структурному упрощению КВ, но и к отдельным семантическим изменениям, вплоть до распространённой замены КВ «*Оставь меня, старушка, я в печали*» на вариант «*Уйди, старуха (старушка), я в печали*». По отношению к цитатам подобные факты позволяют говорить об их полном вхождении в систему языка.

Итак, на современном этапе фразеологи признали необходимость различения собственно крылатых слов, с одной стороны, и сверхсловных крылатых выражений, с другой стороны. Крылатые выражения сохраняют ключевое для фразеологизмов свойство устойчивости, проявляющееся в воспроизводимости в готовом виде, но состоят из слов со свободными значениями и потому могут быть отнесены к фразеологии лишь в её широком понимании, образуя класс, параллельный классу паремий (и отличаясь от последних возможностью установления источника).

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Каменев К.В. Крылатые единицы, восходящие к синтетическим жанрам искусства, в современном русском и английском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2012.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М., 1976.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
5. Фёдоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск, 1980.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 1963.
7. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М., 2001.

УДК 008

Е.О. Мануйлова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАКОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования метакоммуникативного компонента высказывания в публицистическом дискурсе. Проведенное исследование позволяет утверждать, что некоторые характеристики публицистического дискурса проявляются в метакоммуникативном компоненте высказывания. Исследование проведено на материале немецкоязычных СМИ и Интернет-ресурсов.

На настоящем этапе развития науки дискурсивный подход к изучению и трактовке исследуемого материала используется во многих социальных областях и, в частности, в лингвистике, поэтому многие учёные говорят о дискурсивном перевороте в гуманитарной области знаний (Макаров М.Л., Степанова М.И. и др.).

Логично, что одной из основных единиц анализа в дискурсивной онтологии стало понятие «дискурс», которое является важным и при изучении метакоммуникативного компонента высказывания. Так как без знания широкого контекста и коммуникативной ситуации сложно объективно оценить прагматическую роль подобных единиц в общении, уместность и необходимость использования их говорящим, то в процессе исследования необходимо обратиться к определению понятий более общего по отношению к высказыванию уровня, для которого часто используется термин «дискурс».

Анализ дискурса, понимаемого как «текст в ситуации реального общения» [1, с. 205], допускает различные подходы к интерпретации понятия. Теме настоящего исследования наиболее близки трактовки дискурса с функциональной и с ситуативной точек зрения. В первом случае дискурс определяется как «целостная совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [2, с. 69], т.е. высказываний. Трактую понятие таким образом, исследователи уделяют особое внимание контексту и ситуации общения. Ситуативная интерпретация дискурса предполагает учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, что на современном этапе развития лингвистики связано практически со всеми её отраслями.

Анализируя связь дискурса с ситуацией общения, М.И. Степанова подчёркивает, что знание ситуации позволяет исследователю адекватно интерпретировать текст и оценить такие его свойства, как связность,

эффективность, уместность. Кроме того, особенности конкретной единицы дискурса определяются участниками коммуникации, «их мыслительной активностью, психологическими, культурными и социальными характеристиками, стратегиями речепорождения и речевосприятия» [3, с. 234].

Такая трактовка понятия дискурс особенно близка теме нашего исследования. Необходимо определить условия, в которых будут появляться и функционировать метакоммуникативные компоненты высказывания, что должно быть уместным и соответствовать нормам и правилам общения, которые во многом зависят как от ситуации общения, так и от личных характеристик и социальных ролей коммуникантов.

С недавнего времени понятие дискурса в лингвистике в некоторых случаях определяет сферу социальной активности коммуникантов и обуславливает особенности их речевого взаимодействия (уровень конвенциональности, стереотипности и т.д.).

Дискурсивные условия, в которых находится говорящий, оказывают влияние на все аспекты его речи – лексическое наполнение, грамматическое построение, интонационное оформление и т.д. Изучая дискурс с позиции личности и социального статуса участников общения, многие лингвисты (Алещанова И.В., Карасик В.И. и др.) выделяют несколько типов институционального дискурса. К ним можно отнести: научный, массово-информационный/публицистический, политический, религиозный, педагогический, деловой, рекламный и др.

В рамках проводимого исследования особый интерес представляет изучение особенностей публицистического дискурса, его основных черт и характеристик, которые, по нашим наблюдениям, зачастую проявляются в метакоммуникативном компоненте высказывания. Некоторые исследователи (Арнольд И.В., Богданов В.В., Гальперин И.Р., Ейгер Г.И., Карасик В.И., Москальская О.И., Тураева З.Я. и др.) выделяют такие черты публицистического дискурса, как: целостность, завершённость, модальность, образ автора, адресованность/адресативность. Результаты анализа полученного в ходе исследования языкового материала позволяют утверждать, что в метакоммуникативном компоненте высказывания в рамках публицистического дискурса могут проявляться все перечисленные черты.

Анализ фактического материала, полученного методом сплошной выборки из современных немецкоязычных печатных СМИ (например, «Die Zeit», «Die Welt», «Tagesspiegel» и др.), а также из Интернета («Spiegel Online», «Die Welt Online», <http://www.focus.de>), позволяет остановиться в данной статье на таких характеристиках, как образ автора и адресованность.

Необходимость наличия реципиента обуславливает любой вид человеческого общения. Некоторые исследователи говорят о наличии в речи признаков, связанных с информацией об адресате, которые проявляются как «узловые точки авторской стратегии и ориентиры для

стратегии читателя» [4, с. 10]. Одним из таких «ориентиров» для читателя является метакоммуникативный компонент высказывания. Как справедливо отмечает М.Л. Макаров, само наличие такого элемента в тексте говорит об особом внимании автора высказывания к адресанту своего сообщения, так как основной функцией метакоммуникации является пояснение каких-либо аспектов текущей коммуникации. Рассматривая контексты, взятые из газетных текстов, приходим к выводу, что роль метакоммуникативного компонента высказывания напрямую связана с аудиторией, к которой обращается автор произведения, с её социальными, культурными и когнитивными особенностями.

Исследователи газетного текста выделили особенности абстрактного адресата продукции средств массовой информации. И.В. Алещанова выделяет две основные характеристики адресата газетного текста. С одной стороны, адресатом является языковой коллектив, «каждый из членов которого, может стать потребителем предлагаемой информации» [5, с. 11]. С другой стороны, под адресатом можно понимать аудиторию с разнородными социокультурными характеристиками. Нельзя забывать о том, что общение автора статьи с целевой аудиторией газеты осложнено разными временными характеристиками.

Следовательно, автор газетной статьи, понимая особенности аудитории, вынужден пользоваться специальными средствами для пояснения, уточнения и дополнения материала во избежание непонимания и обусловленного этим недовольства читателя. Такую роль в речи часто выполняют метакоммуникативные компоненты высказывания.

Wir wissen nicht, wie die Welt heute aussehen würde, hätte zum Beispiel die Pariser Kommune (das war vor 150 Jahren) Erfolg gehabt und die Welt in eine andere Richtung gelenkt (<http://www.zeit.de/wirtschaft/2012-07/david-graeber>).

David Graeber, der intellektuelle Superstar der Occupy-Bewegung, radikalisiert 5.000 Jahre Menschheitsgeschichte zur Geschichte der Schulden (<http://www.zeit.de/2012/21/L-Graeber>).

Приведённые высказывания имеют внутри себя метакоммуникативные компоненты, служащие для введения новой для адресата информации. Они же дополняют те пробелы в фоновых и текущих знаниях представителей аудитории, заполнение которых, по мнению автора, позволит предупредить возникновение коммуникативных неудач в процессе общения с читательской аудиторией. При этом в некоторых случаях, в частности, в первом примере, автор поясняет широко известную информацию, ориентируясь на самых разных (в интеллектуальном плане) представителей целевой аудитории издания.

Особенность образа автора в публицистике заключается в том, что в данном типе дискурса происходит слияние реальной личности автора и образа автора в тексте [6, с. 76].

Результат анализа фактического материала позволяет утверждать следующее. Подобные метакоммуникативные компоненты имеют место,

преимущественно, в таких жанрах публицистического дискурса, как интервью. Именно здесь особенно ярко проявляется личность говорящего, его эмоциональное состояние, что даёт ему право открыто обсуждать текущий процесс коммуникации, свои действия и чувства. Следующие примеры наглядно показывают возможные варианты функционирования метакоммуникативных компонентов в интервью:

Ich bin mir nicht sicher, ob ich Ihrer Annahme zustimme (<http://www.zeit.de/wirtschaft/2012-07/david-graeber>).

Ich frage mich ernsthaft, ob es sich tatsächlich um eine Wissenschaft handelt. Sie bietet ein oder zwei nützliche Erklärungen dafür, wie sich Menschen unter bestimmten Umständen verhalten (<http://www.zeit.de/wirtschaft/2012-07/david-graeber>).

Местоимение первого лица единственного числа, использованное внутри метакоммуникативного компонента, помогает автору обоих высказываний – популярному оппозиционеру Давиду Греберу, участнику движения «Оссиру», – придать своей речи выраженную личностную окраску, создать у адресата образ честного, открытого человека, заслуживающего доверия и, таким образом, найти поддержку среди обычных граждан.

Одной из особенностей публицистического дискурса является его проективность, т.е. через средства массовой информации могут реализовываться другие типы дискурса, например, политический. Метакоммуникативный компонент играет в данном случае важную роль, так как он может пояснять какие-либо факты политической жизни и уточнять имена действующих лиц для читателя, недостаточно информированного в той сфере политической жизни, о которой идёт речь в тексте газетной статьи.

Montis Landsmann Romano Prodi, einst Präsident der EU-Kommission und wie Monti italienischer Ministerpräsident, hat es gerade wieder auf den Punkt gebracht (<http://www.zeit.de/wirtschaft/2012-08/monti-europa-krise-2>).

Der Ministerpräsident lobte zugleich den Kurs des Chefs der Europäischen Zentralbank, Mario Draghi, in der Eurokrise und die von ihm angedeuteten neuen Aufkäufe von Staatsanleihen kriselnder Euroländer (<http://www.zeit.de/wirtschaft/2012-08/monti-europa-krise-2>).

Последние примеры показывают, как авторы газетных публикаций о валютном кризисе в ЕС, используя средства метакоммуникации, поясняют чуждые для немецкого читателя итальянские имена/фамилии и тактично напоминают о роли их обладателей в современной политической обстановке.

Обобщая всё вышесказанное, делаем вывод, что метакоммуникативные элементы высказывания, выявленные в немецком публицистическом дискурсе, выполняют разнообразные прагматические функции в тексте газетной статьи. Своеобразием функционирования таких компонентов в речи можно считать проявление в них основных черт и характеристик публицистического дискурса. Наличие

метакоммуникативного компонента в тексте газетной статьи репрезентирует как особенности стратегии общения адресанта, так и когнитивные, культурные и социальные особенности аудитории.

Библиографический список

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998. – 200 с.
3. Степанова М.И. Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса // Вестник Самарского государственного университета. – Самара, 2009. – № 7 (73). – С. 230-234.
4. Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте: Межвуз. сб. науч. тр. – Санкт - Петербург, 1993. – С. 4-12.
5. Алещанова И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы). [Автореф. дис.] / И.В. Алещанова, канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 18 с.
6. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики. – М.: Мысль, 1982. – 176 с.

УДК 81'22

Т.Е. Мирзаева, Р.А. Тоскано, А.С. Алферов, А.А. Бутакова

Юго-Западный государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕМОЙ БУКВЫ «Н» В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предлагается анализ значения немой «h» в испанском языке. Представлено описание функционирования этой буквы, а также рассмотрены некоторые спорные вопросы, возникающие при объяснении ее использования.

Объектом нашего исследования является «немая» буква «h» в испанском языке, которая интересна отсутствием звука, кроме случаев использования в составе диграфа «ch» или в словах иноязычного происхождения, например, в слове *hámster* – «хомяк», пришедшего из немецкого языка, «h» произносится как мягкая «j».

«Н» [‘açe] (восьмая буква испанского и латинского алфавитов) не произносится ни в одном из романских языков, кроме румынского, и лишь в словах нелатинского происхождения, а при образовании диграфов с согласными «с» и «s» используется в качестве маркеров других звуков.

Например, в итальянском языке сочетание «ch» перед «i» или «e» служит для обозначения звука [k], а не [ç] как в испанском (*che* – [ke] –

«что»); во французском языке диграф «hc» обозначает звуки [ʃ] и [k]. (*tchèque* – [tʃɛk] – «чеишский», *chlore* – [klɔʁ] – хлор); в португальском языке «nh» звучит как испанская «ñ» (*junho* – [ˈzuɲjɔ] – «июнь»), «lh» представляет звук равнозначный испанскому звуку [ʎ] сочетания «ll», а не [y] (*julho* – [ˈzu lju] – «июль»), а являясь сочетанием «ch», может передавать звук [k] или [ʃ] (*Echo* – [ˈeki] – Эку, *chá* – [ʃa] – чай) [3, с. 86].

В испанском языке, «h» «звучит» только когда стоит рядом с «с», поэтому многие годы в словарях этот диграф считался отдельной буквой «ch», следовавшей за «с», но в настоящее время «h» «включена» в аппарат буквы «с».

По мнению известного лингвиста В.С. Виноградова, проблема использования немой буквы «h» заключается в отсутствии звука, что приводит ко многим орфографическим ошибкам не только иностранцев, но и носителей испанского языка; требуется много времени, чтобы научиться правильно использовать букву «h» в огромном количестве слов, где она должна использоваться и где не должна [1, с. 345]. Решением этой проблемы многие лингвисты считали отказ от использования буквы «h», что и было высказано учёными на одном из заседаний членов Королевской академии испанского языка. «Академия всегда поддерживает доктрину употребления социумом слов как эволюцию испанского языка. Буква «h» сохранялась до наших дней из-за культурного обычая, но пришло время менять и эволюционировать словарь. Имеется в виду полностью бесполезный символ в нашем языке, и его существование ничего не делает, кроме как усложняет его. Даже нет звука, который бы обозначал этот символ» [6]. Однако «h» продолжает существовать в испанском языке и занимает прочные позиции на всех уровнях языковой системы, кроме фонетической [5].

«Н» продолжает использоваться в языке по двум причинам: исторической и практической. Историческая причина объясняется развитием испанского языка на протяжении долгого времени: так как это язык латинского происхождения, большая часть лексики и письменности перешла из того, как говорили и писали римляне (особенно в просторечии).

Многие слова, которые писались с «f» в латыни, изменились в течение веков и первоначальный звук [f] перешел в придыхательный [h] и вскоре совсем исчез, однако некоторые регионы Испании всё же продолжают произносить этот звук с начальной «h» в некоторых словах, например, *hijo* (от лат. *filius* – «сын»), *hierro* (от лат. *ferrum* – «железо»), *hacer* (от лат. *facere* – «делать») и другие.

Также многие слова в латинском и греческом языках изначально писались с «h», где она читалась. Например, *heterogéneo* (от греч. *ἑτερογενής* – «гетерогенный, разнородный»), *honesto* (от лат. *honestus* – «честный»).

Свой «след» в словах, где есть «h», оставили также мосарабский и другие древнегерманские языки, так как в них этой букве соответствовал

звук, который не существует в испанском. Например, *zanahoria* – «морковь», *alcohol* – «алкоголь» и другие. В этих словах «h» не произносится.

Практическая причина – порядок. «Н» позволяет классифицировать слова по их происхождению и образованию, образовывать новые слова и соответственно называть предметы и явления. Кроме того, в случае с омофонией, когда слова звучат одинаково, можем их легко различать при написании, так как один из омофонов имеет «h». Например, *hasta* – «до» и *asta* – «пика», *hola* – «привет» и *ola* – «волна», *hato* – «стадо» и *ato* – «связываю».

В устной речи лексическое значение этих слов определяется в соответствии с контекстом, а в письменной речи они различаются ещё и графически.

Для использования немой «h», необходимо знать следующие правила определения места её употребления:

1) в словах, начинающихся с *hum-*: *humano* – «человек», *húmedo* – «влажный», *humo* – «дым», *humor* – «юмор»;

2) в словах, начинающихся с *hecto-*, *hielo-*, *hetero-*, *hepta-*, *hexa-*, *homo-*: *hectómetro* – «гектар», *heliógrafo* – «гелиограф», *heterogéno* – «гетерогенный», *heptaedro* – «семиугольник», *hexágono* – «шестиугольник», *homófono* – «омофон»;

3) в словах, начинающихся с *herb-*, *herm-*, *hist-*, *holg-*, *horm-*, *horr-*, *hosp-*, *host-*: *herbicida* – «гербицид», *hermano* – «брат», *historia* – «история», *holgazán* – «ленивый», *hormiga* – «муравей», *horrible* – «ужасный», *hospital* – «больница», *hostelería* – «гостиничное дело». Исключения: *erbio* – «пьяный», *ermita* – «скит», *ermitaño* – «отшельник», *istmo* – «перешеек», *ormesí* – «парча», *ostentar* – «проявлять», *ostra* – «устрица»;

4) в словах, начинающихся с *hemi-*, *hidr-*, *higr-*, *hiper-*, *hipo-*: *hemiciclo* – «полукруг», *hidroavión* – «гидросамолёт», *hidrómetro* – «гидрометр», *hipérbole* – «гипербола», *hiporótamo* – «гиннопотам». Исключения: *emigrar* – «эмигрировать», *eminencia* – «возвышенность», *emitir* – «высказывать»;

5) в словах, начинающихся с дифтонгов *hia-*, *hie-*, *hue-*, *hui-* и их производные: *hiato* – «зияние», *hierro* – «железо», *hielo* – «лед», *hueso* – «пустой», *huele* – «пахнет», *huir* – «убегать», *huidizo* – «бегающий». Исключения: *oquedad* – «пустота» (от *hueso* – «пустой»), *orfandad* – «сиротство» и *orfanato* – «сиротский приют» (от *huerfano* – «сирота»), *osamenta* – «скелет», *osario* – «оссуарий», *óseo* – «костный» и *osificar* – «окостенеть» (от *hueso* – «кость»), *oval* – «овальный», *ovario* – «завязь», *ovíparo* – «яйценосный», *ovoide* – «яйцевидный» и *óvulo* – «яйцеклетка» (от *huevo* – «яйцо»);

6) в словах, начинающихся с *mo-* и *za-* перед гласной: *mohín* – «недовольная мина», *moño* – «плесень», *zaherir* – «укорять», *zahón* –

«кожаные (суконные) штаны». Исключения: *moisés* – «люлька для новорождённого» и *zaino* – «коварный»;

7) во всех формах глаголов, чьи инфинитивы пишутся с «h»: *hacer* – «делать», *hace* – «делает», *hizo* – «сделал»; *hablar* – «говорить», *hablo* – «говорю», *hablaremos* – «будем говорить» и так далее [4, с. 419].

Таким образом, исследовав некоторые случаи употребления немой буквы «h» в испанском языке, мы пришли к следующим выводам:

– испанский язык – единственный язык латинского происхождения, который сохранил букву «h» в своей грамматике;

– буква «h» имеет большое значение в испанском языке;

– «h» используется в составе диграфов для обозначения того или иного звука;

– причина, по которой буква «h» продолжает использоваться до настоящего времени кроется в исторической и практической значимости данной буквы;

– в целях устранения фонетических и грамматических ошибок в речи иностранцев, изучающих испанский язык, необходимо, по нашему мнению, увеличивать количество учебных часов на обучение чтению и письму и работу со словарём.

Библиографический список

1. Виноградов В.С. Грамматика испанского языка. Практический курс: учебник / В.С. Виноградов. – 8-е изд. – М.: КДУ, 2008. – 432 с.

2. Макарова Т.Н. Фонетика испанского языка. Вводный курс: учебное пособие для студентов высш. пед. Заведений / Т.Н. Макарова. – СПб.: КАРО, 2010. – 176 с.

3. Федорова И.А. Об иноязычных графических маркерах в романских языках // Вестник МГОУ. Лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – №5.

4. Gómez Torrego L. Gramática didáctica del español, Madrid, 2007.

5. <http://lema.rae.es/>

6. <http://hachemuda.com/2006/12/rae-la-letra-hache-ya-no-es-necesaria/>

УДК 811.111'367.7

Е.В. Панферова

Институт международного образования ВГУ

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛОВ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В статье характеризуется лексическая сочетаемость глаголов эмоционального состояния в русском и английском языках.

В статье рассматривается лексическая сочетаемость глаголов эмоционального состояния (*горевать, скучать, радоваться, to sulk, to grieve, to exult* и т.п.).

Многие сферы научной деятельности, в том числе лингвистика, проявляют интерес к внутреннему миру человека, ключевой составляющей которого, безусловно, являются эмоции, или эмоциональное состояние. Лингвисты рассматривают последнее с разных позиций: некоторые исследователи (Л.Г. Бабенко, А. Вежбицкая, Л.Н. Иорданская, Т.А. Графова, О.Г. Скидан) придерживаются лексикоцентрической теории эмоций, в целом признавая словарные единицы основным экспонентом эмоций [1; 2; 4; 3; 7], другие (В.И. Шаховский, И.А. Троилина, Р.С. Сакиева) убеждены в том, что эмоциональное состояние представляет собой полистатусную функционально-семантическую категорию, которая выражается набором лексических и грамматических средств [9; 8; 6]. По нашему мнению, одним из важнейших комплексных лексико-грамматических средств выражения эмоционального состояния являются предикаты разных типов, среди которых мы выделяем глагольные [10].

Глаголы эмоционального состояния имеют свои семантические, темпорально-аспектуальные, таксисные и другие особенности, одной из которых является их лексическая сочетаемость. По мнению Е.В. Падучевой, сочетаемость предикатов эмоционального состояния, в том числе глагольных, обусловлена их семантикой: «свойства и устойчивые состояния, естественно, не допускают локализации в пространстве». [5, с. 142]. Глаголы вышеупомянутой группы в предложении могут сочетаться с различными адвербиальными единицами, такими, как: *очень, часто, порой, much, a lot* и др.

Е.В. Падучева разделяет адвербиальные единицы на «показатели кратности» (*дважды, три раза, много раз, регулярно, непрерывно, многократно*), фреквентативные наречия (*часто, редко, иногда*), в том числе наречия, у которых повторяемость действия составляет презумпцию (*подолгу, снова, вечерами*), и дискретно-временное *всегда* (в значении «всякий раз, когда»). Исследователь полагает, что подобные показатели кратности и интерации сочетаются с действиями, процессами и временными состояниями, которые обладают свойством прерывности (т.е. могут прекращаться и возобновляться) и не сочетаются с устойчивыми состояниями [5, с. 139].

Проведенный анализ фактического материала показал, что глаголы эмоционального состояния могут сочетаться с показателями длительности типа *весь день, всё время, всю жизнь*. В английском языке к таковым могут быть отнесены слова и выражения типа *always, all (my) life, for a long time* и т.п. Такие обстоятельства предполагают, что ситуация развёртывается в течение какого-либо периода времени (его продолжительность может быть обозначена или нет) [5, с. 141]. Приведем примеры: *Гость долго грустил и дергался, но наконец заговорил* (М.А. Булгаков); *Вообще судя, странно было, что молодой человек столь учёный, столь гордый и осторожный на*

вид, вдруг явился в такой безобразный дом, к такому отцу, который <...> всё же **всю жизнь боялся**, что и сыновья, Иван и Алексей, тоже когда-нибудь придут да и попросят денег (Ф.М. Достоевский); *When Anne returned for the last time from the dangerous neighbourhood, the fatigue of walking, day after day, distances which were far too great for her strength, added to the exhausting effect of the agitation from which she had suffered, produced the result which Mrs. Clements **had dreaded all along*** (W. Collins).

Кроме того, и в русском, и в английском языках нами были зафиксированы случаи сочетаемости глаголов эмоционального состояния с показателями кратности и фреквентативными наречиями, например: *Теперь знаешь, почему так было, но и тебя люблю, знай это, и **много раз горевал**, что ты огорчаешься* (Ф.М. Достоевский); *Her lonely life was better suited to her course of timid hope and doubt; and she **feared sometimes**, that in her absence she might miss some hopeful chance of testifying her affection for her father* (Ch. Dickens).

Глаголы эмоционального состояния могут сочетаться и с обстоятельствами времени, типа: *вчера, сегодня, теперь, сейчас, раньше прежде* и т.п. Приведем примеры: *«Я, дескать, скажу, что я на тебя **утром озлился**, а ты подтверди»*; *A про слуг прибавлю следующее: **сердился я прежде**, юношею, на слуг много: «кухарка горячо подала, денщик платье не вычистил»* (Ф.М. Достоевский). В английском языке также возможны подобные конструкции с обстоятельствами типа *yesterday, (sometime) ago, last week/month/year* и пр., например: *A **little while ago** you **feared** the future too much to even speak* (O. Henry).

В конструкциях с рассматриваемыми нами глаголами зачастую встречаются и связанные с ними обстоятельства степени, типа *очень, немного, страшно, ужасно, чуть-чуть* и т.п. Приведем примеры: *Обедающий за соседним столиком беллетрист Петраков-Суходей с супругой, доедавшей свиной эскалон, со свойственной всем писателям наблюдательностью заметил ухаживания Арчибальда Арчибальдовича и **очень удивился*** (М.А. Булгаков); *Водились в нем крысы, но Федор Павлович на них **не вполне сердился**: «все же не так скучно по вечерам, когда остаешься один»* (Ф.М. Достоевский); *Мальчик молча и задорно ждал лишь одного, что вот теперь Алеша уж несомненно на него бросится; видя же, что тот даже и теперь не бросается, **совершенно озлился** как зверенок* (Ф.М. Достоевский).

В английском языке обстоятельства степени представлены такими единичными, как: *very much, greatly, most, almost* и т.п. Примеры: *The mother **grieved very much** over her husband's disappearance, and it was nearly three months before she married again, and moved to San Antonio* (O. Henry); *«Good morning, sir», said his lordship, stepping forward in the most urbane manner, and stopping the doctor, with a high-bred resolution impossible to resist, «I **greatly fear** you find no improvement in the symptoms today?»* (W. Collins); *He **almost dreaded** his valet leaving the room* (O. Wilde).

Нам также удалось обнаружить конструкции с обстоятельствами образа действия, например: *Then, Miss Tox and Polly came out of their concealment, and exulted tearfully* (Ch. Dickens); *But, as he mortally feared these shafts, it became impossible for him to invent a tale he felt he could trust* (S. Crane). Подобное возможно и в русском языке: *Пик всему этому шумно радовался, а Мак серьезно молчал, или, когда Пик очень надоедал ему своими восторгами и восклицал: <...>* (Н.С. Лесков).

Что касается обстоятельств места, то мы зафиксировали всего один случай употребления таковых с глаголами эмоционального состояния, однако даже этот единственный случай не является типичным: *The rain that fell upon the roof, the wind that mourned outside the door that night, had had foreknowledge in their melancholy sound* (Ch. Dickens). В данном случае речь идет о персонификации: объекту неживой природы (*wind*) приписываются человеческие черты, в данном примере – способность испытывать чувства и выражать их. Нам не удалось обнаружить похожих случаев сочетаемости в русском языке, но с уверенностью можно сказать, что предложения типа «*Он грустил в своей комнате*» типичны для русской лингвокультуры.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что как в русском, так и в английском языке, глаголы эмоционального состояния сочетаются со следующими типами адвербиальных единиц:

- а) показателями длительности;
- б) показателями кратности и фреквентативными наречиями;
- в) обстоятельствами времени;
- г) обстоятельствами степени;
- д) обстоятельствами образа действия.

Встречаются также отдельные случаи сочетаемости глаголов эмоционального состояния с обстоятельствами места.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке/ Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. /А. Вежбицкая. – М.: 1996. – с. 201–231.
3. Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов Текст / Т.А. Графова // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 67-98.
4. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства / Л.Н. Иорданская // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970. – С. 3-26.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования / Е.В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

6. Сакиева Р.С. Немецкий язык. Эмоциональная разговорная речь: учеб. пособие / Р.С. Сакиева. - М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
7. Скидан О.Г. Лексические особенности выражения экспрессивности в английском языке / О.Г. Скидан // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 37. – С. 375-378.
8. Троилина И.А. Функционально-семантический подход в изучении проблемы языковой эмотивности / И.А. Троилина // Язык и эмоции. – Волгоград; Воронеж, 1995. – С. 60.
9. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология/ В.И. Шаховский. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 128 с.
10. Яковлева И.Н. Семантическая категория состояния и средства ее реализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Яковлева. – Воронеж, 2003. – 34 с.

Источники примеров

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков // Собр. соч.: В 4 т. - М.: Литература, Мир книги, 2005. – т. 3. – 496 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – М.: АСТ, 2009. – 781 с.
3. Лесков Н.С. Чёртовы куклы / Н.С. Лесков // Собр. соч.: в 12 т. – М.: Правда, 1989. – т. 10. - 1989. - 416 с.
4. Collins Wilkie. The Woman in White/ W. Collins. – London: Penguin Books, 2003. – 383 с.
5. Dickens Charles. Dombey and Son / Ch. Dickens. – New York: Modern Library, 2003. – 880 с.
6. Henry O. A strange story/ O. Henry // The Rolling Stones. – Indiana: Repressed Publishing LLC, 2012. – 292 с.
7. Wilde Oscar. The Picture of Dorian Gray/ O. Wilde. – NY.: Barnes & Noble Books, 1995. - 251 с.

УДК 811. 111

Е.В. Петухова, Е.В. Никулина

Курский государственный университет

О ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ АНГЛИЙСКИХ ЗООНИМОВ

В настоящем докладе затрагиваются некоторые вопросы английского словаря с позиций звукоизобразительности и этимологии. Предпринята попытка объяснения примарной отприродной мотивированности языкового знака на материале определенного среза английского словаря.

В современных языках имеется и употребляется в речи немало слов, называемых звукоподражательными, которые по совокупности признаков должны объединяться в отдельную лексико-грамматическую категорию, так как не подводятся ни под одну из традиционно выделяемых частей речи.

Процессы развития значений звукоизобразительной системы языка представляются весьма интересными для лингвиста, поскольку сама эта система обладает рядом специфических черт. Согласно некоторым исследованиям около $\frac{3}{4}$ словаря всех языков подвергаются процессам денатурализации (ослабления изначальной, примарной фонетической мотивированности языкового знака, ее частичной утраты) либо демотивации [2, с. 23-25], [4].

В данной работе была предпринята попытка этимологического анализа английских зоонимов (наименований животных) с целью выявления отприродной акустической связи между звуком и значением, лежащими в основе примарной мотивации.

Как показал анализ, 40 из 250 английских зоонимов (16 %), подвергшихся этимологическому анализу, имеют звукоподражательную основу.

Наибольшее число звукоподражаний составляют зоонимы-наименования птиц. Преимущественное большинство лексем имитируют звуки издаваемые птицей, как например:

raven (ворон) – О.Е. hræfn (Mercian), hrefn; hræfn (Northumbrian, W.Saxon), from P.Gmc. *khrabanas (cf. O.N. hrafn, Dan. ravn, Du. raaf, O.H.G. hraban, Ger. Rabe "raven," O.E. hroc "rook"), from PIE root *qer-, *qor-, imitative of harsh sounds (cf. L. crepare "to creak, clatter," cornix "crow," corvus "raven;" Gk. korax "raven," korone "crow;" O.C.S. k roku "raven;" Lith. krauklys «crow»);

crow (ворона) – О.Е. crawe, imitative of bird's cry;

rook (грач) – О.Е. hroc, from P.Gmc. *khrokaz (cf. O.N. hrokr, M.Du. roec, M.Swed. roka, O.H.G. hruoh), imitative of its raucous voice;

jay (сойка) – from O.N.Fr. gai, O.Fr. jai "magpie, jay," from L.L. gaius "a jay," echoic;

daw (галка) – from P.Gmc. *dakhwo (cf. O.H.G. taha, Ger. Dohle), perhaps imitative of bird's cry;

hoopoe (удод) – from L. upupa, imitative of its cry (cf. Gk. e pops "hoopoe");

kiwi (киви) – from Maori kiwi, said to be of imitative origin;

owl (сова) – О.Е. ule "owl," from P.Gmc. *uwwalon- (cf. M.Du., Du. uil, O.H.G. uwila, Ger. Eule, O.N. ugla), a dim. of PIE root *u(wa)l-, which is imitative of a wail or an owl's hoot (cf. L. ulula "owl");

kite (коршун) – О.Е. cyta "kind of hawk," probably imitative of its cries (cf. ciegan "to call," Ger. Kauz "screech owl");

heron (цапля) – from O.Fr. hairon (12c.), earlier hairo (11c., Mod.Fr. héron), from Frankish *haigiro, from P.Gmc. *hraigran- (cf. O.H.G. heigaro

"heron," Ger. Reiher, Du. reiger, O.N. hegri), from PIE *qriq-, imitative of its cry (cf. O.C.S. kriku "cry, scream," Lith. kryksti "to shriek");

crane (журавль) – O.E. cran "large wading bird," common Germanic (cf. O.S. krano, O.H.G. krano, Ger. Kranich, and, with unexplained change of consonant, O.N. trani), from PIE *gere- (cf. Gk. geranos, L. grus, Welsh garan, Lith. garnys "heron, stork"), perhaps echoic of its cry;

finch (зяблик) – O.E. finc, from P.Gmc. *finkiz, *finkjon (cf. M.L.G., M.Du. vinke, Du. vink, O.H.G. finco, Ger. Fink), perhaps imitative of the bird's note (cf. Breton pint "chaffinch," Rus. penka "wren");

pigeon (голубь) – from O.Fr. pigeon "young dove" (13c.), probably from V.L. *pibionem, dissimilation from L.L. pipionem (nom. pipio) "squab, young chirping bird" (3c.), from pipire "to peep, chirp," of imitative origin;

swan (ласточка) – O.E. swan, from P.Gmc. *swanaz (cf. O.S. swan, O.N. svanr, M.Du. swane, Du. zwaan, O.H.G. swan, Ger. Schwan), probably lit. "the singing bird," from PIE root *swon-/*swen- "to sing, make sound"

quail (перепел) – from O.Fr. quaille, perhaps via M.L. quacula (cf. Prov. calha, It. quaglia, O.Sp. coalla), from a Germanic source (cf. O.H.G. quahtala "quail," Ger. Wachtel), imitative of the bird's cry;

cockatoo (какаду) – from Du. kaketoe, from Malay kakatua, possibly echoic;

cuckoo (кукушка) – from O.Fr. cocu "cuckoo," also "cuckold," echoic of the male bird's mating cry (cf. Gk. kokkyx, L. cuculus, M.Ir. cuach, Skt. kokilas);

curlew (кронштеп) – from O.Fr. courlieu (13c., Mod.Fr. courlis), said to be imitative of the bird's cry;

shrike (сорокопут) – O.E. scric "thrush," lit. "bird with a shrill call," probably echoic of its cry;

cock (петух) – O.E. cocc "male bird," O.Fr. coc (12c., Mod.Fr. coq), O.N. kokkr, all of echoic origin;

hen – O.E. henn, from W.Gmc. *khannjo (cf. O.Fris. henn, M.Du. henne, O.H.G. henna), fem. of *han(e)ni "male fowl, cock" (cf. O.E. hana "cock"), lit. "bird who sings (for sunrise)," from PIE root *kan- "to sing";

chicken – O.E. cicen "young fowl," which in M.E. came to mean "young chicken," then any chicken, from W.Gmc. *kiukinam (cf. M.Du. kiekijen, Du. kieken, O.N. kjuklingr, Swed. kyckling, Ger. Küken "chicken"), from root *keuk – (echoic of the bird's sound).

Учитывая то обстоятельство, что птицы являются одними из животных, издающих наиболее характерные звуки, становится ясным, почему так много названий птиц являются звукоподражательными в своей этимологии. Звуковые сигналы имеют в жизни птиц исключительно большое значение. Ими обеспечиваются охрана своей территории от вторжения чужаков, привлечение самки для выведения потомства и т.д. В языке птиц насчитываются десятки звуковых сигналов (бедствия, предостережения, пищевые, ухаживания, спаривания, агрессивные, стайные, гнездовые и так далее).

Было также выявлено, что 3 из 7 названий обезьян являются звукоподражательными:

baboon (павиан) – *babewyn*, earlier "a grotesque figure used in architecture or decoration" (early 14c.), from Fr. *babouin* "baboon," from O.Fr. *baboin* "ape," earlier "simpleton, dimwit, fool" (13c.), it is imitative of the ape's babbling speech-like cries;

howler (ревун) – *houlen*, probably ultimately of imitative origin;

marmoset (мартышка) – from O.Fr. *marmoset* "grotesque figurine; fool, jester" (late 13c.), perhaps a variant of *marmote* "long-tailed monkey, ape," then, as a term of endearment, "little child;" said to be from *marmonner*, *marmotter* "to mutter, mumble," probably of imitative origin.

Как очевидно из приведенных выше примеров, слово *marmoset* происходит от *marmonner*, *marmotter* "to mutter, mumble" звукоподражательного происхождения; слово *baboon* – от *baboue*, звукоподражание его крика.

То, что среди обезьян так много звукоподражательных слов, обусловлено тем, что язык обезьян невероятно разнообразен, и учеными даже доказано то, что у них существуют свои языки, в которых есть названия для человека, оружия, названий пищи, членов семьи. Естественно, что человек с давних пор наблюдал за этим явлением, так как обезьяны были всегда интересны для него в связи с их сходством с ним самим и, конечно, он не мог оставить без внимания звуки, издаваемые обезьянами.

Среди названий собак было выявлено одно звукоподражательное слово *cur* (дворняжка) от средненижненемецкого слова *korren*, что означает «рычать» (*curre*, earlier *kurdogge* used of both vicious dogs and cowardly dogs, probably from O.N. *kurra* or M.L.G. *korren* both **echoic**, both meaning "to growl").

Среди наименований насекомых было зафиксировано 7 единиц звукоподражательного происхождения, таким образом, именно звукоподражательный мотив положен в основу номинации, что связано с характерными звуками, издаваемыми ими, например:

fritillary (вид бабочки рябчик) восходит корнями к латинскому слову *fritinnire* (щебетать, чирикать), которое является звукоподражательным (from L. *fritillus* "dice-box," from *fritinnire* "to twitter," imitative of the rattle of dice);

mosquito (комар) – from Sp. *mosquito* "little gnat," dim. of *mosca* "fly," from L. *musca* "fly," from PIE root **mu-* "gnat, fly," imitative of insect buzzing (cf. Skt. *maksa-*, Gk. *myia*, O.E. *mycg*, Modern English *midge*, O.C.S. *mucha*), perhaps imitative of the sound of humming insects;

hornet (шершень) – O.E. *hurnet*, *hurnitu* "large wasp, beetle," probably from P.Gmc. **hurz-nut* – (cf. O.S. *hornut*, M.Du. *huersel*, Du. *horzel*, O.H.G. *hornaz*, Ger. *Hornisse* "hornet"), from PIE imitative (buzzing) root **krs-*, as preserved in O.C.S. *srusa*, Lith. *szirszu* "wasp";

cricket (сверчок) – from O.Fr. criquet (12c.) "a cricket," from criquer "to creak, rattle, crackle," of echoic origin.

Интересно отметить, что некоторые названия, которые в синхронии ощущаются как производные, восходят к звукоизобразительной основе:

cow (корова) – О.Е. cu "cow," from P.Gmc. *kwon (cf. O.Fris. ku, M.Du. coe, Du. кое, O.H.G. kuo, Ger. Kuh, O.N. kyr, Dan., Swed. ko), earlier *kwom, from PIE *gwous (cf. Skt. gaus, Gk. bous, L. bov-, O.Ir. bo, Latvian guovs, Armenian gaus "cow," Slovak hovado "ox"), perhaps ultimately imitative of lowing (cf. Sumerian gu, Chinese ngu, ngo "ox");

sow (свинья) – О.Е. sugu, su "female of the swine," from P.Gmc. *sugo (cf. O.S., O.H.G. su, Ger. Sau, Du. zeug, O.N. syr), from PIE root *su- (cf. Skt. sukarah "wild boar, swine;" Avestan hu "wild boar;" Gk. hys "swine;" L. sus "swine," swinus "pertaining to swine;" O.C.S. sviniija "swine;" Lett. sivens "young pig;" Welsh hucc, Ir. suig "swine; O.Ir. socc "snout, plowshare"), imitative of pig noise.

Таким образом, можно предположить, что в основу номинации ряда английских зоонимов положен именно акустический признак, который может быть обнаружен лишь с помощью этимологического анализа. Представляется интересным подвергнуть этимологическому анализу зоонимы других родственных, а также неродственных языков с целью установления определенных фоносемантических закономерностей.

Библиографический список

1.Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

2.Бродович О.И. Звукоизобразительная лексика и звуковые законы // Англистика в XXI веке//Материалы конференции. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – С. 23-25.

3.Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд. – Назрань: Изд-во Пилигрим, 2010. – 486с.

4.Климова С.В. Глаголы «неясного» происхождения в сокращенном Оксфордском словаре (Элементы этимологической фоносемантики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986. – 18 с.

5.Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. – М.: Диалог, 2000. – 423 с.

6.Roget P.M. Thesaurus of English words and phrases. Penguin Books, 1998, 2002.

Электронные ресурсы

www.etymonline.com

www.lingvo.ru

www.macmillan.ru

УДК 81'22

Н.Э. Петрова, Н.В. Молашенко

В статье рассматривается этический аспект в медицине. Автор осуществляет анализ вербальных и невербальных средств общения, необходимых и уместных в дискурсе «врач-пациент» в соответствии с требованиями современной биоэтики.

«Необходимой частью профессиональной компетентности врача является лингвистическая составляющая» [8, с. 4], поскольку «известно, что профессия врача лингвоактивная» [5, с. 3]. Более того, в требованиях ФГОС ВПО Минздравсоцразвития, Минобразования и науки РФ читаем, что одной из первых профессиональных компетенций, которыми должен обладать выпускник по специальности «лечебное дело», является компетенция, предполагающая способность и готовность «реализовать этические и деонтологические аспекты врачебной деятельности в общении с коллегами, медицинскими сестрами и младшим персоналом, взрослым населением и подростками, их родителями и родственниками (ПК-1)» [8, с. 5].

Раздел, посвящённый речевому этикету, является обязательной составляющей любого учебника по дисциплине «Культура речи», независимо от целевой аудитории.

Тема культуры общения в современном дискурсе необычайно широка, сложна и деликатна. Она актуальна во всех сферах человеческой деятельности, но особый интерес эта тематика вызывает в связи с медицинской этикой. По сути, она касается каждого, будь то медик, больной или его близкий. Поведение людей, связанное с выполнением ими служебных обязанностей, в целом регламентирует деловой этикет.

Испанский писатель, философ Грасиан утверждал: «Наука и культура – два стержня, на коих красуются все достоинства. Одно без другого – подделка». Медицинская деонтология (от греч. deontos – должное, надлежащее и logos – учение) – наука о профессиональном поведении медицинского работника. Сам термин «деонтология» был введен в обиход в начале XIX века английским философом Иеремией Бентамом [7, с. 5]. Центральной для медицинской деонтологии является проблема взаимоотношений **«врач – больной»**. Эти взаимоотношения в основном определяются качествами врача, его моральными принципами, личной нравственностью [1, с. 94].

Своеобразие медицинской этики заключается в том, что в ней все нормы, принципы и оценки ориентированы на здоровье человека, его улучшение и сохранение, что повышает значимость изучения истории развития этических аспектов в медицине. В её основе лежит традиция, заложенная и сформированная в европейской культуре на протяжении 25

веков. Сменяя друг друга, различные морально-этические принципы позволили создать следующие исторические модели моральной этики:

- 1) модель Гиппократ («не навреди»);
- 2) модель Парацельса («делай добро»);
- 3) деонтологическая модель (принцип «соблюдения долга»);
- 4) биомедицинская этика (принцип «уважения прав и достоинств человека»).

Принципы Гиппократ предполагают, что врач завоевывает социальное доверие пациента, тогда как в модели Парацельса основное значение приобретает патернализм – эмоциональный и духовный контакт врача с пациентом, на основе которого и строится весь лечебный процесс. Отношения врача и пациента подобны отношениям духовного наставника и послушника, так как понятие *pater* (лат. – отец) в христианстве распространяется и на Бога. Вся сущность отношений врача и пациента определяется благодеянием врача, благо в свою очередь имеет божественное происхождение, ибо всякое Благо исходит свыше, от Бога.

В основе деонтологической модели лежит принцип «соблюдения долга». Она базируется на неукоснительном выполнении предписаний морального порядка, соблюдении некоторого набора правил, устанавливаемых медицинским сообществом, социумом, а также собственным разумом и волей врача для обязательного исполнения так называемого «кодекса чести». В медицинской этике на уровне деонтологической модели речь идет об «осторожности в высказываниях при пациентах», «о завоевании доверия», «о ровном, спокойном, разумном поведении врача, сочетаемом с заботливым и внимательным отношением к пациенту».

Основной принцип биоэтики – уважение прав и достоинств человека. В биоэтике основным становится конфликт противостоящих друг другу прав: «право врача на выполнение служебного долга» и «право пациента на знание и свободу выбора». Современная ситуация одновременно усложняет и обогащает взаимоотношения врач – пациент. Они приобретают этико-правовой характер, в полной мере отражая не только происходящие процессы в обществе и культуре, но и объективные тенденции развития современной биомедицинской профессиональной этики. В соответствии с современными тенденциями, выделяют 4 модели отношений «врач-пациент»: модель технического типа, модель сакрального типа, модель коллегиального типа, модель контрактного типа.

Основы русской морально-этической традиции были заложены такими известными представителями медицины, как М.Я. Мудров, Ф.П. Гааз, Пирогов Н.И., Крассовский А.Я. и др. Они в числе важнейших «обязанностей» врача называли следующие: уважение больного, завоевание его доверия, милосердие и человеколюбие, честность и искренность, вежливость и конфиденциальность.

Врачи древнего Ирана утверждали: «Три оружия есть у врача: слово, растение и нож». Нетрудно догадаться, почему первым орудием врача является слово.

Среди наиболее значимых, с психологической точки зрения, для врача качеств С.Л. Соловьева выделяет следующие:

1) *коммуникативная компетентность* как профессионально значимое качество врача;

2) *коммуникативная толерантность* выражается в деятельности врача, как терпимость, снисходительность к индивидуальным особенностям и отрицательным качествам пациентов.

3) *профессиональный имидж* – уверенное поведение врача, основанное на невербальном поведении [7, с. 99].

Соответственно, профессия врача предполагает в той или иной степени выраженное интенсивное и продолжительное общение: с больными, их родственниками, медицинским персоналом и др. От умения общаться, устанавливать и развивать взаимоотношения с людьми во многом зависит его профессиональная успешность. Каковы же основные этикетные требования предъявляет биоэтика к современному врачу?

Приветствие – ключ к общению не только в ситуации публичного выступления. По манере приветствия больных можно судить об общей и профессиональной культуре медицинских работников. «Здравствуйте» из уст медицинского работника воспринимается больным как искреннее пожелание быть здоровым, готовность помочь [6, с. 169].

Немаловажной темой в деонтологии является этичность в обращении к больным на «ты» и «Вы»? Представляется ли обращение на «ты» признаком непринуждённости, равенства, уважения, доверительности или неуважением, оскорблением? Ведь «тыкающие» врачи, медсёстры, санитарки, студенты – явление весьма распространённое.

Обоснования обращения к больным на «Вы» даны в докладе В.Ф. Бушуева в 1902 г. на VIII Пироговском съезде: «И в самом деле, не ради выделения себя из общей массы, не ради пустой игры в либерализм, а просто во имя признания за простолюдином права на честь и доброе имя врачам следовало бы раз и навсегда отрешиться от привычки обращаться на «ты» со своими больными» [8; с. 36].

В медицине известно «заболевание *ятрогения*, которое возникает как реакция на слова или поведение врача. В опасных, критических ситуациях, когда слова могут ранить и даже убить, многое зависит от культуры врача» [5; с. 11].

И если в общении медицинского персонала так называемый «чёрный юмор» имеет место быть и даже иногда активно приветствуется и культивируется, то в общении с больным он абсолютно недопустим по целому ряду причин. Одной из них является ятрогения, которая может стать естественной реакцией человека с обострённым восприятием всего, что касается его заболевания.

Более того, «в вербальном общении деловой этикет предполагает применение различных психологических приемов, например, «формул поглаживания». Это словесные обороты типа: «Удачи Вам!», «Желаю успеха», «Всего хорошего» и т. п. [5, с. 350].

Однако, кроме вербальных средств общения, особое значение в медицинской практике имеют невербальные (мимика, жесты, позы, взгляд, дистанция и др.) и паралингвистические средства (логическое ударение, паузы, темп, мелодика и сила голоса, интонация, дикция, дыхание) [5, с. 361]. По мнению Лисицына Ю.П., врачу «необходимо следить не только за тем, что он говорит, но и как говорит. В произношении слов большое значение имеет интонация, с помощью которой передаются тончайшие нюансы наших мыслей и чувств. Интонация как незримый спутник во взаимоотношениях врача и больного может передать самые сокровенные намерения, она способна не только выявлять, но и изменять значения слов» [4, с. 99].

Слово в медицинской практике – не только средство общения, но и мощный лечебный фактор: в нашей стране и за рубежом психотерапия находит применения в самых различных отраслях клинической медицины.

Михаил Еськов – врач, писатель, человек неравнодушный, остро чувствующий чужую боль и понимающий, что необходимость такого разговора назрела в современном обществе, – во многих своих произведениях касается вопроса медицинской этики.

Герой его повести «Сеанс гипноза», Николай Северьянович – молодой талантливый врач, подающий блестящие надежды – учит студента основам гипноза и медицинской этики, которые, как выясняется, совершенно неразрывны: «Врач должен владеть основами внушения, а получается, что всю заботу спихнули на таблетки, пусть таблетки сами лечат, врач тут вроде не при чем. Разве это правильно? Это же не ветеринария: лошади и корове, положим, безразлично, какими лекарствами их напоят и какой укол сделают. А человек все-таки должен знать, что ему дают, и кто дает, в противном случае затаится недоверие и беспокойство – это, сами понимаете, далеко не лучшие помощники врача» [7, с. 36].

На что ученик добавляет: «Что там таблетки! За глазами, за руками врача следят. Сам валялся в больнице, испытал. Больные чувствуют и все примечают: что да как. Важно, с чьей руки таблетка, а то и лекарство не лекарство» [7, с. 36].

Работа в гипнотарии перевернула взгляды, сознание начинающего врача (ещё студента), заставив решать проблемы, связанные с проникновением во внутренний мир пациентов, обдумывать каждый шаг, каждое слово, которое должно не навредить, не разрушить хрупкое доверие между ним и пациентом. К слову формируется особое отношение. И на реплику подруги: «Молчишь все время. От тебя теперь слова не услышишь. Ты их боишься, что ли?» - он отвечает: «Правда, боюсь слов.

Только сейчас начал задумываться над истинным смыслом. Ведь каждое слово имеет свое значение, это мы не замечаем, когда говорим...»[7, с. 42].

Ответственность за произносимые слова, считают герои М.Еськова, для врача важнее, чем для филолога, так как в лечении людей, перенёсших сильнейшее психическое потрясение, более лекарств «помогают именно слова. Так что о силе слова мы далеко не все знаем» [7, с. 48].

И ещё раз возвращается к медицинской этике, к слову в устах врача М.Еськов в маленьком рассказе «Алерия».

Однако русская пословица гласит: «Слово – серебро, молчание – золото». Нельзя не сказать о важнейшем понятии деонтологии – учении о принципах поведения медицинского персонала в общении с больным и его родственниками – врачебной тайне. На рубеже XIX и XX веков неоднократно поднимались дискуссии о взаимоотношениях целесообразности сохранения врачебной тайны [6, с. 408]. В первой половине XX века она была отменена, но в 1969 г. врачебная тайна была законодательно зафиксирована в Статье 61 [2, с. 36].

Таким образом, понятие врачебной этики и деонтологии связано с речевой деятельностью в различных её аспектах: вербальном (речевой этикет), невербальном (жесты, мимика) и паралингвистическом (интонация, логическое ударение, паузы, темп, мелодика, сила голоса, дикция). Очень важно помнить, что врач обладает огромнейшей властью над больным человеком, поскольку пациент доверяет ему свою жизнь. Умение общаться, или коммуникативная компетентность, обеспечивает взаимопонимание, доверие в отношениях, эффективность в решении поставленных задач.

Библиографический список

1. Богорад И. В. Больной и врач. – М., 1982.
2. Вальтер Ф. А, Врачебная тайна. – М., 1986.
3. Еськов М.Н. Сеанс гипноза. – Курск, 1991.
4. Лисицын Ю.П. Медицина и гуманизм. – М., 1984.
5. Орлова Е.В. Русский язык и культура речи для медицинских вузов. – Ростов н/Д., 2011.
6. Орлов А. Н. Исцеление словом. – М., 1989
7. Соловьёва С. Л. Врачебная этика и деонтология. – М., 1984.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 060101 Лечебное дело (квалификации (степень) специалист). – М. 2010

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ПРЕДВЫБОРНЫХ МАТЕРИАЛАХ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

В статье предпринята попытка исследовать языковую картину мира на материале предвыборных листовок партии «Единая Россия».

В современном многополярном мире политическая коммуникация представляет собой основной инструмент распределения власти, поскольку она «служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.)». Политическая коммуникация в своих разнообразных жанровых проявлениях не только передает информацию, но и «оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека картину мира» [2, с. 79]. В силу своих специфических черт любой политической текст оценивается только в дискурсе: с учетом экстралингвистических факторов (условий создания, особенностей функционирования и т.д.). Жанр предвыборной листовки для дискурсивного анализа представляет особенный интерес, поскольку листовка является полифункциональным политическим жанром, в котором присутствуют информация, оценка и императив. [1].

В данной статье предпринята попытка анализа языковой картины мира, создаваемой в предвыборных листовках политической партии «Единая Россия».

Выборы депутатов в городское собрание – важный момент в политической жизни города. В рамках политической агитации осуществляется прямое воздействие на формирование политической воли народа, а значит, – воздействие на его политический выбор, приводящий к власти определенные политические силы или конкретных политических лидеров.

Восприятие политических реалий формируется с помощью средств и образности языка. Слова не просто характеризуют политику – они сами являются ее частью. Наполняя политическую коммуникацию, язык (как лингвистические, так и экстралингвистические факторы) является исключительно эффективным инструментом политики, борьбы за власть, влияние и контроль, а также сущностным наполнением политических коммуникаций.

Партия «Единая Россия» является правящей, поэтому ее цель состоит в сохранении занимаемых позиций. Языковые средства, используемые в политических текстах партии (листовки, брошюры, слоганы), отражают ее политический курс. Агитация «Единой России» ставит целью обеспечить сохранение популярности среди потенциальных

избирателей, убедить в том, что самое главное – быть с президентом. «Мы с президентом» – слоган формально отсутствует, но он подразумевается самой программой.

Время правления В.В. Путина – время стабильности, отсутствия потрясений (отсылка к началу 1990-х как противопоставление). Посыл партии «Единая Россия» – «мы обеспечим стабильность, сохраним все то позитивное, что было задано при В.В. Путине» (*«эти годы пролетели быстро и прожили мы их вместе...»*).

Целью «Единой России» как правящей партии является создание идеологии, которая бы смогла сплотить народ, заставить его оказать поддержку на выборах. Идеология СССР не подходит (хотя имеет место частичное отражение старых партийных лозунгов: *«Вперед к 1000-летию!»*, *«Мы с вами сегодня тоже пишем историю нашего города»* – Н.И. Овчаров). Поэтому графическое выражение в лозунгах, листовках и плакатах не предполагает доминирования красного цвета. Цветовое оформление строго выдержано в рамках флага России: белый, синий и красный. Присутствуют символы Курской области: соловей, триумфальная арка, Знаменский собор и т.д.

Показательным является то, что на многих листовках «Единой России» содержится поздравление с днем города и история Курска и Курской области (информация об истории возникновения названий рек, первых летописных упоминаниях о Курске, об архитектурных памятниках, Курске во время Великой Отечественной войны и т.д.).

Создается образ значимого города (*«Дорогие земляки!»*, *«Сегодня Курск – город единения истории и современности»*, *«поистине уникальная атмосфера»*) и значимых – трудолюбивых, нравственных, целеустремленных – жителей (*«город целеустремленных людей»*, *«умеем работать – значит, умеем побеждать»*, *«город трудолюбивых людей»*). Возникает посыл: «партия заботится обо всех городах России, обо всех людях, живущих в них»: *«Партия выполняет свои обещания»*.

Очень велико число слоганов со значением «единения»: *«Этот город наш с тобою...»/ «Курск – город единения истории и современности/ «Город сплоченных поколений/ «Пока с Россией вместе мы едины, нас в бой ведет история побед!»*. Это не только является прямым посылом к названию партии «Единая Россия», но и говорит о задаче внести в сознание избирателей мысль о стремлении партии к единению, сплочению нации.

Одной из важнейших функций предвыборной листовки является информирование населения о кандидатах, собирающихся отстаивать народные интересы в Городском собрании. Фотографии будущих депутатов представлены в листовках и на баннерах. Особенно следует отметить размещение фотографий кандидатов на фоне панорамного изображения города с лирической подписью: *«Этот город наш с тобою...»*. Ощущение близости избирателя и избираемого создается с помощью лексем «наш» и «тобой», которые настраивают избирателя на

диалог, непосредственное взаимодействие с кандидатом. Внешний вид кандидатов элегантен и в тоже время прост, ничего лишнего, никаких кричащих элементов, кроме тех, которые обозначены правилами риторики (оратор, публичный человек может иметь яркий акцент в области лица, например, красная помада или насыщенный цвет галстука). Их лица выражают спокойствие, дружеское отношение, позитивный настрой побуждает к доверию, предрасполагает к положительным эмоциям, не вызывает агрессии. На агитационных материалах их имена и фамилии выделены крупно, отчества отсутствуют, что опять же создает ощущение близости «к народу», формирует образ «простого курянина», «своего человека».

При этом избирательные материалы (листовки, брошюры, газеты) обладают хорошим полиграфическим качеством, что производит благоприятное впечатление на избирателей. Таким образом, в процессе восприятия оказываются задействованными и сенсорные каналы.

Партия «Единая Россия», отказавшись от идеологии СССР, создает новую, опирающуюся на понятные и всеми поддерживаемые ценности. Таковыми стали:

- исторический опыт, историческая преемственность, используемые манипуляционно, когда реальные исторические события («*Нас в бой ведет история побед!*», 1032, 1612, 1812 и т.д.) связываются с действиями только одной политической партии);

- вера как духовный оплот народа/православие («*Навеки Богом и судьбой хранимы*», *Мы миру дарим веры тихий свет*»; «*Если с помощью Божией и вашей поддержкой я буду вновь избрана депутатом...*» – Н. Тарубарова);

- поддержка материнства/детства («*несколько лет назад Господь даровал жизнь моей дочери Наталье*» – Н. Тарубарова; «*Поддержим строительство социального жилья для расселения*»; многочисленные фотографии проектов будущих детских садов).

Помимо прочной связи с историческим наследием партия «Единая Россия» утверждает свою современность, мобильность, готовность к переменам. Отсюда заимствование лозунгов западного образца, поддержка демократических ценностей:

- перемены – «*Время новых решений*», «*Партия обновляется и развивает город*»;

- сопричастность населения – «*Этот город наш с тобою*», «*Партия выполняет свои обещания*»;

- бизнес, экономика как свободное поле деятельности – «*целеустремленные люди*».

В обещаниях кандидатов прослеживаются следующие триады:

- общество – экономика – образование;

- бизнес – труд – доступная вертикаль власти;

- образование – поддержка талантливых детей – помощь семьям.

Подобные смысловые цепочки оформлены в виде глагольных конструкций 2 лица множественного числа в будущем времени (*направим, обеспечим, поддержим, наладим, продолжим, улучшим, усилим, повысим*). Формальное отсутствие субъекта приводит к местоимению «мы», которое и ассоциируется у народа с единством, общностью, тем самым с «Единой Россией».

Итак, языковая картина мира, формируемая политическими текстами «Единой России», обладает такими чертами:

- связь с историей, патриотизм;
- поддержка новых тенденций;
- направленность на устоявшиеся стереотипы, сакральные образы народного сознания;
- сопричастность с народом, простота;
- положительный образ;
- приоритет стабильности.

Таким образом, в сознании избирателей разными средствами целенаправленно создается положительный образ правящей партии.

Библиографический список

1. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации// Политическая лингвистика. 2012. 2 (40). С. 53-59.
2. Гурова Н.В. Категория побудительности и ее функции в политической коммуникации// Политическая лингвистика. 2011. 4 (38). С. 79-84.

УДК 81'33:82-1

Г.В. Попова, Г.А. Ермакова, И.А. Ермакова

Юго-Западный государственный университет

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ АЛГОРИТМА ВААЛ

В статье предпринята попытка рассмотреть проблему звуковой организации поэтического произведения в контексте фоносемантики.

О проблеме смыслового и эмоционального содержания звуков языка исследователи задумывались с давних пор. Так, о роли звукоподражания и звукосимволизма в процессе образования первых слов говорил еще Платон в диалоге «Кратил», о способах обозначения понятий (подражательном (звукоподражательном), символическом (звукосимволическом) и аналогическом) писал В. фон Гумбольдт. В 90-х годах XIX века в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ [8] получает первое теоретическое обоснование психофонетика – учение о звукопредставлениях.

В 70-80-х годах XX века на стыке фонетики, семантики, лексикологии и психолингвистики формируется фоносемантика, которая

получает свое развитие в работах С.В. Воронина, В.В. Левицкого, И.Н. Горелова.

Основной задачей фоносемантики, по мнению С.В. Воронина, является изучение звукоизобразительности как относительно устойчивой связи между фонемами слова и полагаемым в основу наименования признаком объекта-денотата.

При этом следует подчеркнуть, что звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью «между звуком и значением», но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется.

Современная наука о фонологической (смыслоразличительной) роли звуков языка исходит из того, что звучание и значение в языке переплетены теснейшим образом. Это свойство особенно остро выявляется в языке поэтическом, потому что музыка слова состоит не в его звучности, а в соотношении между его звучанием и значением. Сами сочетания звуков могут вторить главной теме стихотворения, воплощенной в его ключевом слове. То есть звуковая организация играет непосредственную роль в создании и оформлении основной художественной идеи, поэтического смысла. «Музыка стиха, по свидетельству Г.Р. Гачечиладзе, рождается не в отвлеченном звучании слова, а в соединении звучания и смысла, в слитности звуков и выражаемой мысли. Даже такой явно музыкальный элемент речи, как аллитерация, лишь тогда приобретает значение, когда способствует лучшему выражению мысли и усилению художественного впечатления. В противном случае аллитерацию следовало бы считать бессмысленной формалистической игрой звуков». [3, с. 90].

Звуковая организация поэтического произведения является способом представления поэтической информации, которая является более важной в языке поэзии, чем в обыденной речи, а фоническая инструментовка стихотворения играет немаловажную роль в стихосложении. Т.е., «звучание в поэтическом тексте является одним из средств оформления эстетической информации» [1, с. 237].

Помимо эстетического воздействия звуковая организация поэтического произведения оказывает на читателя и психоэмоциональное воздействие, которое во многом определяется «эмоциональным значением» того или иного звука.

Одним из примеров практического исследования психоэмоционального воздействия тех или иных звуков на сознание человека является методика ВААЛ, созданная А.П. Журавлевым. Методика ВААЛ представляет собой результат многолетних авторских экспериментов, проводимых с информантами, которые по определенным смысловым

шкалам (например, «светлый – темный») определяют цифровое значение того или иного звука (от 1 до 5).

Подобная методика позволяет прогнозировать эффект неосознаваемого воздействия текстов на массовую аудиторию, анализировать тексты с точки зрения такого воздействия, составлять тексты с заданным вектором воздействия, выявлять личностно-психологические качества авторов текста, проводить углубленный контент-анализ текстов и делать многое другое.

В данной статье предпринята попытка оценить поэтический текст с помощью методики ВААЛ и сравнить полученные результаты с «простым» анализом. Выбор в качестве объекта стихотворения В.В. Маяковского «Левый марш» обусловлен интуитивно определяемой яркостью, эмоциональностью и ритмической напряженностью стихотворения.

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблудые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздывает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!
Там
за горами горя
солнечный край непчатый.
За голод

за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой,-
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое станем ли пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

В ходе фоносемантической оценки текста по алгоритму А.П. Журавлева с помощью программы ВААЛ мы получили следующие результаты:

По шкале хороший (7.1) – плохой; красивый (5.8) – отталкивающий; радостный (7.6) – печальный; светлый (7.6) – темный; легкий – тяжелый (0.4); безопасный (5.9) – страшный; добрый (0.8) – злой: простой – сложный(-0.7); гладкий (4.3) – шероховатый; округлый (6.0) – угловатый;

большой (1.4) – маленький; грубый (0.5) – нежный; мужественный (1.9) – женственный; сильный (8.1) – слабый; холодный (0.9) – горячий; величественный (10.1) – низменный; громкий (13.0) – тихий; могучий (7.9) – хилый; веселый (7.9) – грустный; яркий (10.4) – тусклый; подвижный (4.9) – медлительный; быстрый (4.2) – медленный; активный (8.9) – пассивный.

Как видим, одной из доминирующих характеристик данного текста является яркость. Действительно, стихотворение изобилует созданными Маяковским яркими, зримыми образами, когда «государственный герб Британии превращается под негодующим взглядом художника в физически реальное хищное существо, символизирующее мир, враждебный «краснофлагой» России. Метафора «оскалясь короной» подчеркивает в понятии короны совсем, казалось бы, незначительный момент – ломаную линию силуэта, напоминавшую оскал зубов» [6].

Второй доминантой текста выступает громкость, что подтверждается следующим фактом: лейтмотивом всего стихотворения является команда – «Левой, левой, левой!», которая должна звучать громко и четко, чтобы все, идущие в строю могли слышать голос командира. Кроме того, эта команда задает определенный ритм: четкий, строгий и выдержанный. Определенное представление о ритме этого стихотворения заложено уже в названии, где слово «марш» задает тон торжественности и некой воинственности.

Следующей звуко-смысловой характеристикой представляется его величественность. Образы, создаваемые поэтом, отличаются величественностью, поскольку охватывают практически все зримое пространство. «Разворачивайтесь в марше! Словесной не место кляузе. Тише, ораторы!» – это, видимо, площадь, построены отряды военных. Далее взгляд перемещается: «Или у броненосцев на рейде ступлены острые кили?!» – уже порт, река, целые ряды оцетинившихся кораблей. Потом – горы, «солнечный край непочатый». И наконец, небо, «флагами небо оклеивай!». Таким образом, намечаются ориентиры стихотворного пространства, которое ограничивается только рекой, небом, горами, т.е. по сути, является беспредельным.

Таким образом, применение методики ВААЛ при анализе поэтического произведения является интересным и продуктивным, поскольку дает возможность по-новому взглянуть на произведение и помогает воспринять и понять его на качественно ином уровне.

Библиографический список

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – СПб.: Издательство Академия, 2004.
2. Воронин С. В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
3. Гачечиладзе Г.Р. Стихосложение и поэтический перевод / Поэтика перевода: Сборник // Составл. С.Ф. Гончаренко / Г.Р. Гачечиладзе. – М.: Радуга, 1988.
4. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. под ред. Г.В. Рамишвили. – М., 1984.
5. Журавлев А.П. Звук и смысл: Книга для внеклассного чтения: 8-10 кл. / А.П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1981.
6. Педчак Е.П. Литература: устный и письменный экзамены. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.
7. Платон. Кратил // Соч. Т.1. – М.: Мысль. 1968.
8. Хромов С.С. К вопросу о семиотической сущности интонации / С.С. Хромов // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 2

УДК 378:802

О.В. Раздорская, А.А. Паронян

Курский государственный медицинский университет

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО УСВОЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

В статье предлагается этимологический и исторический анализ профессионально ориентированной лексики, изучаемой студентами фармацевтического факультета на занятиях по дисциплине Иностранный язык.

Принцип межпредметной интеграции является одним из основополагающих при выборе методик преподавания профессионально ориентированного курса иностранного языка в медицинском вузе. Учебные программы по дисциплинам Иностранный язык и История медицины и фармации включают одинаковые темы. На практических занятиях по английскому языку студенты фармацевтического факультета читают и переводят тексты об истории фармации в различные исторические периоды [6]. Освоение англоязычной лексики студентами начинается с объяснения преподавателем этимологии изучаемой лексики, в том числе, и исторического аспекта. Этимологический анализ профессиональной лексики позволяет

установить принципы номинации, выявить мотивировочный признак и таким образом получить сведения о генезисе медицинского и фармацевтического знания.

Английское слово «pharmacy» и русское слово «фармация» имеют греческое происхождение. Английское слово «pharmacy» используется с XV – XVII веков и происходит от греческого слова «pharmakos», обозначающего «колдовство» и даже «яд». Греческое слово pharmakeia (фармакеία) происходит от слова «pharmakon» (φάρμακον), обозначающего «лекарство». Из греческого языка перешло в латинский язык слово «pharmacus» – «приготавливающий яды, колдун». В Месопотамии Гула – богиня медицины – была также покровительницей напитков и ядов [2, с. 21]. Древние греки словом «фармакос» называли и яды, и лекарства. Известно, что лекарства в древности были очень сложного состава, иногда включали свыше 70 ингредиентов, и в качестве противоядия в них входил змеиный яд [2, с. 64]. Например, метридатикум-териак (многокомпонентное противоядие, включавшее в себя опиум, мясо ядовитых змей и пр.) просуществовал в фармакопеях Европы вплоть до XIX в. [2, с. 67]. Позднелатинские формы *pharmacia* - «лекарство», *pharmaceuticus* – «имеющий отношение к лекарствам» [4, II, с. 303]. Слово «фармацевт» возникло во Франции в XIV в.

В современном английском языке существуют синонимы для обозначения фармацевтического работника – «pharmacist», «druggist», «chemist», аптека обозначается такими синонимами, как «pharmacy», «drugstore», «chemist's shop». Слово «apothecary» используется для обозначения средневековой, а не современной аптеки, и практически не используется в профессионально ориентированных источниках о современной фармации.

Слово «аптека» происходит из греческого, его латинский эквивалент – *apotheca* - «склад», «амбар», «винный погреб» [4, I, с. 50]. В русском языке слово «аптека» первоначально использовалось в форме «оптека», «обтека». Оно известно с XVII в., хотя самые ранние упоминания относятся ко второй половине XVI в. Это связано с тем, что первая аптека в России, обслуживавшая только царский двор, начала работать в 1581 г., а для общего пользования аптека была открыта в 1672 г. Прежде всего, языковой материал подтверждает роль европейской, особенно немецкой науки в развитии медицинского знания в России: «Среди врачей в Московском государстве в XVII и XVIII веке было много немцев и других иностранцев из Западной Европы» [3, с. 297]. Именно из западноевропейских языков слово «аптека» и попало в русский язык.

Английское слово «medicine» может обозначать и лекарство, и медицину. В значении «лекарство» данная лексическая единица используется с середины XIV века. Фразеологизм *to take one's medicine* (буквально «принять чьё-то лекарство»), обозначающий «подчиниться чему-то нежелательному» впервые зафиксирован в 1865 г. В английском языке шаман обозначается словом «medicine-man». В русском языке слова «медицина» и «медицинский» известны со второй половины XVII в., но в

общее употребление они вошли в Петровскую эпоху. Слово «медицина» заимствовано из научной латыни: *medicina* [ars] – лечебная наука, *medicus* – врач. Латинские слова восходят к индоевропейскому корню *med – измерять, обдумывать, взвешивать, соображать [4, I, с. 520].

Слово «водка», заимствованное в английский язык из русского языка (*vodka*), известно с XVII в. как «название лекарственного (неалкогольного) напитка, жидкого лекарства, сиропа, настоя из лечебных трав, корней и пр.». В текстах XVII в. упомянуты «водка липового цвету», «вотки цвету из василькового», «водки из травы волчьих ягод», «водка коричная», «изо всяких разных трав водки и сыропы» [4, I, с. 159]. В этом значении слово «водка» эквивалентна «водице», обозначавшей настойку на травах и ягодах. Отметим, что «терапевтический» компонент в семантике слова «водка» сохранял свое значение в культурном сознании [1, с. 28]. Спиртосодержащие продукты использовались и внешним образом: от той же холеры практиковались теплые спиртовые ванны [1, с. 374].

Языковые заимствования также отсылают, прежде всего, к растительным денотатам. Слово «бальзам» у Даля обозначает «состав из душистых, летучих масел или спиртов, мазь для натирания». Английское слово «*balsam*» известно с 70-х годов 16 века, происходит от латинского *balsamum* и используется также в форме «*balm*». В свою очередь, латинская форма восходит к древнееврейскому *basam* – «бальзамовое дерево». В Среднеанглийский период это слово использовалось в форме «*basme*», «*baume*» (от французской формы слова). В Древней Руси оно было известно в форме «валсамъ». В источнике XVII в. упомянуты «водки и балсамы и иные лекарства» [4, I, с. 70].

Английское слово «*sage*» (шалфей) происходит от старофранцузского «*sauge*» (13 век), в свою очередь оно происходит от латинского *Salvia*. В английском фольклоре есть поверье, что шалфей, как и петрушку, лучше выращивают женщины, главенствующие в семье. В русском языке слово «шалфей» в транскрипции «салвей», «салфей» известно с XVII века. В источниках 1665 г. упомянуты «травы салфей три горсти», в русский язык слово пришло через западно-славянское и далее украинское посредство из европейской традиции, восходя, собственно, к средневековой медицинской латыни: *salvia* – «целебная сила», от *salvus* – «здоровый» [4, II, с. 310].

Эликсир – настой или вытяжка из растений, применяемая в медицине, у алхимиков – это напиток, обладающий чудодейственными свойствами (эликсир бессмертия). В английском языке слово ‘*elixir*’ возникло в XIII веке в значении «философский камень». В конце XVI века оно стало использоваться в значении «сильнодействующее тонизирующее средство», а уже с 30-х годов XVII века оно обозначало шарлатанские лекарства. В русском языке слово «эликсир» появилось в XVII в. в формах «еликсир», «олексир» и «алексир». Оно попало на русскую почву при посредничестве французского и испанского языков из арабского *al-iksir*, восходя далее к греческой основе *xerion* – «название лекарства, вызывающего сухость» [5].

Слово «*valerian*» (валериана, *Valeriana officinalis*) известно с XIV века и происходит от старофранцузского «*valeriane*», в свою очередь, вероятно, происходящего от латинского прилагательного *Valerianus* – от собственного имени *Valerius*. Это имя связано с названием римской провинции Валерия, где впервые стали выращивать валериану. Но в Англии существует ещё одна версия этимологии этого слова – германская или скандинавская, связанная с героем саг Виландом (*Wieland*). В русском языке слово «валериана» употребляется с XVII в. В различных диалектах встречаются такие варианты, как *аверьян, булдырьян, кошачья трава, земляной ладан мяун, глухой сертий, марьян, стоян, диголь, кошачий корень* и др. [4, I, с. 133].

Опиум (опий) – засохший млечный сок из незрелых головок мака, используемый как болеутоляющее и наркотическое средство. В английском языке слово *opium* существует с конца XIV века. Оно происходит от латинского «*opium*», восходящего к греческому *opion* – «маковый сок, мак», уменьшительному от *oros* – сок растения. В русский язык слово пришло в XVIII в. из немецкого или французского языков.

Английское слово «*band*» впервые упомянуто в письменных источниках в XII веке, оно происходит от старонорвежского *band* (повязка) (ср. готское *bandi* – то, что связывает, санскритское *bandhah* – бинт). Современное слово «бандана» пришло из санскрита. Ирландское слово «*bainna*» обозначает «браслет». Русское слово «бинт» в начале XIX века в словарях закрепилось в форме «бинда» и «бинд», заимствовано из немецкого (ср.: *Vinde* – бинт, *verbinden* – бинтовать).

Spirit (спирт) – слово из латинонемецкой речи медиков XVI-XVII вв., известно с XVII в.: в русском документе 1663 г. упомянуты «и сиропы, и сахара, и спирты». Слово восходит к латинскому *spiritus* – «дуновение, дыхание, дух, душа». В английском, французском, испанском языках спирт чаще называют арабским словом «алкоголь» (*alcohol*). В английском языке в середине XIII века слово «*spirit*» имело такие значения, как «душа», «смелость», «дыхание». В современном английском языке это слово также обозначает привидение.

Слово «*pipette*» («пипетка») известно с XIX в. И в русском, и в английском языках оно представляет собой заимствование из французского языка (уменьшительное от «*pipe*» – сначала «свирель», затем «трубка») [4, II, с. 34]. Одно из значений слова «*pipe*» в современном английском языке – «волынка».

Парфюмерия – ароматические изделия, употребляемые с косметической и гигиенической целью. И английское «*perfume*», и русское «парфюмерия» являются заимствованием из французского языка, в русском языке это слово укоренилось в XIX в., в английском – ещё с XVI века. Корнями уходит в латинский язык: *fumus* – пар, дым. В английском языке в значении «жидкость, содержащая цветочные эссенции» это слово используется с 30-х годов XVI века.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что на формирование медицинской и фармацевтической науки в России было оказано

значительное влияние европейской, прежде всего немецкой (XVII-XVIII вв.) и французской (XIX в.) систем знания. Названия лекарств и средств медицинской помощи и в английском, и в русском языке отражают опыт межкультурных связей. Опыт этимологического анализа, сопоставления английских и русских лексических единиц способствует эффективному усвоению студентами фармацевтического факультета профессионально ориентированной лексики.

Библиографический список

1. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели. – М.: ОГИ, 2005. – 504 с.
2. Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. – М.: Медицина, 1990. – 208 с.
3. Кириленко Е.И. Феномен медицины в горизонте культуры: теоретические основания анализа и этнокультурная спецификация. – Томск: Издательство ИОА СО РАН, 2008. – 330 с.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. – М.: Русский язык, 2002. Т. I 622 с. Т. II. 560 с.
5. Etymological dictionary. <http://www.etymonline.com>.
6. Razdorskaya Olyesya. Interdisciplinary Integration: the Step to Professional Language Competence
http://www.um.edu.mt/_data/assets/pdf_file/0020/171524/Razdorskaya_InterdisciplinaryIntegration.pdf

УДК 316:722.2:008

Е.В. Рубцова, Н.С. Денисова

Курский государственный медицинский университет

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы, касающиеся межличностных и межнациональных отношений. Представлено описание формирования культуры этнических связей.

Проблемы, касающиеся межличностных и межнациональных отношений, уже несколько веков не только не теряют своей актуальности, но становятся все более важными для многих социально-гуманитарных наук. Анализируя межличностные и межнациональные отношения, можно объяснить многие социальные проблемы развития общества, семьи и отдельной личности. Являясь неотъемлемым атрибутом жизни человека, эти отношения играют большую роль во всех сферах жизнедеятельности. При этом качество межличностных и межнациональных отношений зависит от общения, от уровня достигнутого понимания.

Роль межличностного и межнационального общения, несмотря на возросший к ним интерес в социально-гуманитарных науках, является все же недостаточно изученной. Поэтому эта тема является актуальной на сегодняшний день.

Современный мир характеризуется набирающими силу процессами глобализации и интеграции. Изменения, происходящие в Российской Федерации в области политики, экономики, социальных отношений, вызвали в свою очередь рост национального самосознания этносов, стремление народов сохранить свою самобытность и уникальность. Появилась определенная тенденция межэтнического расслоения, которая зачастую переходит в национальную нетерпимость.

Так, например, одним из ведущих механизмов преодоления негативных процессов в многонациональных коллективах является формирование культуры межнационального общения.

На территории России проживают до 147 представителей различных национальностей, которые относятся к различным этнолингвистическим семьям и группам, имеют разное вероисповедание, собственную культуру и особую историю.

Процесс формирования культуры межнационального общения является сложным и многогранным. Управление этим процессом требует, прежде всего, глубокого понимания его сущности и содержания, четкого и точного представления о тех факторах, которые определяют его развитие.

В публицистической, научной литературе понятие «культура межнационального общения» в основном стало употребляться с начала 80-х годов XX века. Так, например, проблема общения в этнической сфере и попытка определения критериев культуры межнационального общения, а также типология межнационального общения в условиях различных социально-политических систем находят отражение в работах В.А. Авксентьева, В.А. Шаповалова [1], выявлению сущности культуры межнационального общения посвящены исследования З.Т. Гасанова, А.Р. Исаева и др. авторов [8]. Л.М. Дробижева анализирует роль социально-психологических аспектов межнационального общения, рассматривая при этом структуру общения в целом [12]. В работах Т.Ю. Бурмистровой и О.А. Дмитриева выявляются сущность и сам процесс формирования и функционирования культуры межнационального общения в различных сферах общественной жизни [6].

В исследовании проблемы межнационального общения важное место занимают этнологические теории Э.А. Баграмова, Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева и многих других, которые позволяют глубже осмыслить сущность межэтнических отношений и выявить особенности данного процесса [10].

Исходной методологией для исследования этнической толерантности личности является культурно-историческая концепция изучения психических явлений Л. Выготского, А. Леонтьева и А. Лурия [15] и историко-эволюционный подход к изучению личности, исследуемый А. Асмоловым [3].

В научных разработках «культура межнационального общения» чаще всего соотносится с общим понятием – «культура человеческого общения». Она предполагает своеобразный национальный «срез». Поэтому при определении ее сущности необходимо исходить из этой методологической посылки, позволяющей избежать ее отождествления с самим процессом межнационального общения. В этой связи целесообразно рассмотреть, что понимается под межнациональным общением.

Ф.С. Бабейко рассматривает межнациональное общение как «обусловленную социальной потребностью активную деятельность наций и народностей по взаимному познанию и выражению своего отношения к национальному». [4, с. 19].

З.Т. Гасанов определяет межнациональное общение как «взаимосвязи и взаимоотношения, в процессе которых люди, принадлежащие к разным национальным общностям и придерживающиеся различных религиозных взглядов, обмениваются опытом, духовными ценностями, мыслями, чувствами». [8, с. 51].

Анализируемые определения понятия *межнациональное общение* не противоречат друг другу, а лишь отражают их разные стороны. Отсюда, понятие культуры межнационального общения можно рассматривать двояко: как предписания, правила, по которым следует действовать всем людям в межэтническом пространстве, и как личную способность адекватно воспринимать представителей других национальностей и контактировать с ними. Когда же речь идет о межнациональном контакте в коллективе, определяющее значение имеют межличностные отношения между людьми разных национальностей. Они находят свое проявление в поступках людей, в их общественных отношениях. Методологическое вычленение такого подхода очень важно. Оно позволяет понять, что человек как представитель определенной социальной группы реализует и общественные отношения, и личностные одновременно. Так и человек какой-либо национальности одновременно реализует два ряда связей – между нациями в системе общественных отношений и личностные. Именно поэтому для формирования благоприятного климата общения, и прежде всего межнационального, принципиальное значение имеет решение социальных и национальных проблем в обществе в целом, конкретном коллективе в частности.

Основу культуры межнационального общения составляют национальные и общечеловеческие ценности, именно они определяют поведение человека, позволяют оценивать ему свои поступки, действия и, конечно, поведение людей других культур с точки зрения их определенных представлений и выбирать конструктивные способы межнациональных коммуникаций.

Будучи продуктом межнационального взаимодействия, культура межнационального общения выступает критерием гуманистического характера, определенного уровня цивилизованности межнациональных отношений. Ее ценности, нормы и принципы призваны регулировать межнациональное общение таким образом, чтобы люди различных

национальностей могли продуктивно взаимодействовать невзирая на существующие между ними этнокультурные различия и этнополитические противоречия, на расхождения во вкусах, идеалах и моральных оценках, в концептуальных подходах и житейских представлениях. Честь, понятие долга и ответственности, совесть, терпимость, добро, чувство товарищества, такт, справедливость, взаимопонимание, сотрудничество, гуманность, взаимное уважение – это те ценности, которые являются общими, безусловно значимыми для людей всех национальностей, рас и вероисповеданий. На этой основе в культуре межнационального общения неприемлемы любые формы проявления прямого и косвенного ущемления национального достоинства, дискриминации, неравноправия, насилия на этнической почве.

В социально-психологической литературе существуют различные точки зрения по вопросу «расположения» межличностных отношений, прежде всего, относительно системы общественных отношений. Природа межличностных отношений может быть правильно понята, если их не ставить в один ряд с общественными отношениями, а рассматривать внутри каждого вида последних.

Природа межличностных отношений существенно отличается от природы общественных: важнейшая специфическая черта первых – эмоциональная основа. Поэтому межличностные отношения можно рассматривать как фактор психологического «климата» группы.

Межперсональные отношения тесно связаны с различными видами общественных отношений. Г.М. Андреева подчеркивает, что существование межличностных отношений внутри различных форм общественных отношений является реализацией обезличенных (общественных) отношений в деятельности конкретных людей, в актах их общения и взаимодействия [2].

Общественные отношения – это официальные, формально закрепленные, объективизированные, действенные связи. Они являются ведущими в регулировании всех видов отношений, в том числе и межперсональных.

Межличностные отношения – это объективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми. В их основе лежат разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих лиц. В отличие от деловых (инструментальных) отношений, которые могут быть как официально закрепленными, так и незакрепленными, межличностные связи иногда называют экспрессивными, подчеркивая их эмоциональную содержательность.

Интерперсональные отношения включают три элемента – когнитивный (гностический, информационный), аффективный и поведенческий (практический, регулятивный).

Когнитивный элемент предполагает осознание того, что нравится или не нравится в межличностных отношениях.

Аффективный аспект находит свое выражение в различных эмоциональных переживаниях людей по поводу взаимосвязей между ними. Эмоциональный компонент, как правило, является ведущим. «Это прежде

всего положительные и отрицательные эмоциональные состояния, конфликтность состояний (внутриличностная, межличностная), эмоциональная чувствительность, удовлетворенность собой, партнером, работой и т. д.» [18, с. 5].

Поведенческий компонент межличностных отношений реализуется в конкретных действиях. В случае если один из партнеров нравится другому, поведение будет доброжелательным, направленным на оказание помощи и продуктивное сотрудничество. Если же объект не симпатичен, то интерактивная сторона общения будет затруднена. Между этими поведенческими полюсами имеется большое количество форм интеракции, реализация которых обусловлена социокультурными нормами групп, к которым принадлежат общающиеся.

Отношения между людьми не складываются лишь на основе непосредственных эмоциональных контактов. Сама деятельность задает и другой ряд отношений, опосредованных ею. Поэтому-то и является чрезвычайно важной и трудной задачей психологии одновременный анализ двух рядов отношений в группе: как межличностных, так и опосредованных совместной деятельностью, т.е. в конечном счете стоящих за ними общественных отношений.

Изучение проблемы понимания в межличностном общении является актуальным вопросом, так как качество межличностного общения зависит от уровня достигнутого понимания. Примитивизация межличностного общения, сведение его к простой передаче информации ведет к обеднению духовного мира человека, к его обесцениванию как личности. Отсутствие взаимопонимания в процессе общения приводит к усложнению, а часто и разрушению взаимоотношений между людьми или даже к глубокому нравственному конфликту внутри самой личности, поскольку взаимопонимание и самопонимание являются тесно взаимосвязанными феноменами. Без понимания мы не сможем влиять на людей, сотрудничать с ними или разрешать конфликты.

Вся проблема состоит в том, что в настоящее время межличностное общение порой бывает затруднено из-за разрушения традиционных ценностных основ общества, смещения представлений о добре и зле, утраты нравственности и искажения ее значения в современном обществе. Неограниченный рост материальных ценностей приводит к обесцениванию духовных, уменьшению их роли в общественно-историческом процессе, а соответственно, и к примитивизации межличностного общения, что нарушает внутреннюю духовную взаимосвязь индивидов, препятствуя возникновению глубокого взаимопонимания и порождая бесчисленные конфликты во всех сферах общества.

Известный французский писатель и мыслитель А.Сент-Экзюпери, автор красивой сказки «Маленький принц», оценивая значимость общения в человеческой жизни, определил его как «единственную роскошь, которая есть у человека». Реальность и необходимость общения определены

совместной деятельностью людей. Именно в процессе коммуникации может проявиться сущность человека.

Межличностное общение выступает необходимым условием бытия людей, без которого невозможно полноценное формирование не только отдельных психических функций, процессов и свойств человека, но и личности в целом.

Взаимодействие между людьми может быть охарактеризовано как межличностное, если оно соответствует следующим критериям:

- в нём участвует небольшое число людей, чаще всего группа из 2-3 человек;

- когда его участники находятся в непосредственной близости, имеют возможность видеть, слышать, касаться друг друга, легко осуществлять обратную связь;

- когда каждый из его участников признает незаменимость, уникальность своего партнёра, принимает во внимание особенности его эмоционального состояния, самооценку, личностные характеристики.

Основной структурной единицей анализа межличностного общения является не отдельный человек, а взаимосвязь, взаимодействие вступивших в общение людей. Это означает, что каждый из участников общения существенным образом влияет на поведение другого; между их высказываниями и поступками возникают причинные зависимости. Обмениваясь сообщениями, собеседники приспособливают их к конкретной ситуации общения; содержание полученной информации в значительной мере перерабатывается, реструктурируется в зависимости от неизбежно возникающей оценки самих себя, друг друга, окружающей обстановки.

Определить область межличностного общения помогает семантика слова «общение». Как показывают исследования (Бессонова, Доценко) [5], в обыденном сознании с этим словом связываются три группы значений:

- 1) объединение, создание общности, целостности («хорошая компания, друзья»);

- 2) передача сообщений, обмен информацией («разговаривать, беседовать»);

- 3) встречное движение, взаимопроникновение, нередко носящее тайный или интимный характер («глубоко понимать друг друга»).

Фиксация выделенных значений посредством особых терминов (например, «межличностный контакт», «межличностная коммуникация», «межличностное взаимодействие», «межличностные отношения») задает систему базовых понятий теории межличностного общения.

Отечественный психолог Я. Коломенский предложил в зависимости от степени психологической близости и значимости выделять два круга желаемого общения: первый (наиболее близкий) включает от одного до четырех человек, второй – от шести до восьми [13]. Проведенные исследования позволили сравнить, насколько круг людей, которые нам симпатичны, совпадает с кругом тех, с кем нам приходится общаться

большую часть времени. Оказалось, что у взрослых он достигает 40 %, а у детей – всего 19-24 %.

Общение невозможно без определенного уровня понимания (а точнее – взаимопонимания) общающихся субъектов. Общаясь, мы стремимся понять друг друга; чем глубже отношения, тем сильнее желание понять не только значение, но и смысл слова. Мы говорим ради того, чтобы поняли нашу индивидуальную мысль, но именно в этом-то часто остаёмся непонятыми.

П.А. Флоренский писал, что мы верим и признаём, и понимаем друг друга силою внутреннего общения и что слова способствуют обострению сознания, сознания уже происшедшего духовного обмена, но не сами по себе производят этот обмен [21]. Мы признаём взаимное понимание, но это устанавливается на общем фоне уже происходящего духовного соприкосновения.

За последние 20-25 лет изучение проблемы общения стало одним из ведущих направлений исследований в психологической науке. Ее перемещение в центр психологических исследований объясняется изменением методологической ситуации, отчетливо определившейся в психологии в последние два десятилетия. Из предмета исследования общение одновременно превратилось и в способ, принцип изучения вначале познавательных процессов, а затем и личности человека в целом.

Общение имеет огромное значение в формировании человеческой психики, ее развитии и становлении разумного, культурного поведения. Через коммуникацию с психологически развитыми людьми, благодаря широким возможностям к научению, человек приобретает многие познавательные способности и качества. Через активное общение с развитыми личностями он сам превращается в личность.

Если бы с рождения человек был лишен возможности общаться с людьми, он никогда не стал бы цивилизованным, культурным и нравственно развитым гражданином, был бы до конца жизни обречен оставаться особью, лишь внешне, анатомо-физиологически напоминающим человека.

Общение составляет внутренний механизм совместной деятельности людей, основу межличностных отношений. Возрастание роли общения связано с тем, что в современном обществе гораздо чаще в прямом, непосредственном контакте между людьми вырабатываются решения, которые прежде принимались, как правило, отдельными людьми.

Формирование культуры межнационального общения – длительный и многогранный процесс, связанный с формированием культуры межличностных отношений.

Необходимо воспитывать в себе такие качества, как политическая осведомленность, сознательное участие в политической жизни общества, умение идти на компромисс при разногласиях и спорах, чувство справедливости по отношению к другим, способность встать на защиту любого человека независимо от его национальности. Эти качества формируются в процессе совместной деятельности, направленной на созидание, проявляющееся прежде всего в заботе о других людях,

вызывающей потребность взаимного обмена мыслями, идеями, способствующей проявлению внимания и сочувствия к людям.

Первостепенное значение имеет воспитание толерантности и веротерпимости. **Толерантность** означает уважение, принятие и правильное понимание многообразия форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Это качество является составляющей гуманистической направленности личности и определяется ее ценностным отношением к окружающим. Оно представляет установку на определенный тип отношений, который проявляется в личностных действиях человека.

Поскольку мы живем в эпоху глобализации процессов, можно ожидать наступления эры интегрированной культуры. Но чтобы в нашем сложном мире оставаться самим собой, культурные различия нужно воспринимать как данное и пытаться освоиться в «чужой» культуре, не теряя своей собственной.

Подлинная культура межнационального общения, взаимодействия и сотрудничества народов может возникнуть только на основе раскрытия духовно-нравственного потенциала каждой нации, обмена опытом социального и культурного творчества, на основе реализации идеалов свободы, справедливости и равенства.

В условиях интенсивных миграций и взаимодействия культур, современная система образования призвана создавать условия для формирования человека, способного к активной жизнедеятельности в многонациональной поликультурной среде. Высокая ставка на традиционную культуру воспитания в этом плане, существующая в современном мире, естественна и закономерна. Национальная традиция воспитания остается практически главным условием сохранения любых традиций народа и национального возрождения в целом.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А. Этнические конфликты: история и типология / В. А. Авксентьев // Социологические исследования. – 1996. – № 12.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1999.
3. Асмолов А.Г. Психология личности. – М.: 1990.
4. Бабейко Ф.С. Общение народов и социальный прогресс. Вопросы теории и методологии. – Кишинев, 1983.
5. Бессонова Л.А. Философия: история идей и современные проблемы. Учебное пособие. – Казань, 2002.
6. Бурмистрова Т.Ю. Социология национальных отношений / Т. Ю. Бурмистрова // Социологические исследования. – 1994. – № 5.
7. Бодалев А.А. Психология межличностного общения. – Рязань, 1994.
8. Гасанов З.Т. Воспитание культуры межнационального общения: методология, теория и практика. – Махачкала, 1998.
9. Гасанов Н.Н. О культуре межнационального общения / Н. Н. Гасанов // Социально-политический журнал. – 2003. – № 3.

10. Гумилев Л.Н. Этнические процессы: два подхода к изучению / Л. Н. Гумилев К.Н. Иванов // Социологические исследования. – 1992. – № 1.
11. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М. 1994.
12. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
13. Коломенский Я.П. Человек. Психология. – М., 1986.
14. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; Под. общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985.
15. Леонтьев А.А. Психология общения. – 3-е изд. – М.: Свsck, 1999.
16. Ломтева Т.Н. Базовые концепции межкультурной коммуникации. – Ставрополь. 1999.
17. Лурье С.В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика / С. В. Лурье // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4.
18. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. – Л., 1979.
19. Рогов Е.И. Психология общения. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.
20. Рубин Л.С. Межнациональные отношения и межконфессиональные противоречия (региональный аспект) / Л.С. Рубин // Социологические исследования. – 2005. – № 4.
21. Флоренский П.А. Христианство и культура // П.А. Флоренский. Сочинения в 4-х томах, Т.2. – М.: Мысль, 1996.
22. Этнические процессы в современном мире. – М.: Наука, 1987.

УДК 800

Н.И. Степыкин, А.Е. Маслова

Юго-Западный государственный университет

РАЗРАБОТКА КЛАССИФИКАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ЗВУКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности классификации английских звуков. Представлен эксперимент, результаты которого позволяют моделировать знание о специфике звуков, произношение которых дается с трудом.

Одним из важнейших показателей уровня культуры человека, его мышления, интеллекта является его речь. Она служит главным средством общения с другими людьми, является основой приобретения новых знаний.

Люди, далекие от науки, думают, что речь производится непосредственно речевыми органами: губами, языком, голосовыми связками. На самом деле произнесение вслух звуков, слов и предложений – это заключительный этап речевого процесса. По мнению М.А. Петровой, «основой речи как физиологического процесса является нервная система человека: речь представляет собой сложную взаимосвязанную

функциональную систему использования звуков носителями конкретного языка» [3, с. 36]. Наши речевые органы только выполняют приказы, поступающие из мозга, тем самым облекая мысленную речь в звуковую форму.

Фонетический аспект в изучении языка играет чрезвычайно важную роль, так как по мере обучения нужно регулярно и тщательно прорабатывать те звуки, произношение которых дается с трудом. В зависимости от родного языка, могут появляться трудности в произношении гласных или согласных, конкретных нескольких букв и т.д. Для того чтобы исправить это, нужно тренировать те звуки, произносить которые труднее всего.

Английский язык в последние десятилетия расширил как границы своего распространения, так и возрастной диапазон изучающих его. Если в СССР традиционно иностранные языки изучали с 5 класса средней школы, то в РФ оно начинается с 1-го или 2-го классов, а в учреждениях дошкольного образования – даже с 4-х лет. Знание фонетических особенностей влияет на эффективность изучения языка и этот аспект очень актуален в настоящее время.

Как отмечает Н.К. Иванова «в фонетике существует несколько подходов к классификации гласных и согласных, а также несколько способов наглядно-схематического представления особенностей их артикуляции» [2, с. 49].

Дж.Браун предлагает разделить все звуки английского языка на следующие группы: гласные – краткие (л, э, æ, е, и, о, у), долгие (а:, и:, у:, о:), дифтонги (аи, аи, еи, эи, эи, иэ, ээ, иэ); согласные (b, d, f, g, j, l, m, n, r, s, h, k, p, t, w, v, z, ɲ, ʃ, ʒ, ʒ, ʒ, θ, ð) [2, с.21, 34-36].

Социологические данные показывают, что формирование фонетических навыков исследуемых звуков в процессе преподавания иностранного языка учащимся младшей школы осуществляется по-разному. Так, данное исследование о трудностях произнесения звуков, на наш взгляд, является достаточно перспективным и позволяет выявить особенности фонетической системы английского языка и уделить внимание трудностям, которые возникают у учащихся 2-4 классов.

Следовательно, нужен источник материала, подтверждающий определенные трудности, возникающие при произнесении конкретных звуков. Таким источником является эксперимент, результаты которого позволяют моделировать знание о специфике звуков, произношение которых дается с трудом, а значит, по мере обучения тщательно их отрабатывать.

В эксперименте добровольно приняли участие 102 носителя русского языка, возраст которых варьируется в пределах 8 – 10 лет. Тот факт, что участников было более 100 человек, делает полученные результаты валидными. Эксперимент проводился в 2012 г. в г.Курске. Испытуемыми явились ученики школ № 1, 20, 39 и лицей № 21. В качестве экспериментального материала были использованы аудиозаписи. В задании предлагалось прослушать и повторить сначала отдельно звук, а потом слово с данной фонемой.

Результаты эксперимента можем видеть в таблице.

СОГЛАСНЫЕ			ГЛАСНЫЕ		
звуки	Количество справившихся участников	Количество несправившихся участников	звуки	Количество справившихся участников	Количество несправившихся участников
b, d	86	16	ʌ	88	14
f	100	2	e	98	4
g, j	99	3	u	100	2
h	49	53	æ	99	3
l	101	1	i	101	1
m,n,s	98	4	o	97	5
k	45	57	ə	95	7
p	44	58	ɑ:, i:, u:	90	12
t	40	62	ɔ:	89	13
v	69	33	ai	96	6
w	38	64	au, ei	102	0
r	60	42	iə	94	8
z	80	22	əu	91	11
ʒ, ʒ	95	7	ɔi	93	9
ð	31	71	uə	92	10
θ	39	63	εə	85	17
ʃ	88	14			
tʃ	98	4			
ŋ	43	59			

Наибольшую трудность для изучающих английский язык представили межзубные согласные звуки [θ] и [ð]. В случае с английским звуком [θ] обычно получаются русские звуки [с] или [ф]. Вместо [ð] звучат [з] или [в]. Эта ошибка вполне объяснима, ведь в русском языке не существует звуков, при произнесении которых нужно зажимать язык между зубами. Далее идет довольно сложный и непонятный звук [ŋ]. Объяснить произношение данного звука довольно сложно: в некотором роде он похож на мягкий [н'], но, в то же время, он произносится не столько во рту, сколько через нос. Еще одним сложным звуком является звук [w]. При его произнесении губы округляются и получается нечто похожее на русский звук [у], но только более энергичное. Далее стоит упомянуть взрывные звуки [p, t, k]. Их сложность состоит в том, что они произносятся с некоторым придыханием в начале, отсюда и происходит их название. У большинства участников придыхания не наблюдалось. Следующим звуком, заслуживающим внимания, является звук

[h]. По распространенной ошибке он произносился как русский звук [x]. Чтобы произнести его правильно, надо сделать легкий выдох через рот. Остальные согласные звуки в целом похожи на русские и не вызвали особой трудности у испытуемых, хоть и имеют свои характерные черты.

С гласными звуками все участники справились. Большинство из них имеют аналоги в русском языке, но, несмотря на это, всегда стоит обращать внимание на оттенки звучания, ведь в изучении иностранного языка мелочей не существует, важна каждая деталь.

Таким образом, на основании проведенного нами эксперимента мы пришли к выводу, что звуки английского языка можно разделить на 2 группы: легкопроизносимые и произносимые с затруднением.

Легкопроизносимые звуки: æ, ʌ, e, u, ə, ɪ, o, ɑ:, i:, u:, ɔ:, ɛə, ɪə, aɪ, aʊ, eɪ, əʊ, ɔɪ, uə, b, d, f, g, dʒ, ʃ, ʒ, tʃ, l, m, n, r, s, v, z.

Звуки, произносимые с затруднением: θ, ð, ŋ, h, k, p, t, w.

Результаты данного исследования позволяют лучше понять и выявить наиболее сложные фонетические аспекты усвоения англоязычной речи, что в свою очередь помогает педагогу уделить большее внимание произношению тех звуков, произносить которые труднее всего. Следовательно, в процессе преподавания иностранного языка учащимся младшей школы, опираясь на предложенную классификацию «трудности» английских звуков, регулярно и тщательно исправлять, прорабатывать и тренировать те звуки, в которых наблюдается наибольшая трудность в произношении.

Библиографический список

1. Иванова Н.К. Английский язык для химиков. Фонетика. – Иваново, 2007. – 100 с.
2. Петрова М.А. Русский язык. Фонетика. – М.: Высш. шк., 1983. – 160 с.
3. Соколова М.А., Гинтовт К.П., Тихонова И.С., Тихонова Р.М. Теоретическая фонетика английского языка. – М., 1996. – 240 с.
4. Jones D. English Pronouncing Dictionary. Cambridge: University Press, 1991. – 567 с.
5. <http://www.lovelylanguage.ru/>

УДК 81'22

Н.И. Степыкин, Н.В. Локтионова

Юго-Западный государственный университет

МЕТАФОРА КАК ПРОДУКТИВНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕРМИНОВ

В данной статье рассматриваются термины, образованные с помощью метафоризации. В работе приводятся термины метафорического образования, в основании которых лежит сходство

одного признака понятий или сходство нескольких признаков, выделяются лексико-семантические группы терминов-метафор.

Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, по сути своей метафорична [3, с. 25]. Являясь одним из главных компонентов нашего языкового мышления, метафора активно участвует в образовании новых терминов.

Слова общелитературного языка, вовлекаемые в процесс терминообразования, сами по себе не выражают научного понятия. Чтобы стать терминами, они должны пройти сложный путь перекодирования обыденного знания в научное. Поэтому, чтобы знать значение термина недостаточно знать «обиходный смысл» слова, от которого образован термин; нужно знать соответствующую научную область знания и специальные понятия, которые связаны в науке с данными терминами. Переходя в терминосистему конкретной области знания, слово общелитературного языка проходит различные этапы перекодировки, получает терминологическое значение и становится однозначным, однако только в рамках определенного (специального) контекста. Для согласования системы общелитературного языка и языка определенной специальности используются особые языковые формы, играющие роль промежуточных звеньев. По мнению В.В. Налимова, для «примирения» двух различных языковых систем в языке существует особый механизм, который задается употреблением метафор [4, с. 100].

В основе метафоры лежит ассоциативный характер человеческого мышления, перенос названия одного понятия на другое по сходству признаков этих понятий с последующим выделением наиболее существенного на данный момент признака. По мнению современных исследователей метафоры, метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, «это своего рода схемы, по которым человек думает и действует» [6, с. 31].

Метафора – явление сложное и многоплановое. В основе терминологической (номинативной) метафоры лежит, как правило, перенос лексического значения по какому-либо внешнему признаку (форме, размеру, назначению, функциям, внешнему виду и т. п.). Метафорическая номинация как способ создания наименования на основе сходства новой реалии с уже существующей является наиболее традиционной в общелитературном языке. По мнению Л.М. Алексеевой, целью научной метафоризации является «актуализация результатов глубинных мыслительных процессов не столько для того, чтобы создать единицу номинации, а скорее для того, чтобы представить индивидуальное видение исследуемого явления, используя при этом различные ассоциативные механизмы для генерации нового знания в сознании партнеров по коммуникации» [1, с. 47].

Сходство, скрытое сравнение, заложенное в метафоре, зависит от воображения и жизненного опыта языковой личности, от ее лексикона, включающего, по мнению Ю.Н. Караулова, фонд лексических и грамматических средств, используемых личностью при порождении ею достаточно представительного массива текстов, то есть в дискурсе языковой личности [2, с. 87].

Как и в общелитературном языке, в метафорическом терминообразовании распространен перенос на основании ассоциации (термин Д.Н. Шмелева) и на основании сходства эмоциональных впечатлений, восприятий (термин В.Н. Прохоровой). При метафорическом переносе на основании ассоциации «обозначающие соответствующие значения признаки не являются ни дифференциальными семантическими признаками данных слов, ни вообще конструктивными элементами значений» [7, с. 193], переносятся только устойчивые ассоциации, связанные с базовым, исходным словом. В основе переноса на основании эмоциональных впечатлений лежит жажда экспрессии у языковой личности, вербального выражения личностного опыта. Однако не всегда уподобление в метафоре четко прослеживается, у многих терминов-метафор признаки переноса трудно различимы, диффузны. В большинстве метафор довольно сложно выявить какой-либо один признак переноса, как правило, при сходстве признаков понятий существуют и добавочные основания переноса.

В результате исследования из массива терминов газовой промышленности были выделены термины метафорического образования, в основании которых лежит сходство одного признака понятий или сходство нескольких признаков:

- метафора по форме: русс. – *свеча* (предварительно свинченые через соответствующие муфтовые и замковые соединения бурильные трубы); *фонтанная елка* (верхняя часть фонтанной арматуры, монтируемая на трубной головке и предназначенная для направления продукции скважины в выкидные линии); англ. – *piston skirt* (юбка поршня), *butterfly* (бабочка, передаточное устройство, изменяющее направление движения тяг в горизонтальной плоскости);

- метафора по функции: *соло* – газовый котел, предназначенный только для отопления; *покрышки* – непроницаемые горные породы, покрывающие залежи нефти (газа), не позволяющие им проникать в вышележащие породы; *свита* – совокупность последовательно залегающих пластов горных пород, объединенных общностью состава и условиями отложения;

- метафора по местоположению: русс. – *этаж нефтеносности* (расстояние от первого до последнего пласта); англ. – *basic salt* (основная соль);

- метафора по форме и функции: *колонна* – свинченые друг с другом бурильные трубы, соединяющие долото с наземным оборудованием; *рукав* – гибкий шланг, соединяющий стояк с вертлюгом и предназначенный для подачи бурового раствора; *якорь* – устройство для закрепления колонны подъемных труб с целью предотвращения перемещения скважинного

оборудования под воздействием нагрузки;

- метафора по производимому действию: *задавливание* скважины – прерывание работы фонтанирующей скважины путем заполнения ее пластовой водой или глинистым раствором; *захлебывание* скважины – прекращение фонтанирования скважины вследствие увеличения доли воды в конечном продукте;

- метафора по сходству эмоциональных впечатлений: *сухарь* к клиньям – дополнительное устройство, вкладываемое в клиновой захват и имеющее насечки для лучшего захвата тела трубы;

- метафора по сходству формы и эмоциональных впечатлений: *баба* – ударная часть штамповочного устройства.

Следует признать, что разграничение метафорических переносов на основании объективных признаков (форма, функции и др.) достаточно условно, поскольку в основе такого рода оснований для переноса наименований всегда лежит сопоставление на ассоциативном уровне, всегда присутствует эмоциональное восприятие объекта, без которого понятия будут трудно сопоставимы.

В терминологии газа довольно отчетливо прослеживается тенденция к антропонимизации термина, уподобление при метафорическом терминообразовании специальных понятий и слов общелитературного языка, связанных с жизнью, бытом, физическим и психическим состоянием человека и т.д. Довольно частое в различных терминосистемах явление, когда сам человек, его жизнь, быт и т.п. становятся «отправной» точкой при создании нового термина, названо В.Н. Прохоровой «процессом «очеловечивания в обозначении специальных понятий» [5, с. 57).

В лексике терминосистемы газовой промышленности можно выделить следующие лексико- семантические группы терминов-метафор:

1. Метафоры, в основе которых лежит физическая жизнь человека и живых существ: *баба*, *дыхание* резервуара, *биение* колонны, *вдох* (фаза добычи), *выдох* (фаза нагнетания жидкости в скважину), *возраст* породы, период *детства*, период *юности* (о возрасте породы), *питание* скважины, площадь *питания* месторождения, *профиль* скважины.

2. Метафоры, в основе которых – психическая жизнь человека: *возбуждение* пласта, *возмущение* течения нефти, *истощение* пласта, *депрессия*, *несогласие* пород, *усталость* породы, *поведение* скважины.

3. Метафоры, в основе которых – социальная жизнь человека: *свита*, *восстание* пласта, *сопротивление* пласта трещинообразованию.

4. Метафоры – соматизмы, названия частей тела и внутренних органов человека: *голова* (вышки, инструмента), *кулак* тормоза, *нос* башмака колонны, *тело* (скважины), *плечо* (отклонителя, буровой трубы), *палец* (насоса, вышки), *пята* (турбобура), *челюсть* (трубного ключа), *зуб* долота, *скелет* горной породы.

5. Быт человека, в эту группу входят метафоры, в основе которых:

- ассоциации с предметами одежды, ее частей: *ворот* насоса, *воротник* бура, *выточка* на трубе, *карман*, *пояс* трубы, *рубашка* насоса, *юбка*, *кабельный чулок*;

- названия головных уборов: *газовая шапка*, *козырек* поршня, *косынка*;

- названия обуви и ее частей: *башимак* колоны, *подошва* пласта;

- названия принадлежностей туалета, украшений: *подвеска* трубы, *зеркало* скольжения, *гребенка*, *гребень* месторождения, *веер* взрывных скважин, *лента* стальная;

- ассоциации с бытом человека, домашней утварью: *подсвечник*, *сухарь*, *люстра*, *лифт*, *ковёр* бурения;

- название постели и постельных принадлежностей: *ложе* трубопровода, *люлька* верхового, *подушка* бетонная;

- названия процессов шитья, инструментов и материалов для этого: *игла*, *катушка*, *нитка* трубопровода, *шов*.

6. Термины-метафоры, в основе которых название оружия, военные термины: *вторжение* воды, *выстрел*, *гильза*, *вооружение* долота, *заряд*, *запал*, *обстреливание*, *патрон*, *прострел*, *пуля*, *стрела* прогиба трубы.

7. Метафоры - зоосемизмы, названия животных, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся, частей тела и внутренних органов, а также места их обитания: *крыло*, *лапа*, *паук*, *перо*, *ерш*, *бабочка*, *собачка* фрикционная, *зев* крюка, *хвост* колонны, *червяк* (элемент конструкции), *гнездо* (форма залегания месторождения).

8. Метафоры-биосемизмы: *ветвь* трубопровода, *куст* скважин, *елка* скважины.

9. Геосемизмы: *бухта* трубы, *устье* скважины, *горизонт*, *свод* горизонта, *циклон* гидравлический.

10. Метафоры, в основе которых названия транспорта, его элементов: *дышло* (поршневое сцепление), *покрышки*, *салазки*, *седло* задвижки.

11. Метафоры, в основе которых названия с морской тематикой: *мачта*, *якорь*, *трап* газовый, *буй* скважины.

Следует отметить, что метафоры-зоосемизмы, биосемизмы, геосемизмы, а также метафоры, в основе которых названия транспорта или морская тематика, менее продуктивны в терминосистеме нефтяного дела, нежели метафоры других групп.

Термины, образованные на основании метафорического переноса, как правило, характеризуются ассоциациями со словами национального русского языка, с русской языковой культурой, с ментальностью русского человека. Они являются отражением как индивидуального, так и национального самосознания. Общеупотребительные слова, участвующие в семантическом терминообразовании, входят, как правило, в активное словарное ядро общеупотребительной лексики и являются словами исконно русскими или общеславянскими (*вилка*, *заряд*, *заусенец*, *ковер*, *козырек*, *колонка*, *люлька* - собств.-русс.; *баба*, *ветвь*, *гнездо*, *горло*, *гребень*, *дно*, *дыхание*, *елка*, *замок*, *заплата*, *зеркало*, *игла*, *колокол* – общеслав.).

Таким образом, метафорическое терминообразование является

продуктивным способом создания новых терминов на различных этапах развития терминосистемы нефтяного дела, поскольку способствуют движению исследовательской мысли. В терминообразовании участвуют активные в общеупотребительной лексике слова, чаще всего исконно русские. Не отмечено ни одного семантического терминообразования на основе окказиональных слов. Несмотря на наличие у терминов-метафор определенных коннотаций, они активно внедряются в язык науки, чему способствует их мотивированность, присущая терминам более, нежели словам общелитературного языка, во многих случаях довольно четко прослеживаются основания метафорического переноса. Следует отметить, что термины метафорического способа образования возникают как вторичные наименования уже существующих в конкретной терминосистеме слишком длинных терминов, а также «непонятных» в силу невозможности мотивации заимствований.

Библиографический список

1. Алексеева Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: Дисс... докт. филол. наук. – Пермь, 1998. – 357 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
5. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М.: Филологический факультет, 1996. – 125 с.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т, 2003. – 238 с.
7. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280 с.

УДК 004.738.5

Ж.Т. Таубаев

Казахский Национальный университет имени аль-Фараби

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ИМЕНА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются неофициальные имена (псевдонимы) в интернет-коммуникации, представлено описание псевдонимов и их типология.

Интернет – глобальная информационная компьютерная сеть, представляющая собой всемирное объединение локальных сетей, шлюзов, серверов и компьютеров, использующее единый набор правил и процедур (протоколов), регулирующих порядок осуществления связей между ними.

В современной науке проблематика изучения Интернет-коммуникаций находится в центре внимания многих исследователей, таких, как Ю.Д. Бабаева, Е.П. Белинская, А.Е. Войскунский, А.Е. Жичкина, Д.В. Иванов, Д.И. Кутюгин, J. Steuer, Sh. Turkle, K.S. Young и мн.др. [1, с. 2]. В их трудах в той или иной степени затрагиваются проблемы общения и взаимодействия пользователей в Сети; принципы самопрезентации личности в сетевом общении, выработки идентичности в виртуальном пространстве, особенности формирования складывающихся виртуальных общностей, проблема интернет-аддикций и мн.др. Неослабевающий интерес к интернет-коммуникации вполне оправдан, поскольку с каждым годом расширяется сфера глобальной сети, которая охватила многие поколения цивилизованного человечества, стала неотъемлемой частью его жизнедеятельности.

Развитие Интернета как новой формы общения, широкое распространение чат-коммуникации обусловили масштабное использование псевдонимов (никнеймов, от английского «nickname», что означает «псевдоним»). Как известно, псевдоним, т.е. никнейм, – заменитель личного имени, который использует пользователь Интернет в общении в чате; очень часто никнейм может называть вымышленный образ, который создает для себя сам пользователь. Это уникальное явление в сфере личного именования, которое даёт чаттеру возможность создать желаемый образ, скрыв свое реальное лицо. Возможность анонимного общения, как и возможность общаться со многими людьми одновременно, делают процесс коммуникации посредством Интернета более увлекательным, нежели в реальной социальной среде.

В настоящей статье мы рассматриваем только псевдонимы, которые употребляются в чатах, не принимая во внимания другие формы Интернет-коммуникации.

Вслед исследователями никнеймов, в структурном плане все никнеймы можно представить в виде 2 групп:

1. Монокомпонентные наименования (**ФЕЯ!!!, Незабудка***, СкромНОсть**), **КЛад. ...=**);

2. Поликомпонентные наименования (**Нежная Волна, ~~~` Ярк@Я Zvezd@ `~~~**).

По морфологическому признаку монокомпонентные наименования можно отнести к одной из следующих групп:

1. Именные (**СОЛНце ., Фиалка *, * **_НаРцИсС_** *, KoNFetka *****);

2. Атрибутивные (**\$\$\$__ Желанная_\$\$\$, ...: SeRebRo ::. ., Скромная!!!**);

3. Глагольные (**Обнимаю *****, Думаю .., Рисую**)[2, с. 72].

Таким образом, никнейм – это социальный код, роль, образ, взятый напрокат. Это своеобразная самопрезентация, визитная карточка, которая предъявляется виртуальному обществу для идентификации и, разумеется, привлечения внимания. Например, *Белая и Пушистая, Crazy, .°*”Live for fun”*°.*, *~Жизнь Прекрасна~* [2, с. 73].

С какой целью и для чего многие используют никнеймы? А.Е. Жичкина выделяет несколько факторов:

1. Неудовлетворенность реальной социальной идентичностью.

Это представляет собой осуществление мечты, которая не может реализоваться в реальности. Таким образом, псевдонимы помогают удовлетворить потребность в удовлетворительной для носителя этого имени идентичности.

2. Уход от «нормативности» социальной действительности.

Если для субъекта реальная социальная действительность оказывается чересчур нормативна, т.е. держит его в определенных этикетных рамках, то возникает желание преодолеть определенные нормы. Создав виртуальное «Я», человек получает возможность вести себя так, как хочет он, а не следовать стереотипам, навязанным извне.

3. Испытание нового опыта.

Виртуальная самопрезентация, отличающаяся от реальной идентичности, может создаваться также для того, чтобы испытать новые ощущения, получить новый опыт. «То есть, сетевая идентичность, отличающаяся от реальной идентичности, не только выражает нечто, уже имеющееся в личности, но может быть и стремлением испытать нечто ранее не испытанное».

4. Самоверификация (самоопределение).

Конструирование виртуальных личностей может носить возрастной характер и быть связанным с самоопределением. В интернет-коммуникации многие, в особенности подростки, хотят определить себя с помощью различных заменителей личного имени.

К отличительным чертам псевдонимов можно отнести:

- псевдоним – необязательное именование человека, его функциональный диапазон ограничен сферой межличностного общения в чатах;

- возможность смены псевдонимы. Оригинальный, яркий псевдоним характеризует пользователя как интересного собеседника и неординарную личность;

- желание скрыть за псевдонимом некоторые отрицательные черты личности и показать положительные. В чате участник сам выбирает себе никнейм в зависимости от того, какое впечатление он хочет произвести на собеседников [3].

На наш взгляд, неофициальные имена или псевдонимы будут широко распространяться и играть важную роль в интернет-коммуникации. Это неотъемлемая часть и тенденция современного общения с помощью интернета. Псевдонимы заменяют личные имена людей, помогают людям

быть более раскрепощенными в интернет-коммуникации, добиться каких-либо целей и получить необходимые результаты.

Библиографический список

1. Солодовник В.А. ГОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный технический университет», 2010.
2. Аникина Т.В. Имя собственное в интернет-коммуникации // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 2 (75). – с.71–76.
3. Жичкина А.Е. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета / А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская // Образование и информационная культура. – М., 2000.

УДК 334 Н-401

Ж.М. Уматова, Р.Д. Галяпин

Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В БИЗНЕС-СРЕДЕ

В статье описываются средства невербальной коммуникации в бизнес-среде, рассмотренные с позиции гендера.

В настоящее время гендерные исследования в области языка и межличностной коммуникации привлекают все больший круг исследователей. Язык, который мы используем, полностью отражает восприятие окружающего нас мира. При помощи языка происходит общение и взаимодействие с другими людьми, их восприятие и оценка. «Общаясь с другими людьми, человек усваивает знания, накопленные человечеством, его опыт, установившиеся законы и нормы, ценности и способы деятельности, формируется как личность» [1, с. 18]. Использование языка является основным показателем нашей коммуникативной компетентности, под которой понимается владение сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдение приличий, воспитанность, ориентация в коммуникативных средствах, присущих национальному, сословному менталитету и выражающихся в рамках данной профессии [2, с. 331].

Язык помогает определить, какую роль гендер играет в той или иной культуре, сфере деятельности человека, какие поведенческие нормы присущи для лиц мужского и женского пола. Так, например, для мужчин и женщин

характерны различные вербальные и невербальные средства коммуникации. Согласно А.П. Садохину, под невербальной коммуникацией в лингвистике понимается совокупность неязыковых средств, символов и знаков, используемых для передачи информации и сообщений в процессе общения [3, с. 165]. В основе невербальной коммуникации лежат два источника: биологический и социальный, врожденный и приобретенный в ходе социального опыта человека [3, с. 166].

В данной работе рассматривается невербальный способ коммуникации на примере корпоративной культуры США. Основой для исследования послужил сериал «Офис» – это снятая дрожащей камерой пародия на жизнь современного офиса в жанре документального-реалити шоу о жизни сотрудников компании.

На рабочем месте постоянно происходит процесс общения, мы взаимодействуем с другими людьми, обмениваемся информацией, испытываем влияние других людей на себе, принимаем решения, учитываем мнения окружающих. Во время общения проявляются психологические особенности в нашем поведении. В процессе общения, помимо вербальных, активно используются и невербальные средства коммуникации.

Невербальным путем передается около 2/3 всей информации [4, с. 80]. Невербальная коммуникация передает информацию об индивидуальных признаках отдельного человека: пол, возраст, расовую принадлежность, социальный статус и т.д. Также через невербальные средства можно узнать об отношении коммуникантов друг к другу, их близости или отдаленности, типе их отношений, а также динамике их взаимоотношений.

Невербальная коммуникация представляет собой обмен между людьми невербальными сообщениями и их интерпретацию [1, с. 24]. При этом помимо речевых – зрительного и слухового – каналов в коммуникации активно используются и другие пути, по которым и осуществляется преимущественно невербальная коммуникация [5, с. 14]. Г.Е. Крейдлин ввел такое понятие, как *невербальная семиотика* – наука, предметом которой являются невербальная коммуникация и невербальное знаковое поведение и взаимодействие людей, в которую он включил пять частных наук, таких как *паралингвистика* (наука о звуковых кодах невербальной коммуникации), *кинесика* (наука о жестах и жестовых движениях, о жестовых процессах и жестовых системах), *окулесика* (наука о языке глаз и визуальном поведении людей во время общения), *гаптика* (наука о языке касаний, тактильной коммуникации и тактильном взаимодействии людей) и *проксемика* (наука о пространстве коммуникации, его структуре и функциях) [5, с. 14].

Невербальное коммуникативное поведение мужчин и женщин, или гендерный аспект невербальной семиотики, сложно рассматривать как отдельное явление из-за целого ряда объективных причин. К ним можно отнести и недостаточную разработанность теоретического и методологического подходов в невербальной семиотике, и отсутствие общепринятых взглядов на гендерные проблемы вообще [5, с. 16].

В русле исследуемой нами проблематики целесообразно более подробно остановиться на проксемике. *Проксемика* – это использование пространственных отношений при коммуникации. Данный термин был введен американским психологом Э. Холлом для анализа закономерностей пространственной организации коммуникации, а также влияния территорий, расстояний и дистанций между людьми на характер межличностного общения [3, с. 184].

В Северо-Американской культуре, пространство – это признак власти, люди, владеющие большими территориями, всегда ассоциируются с обладанием большой власти. В этой же культуре женщины и лица обоих полов, обладающие более низким статусом, претендуют на меньшее пространство, чем мужчины и лица, обладающие более высоким статусом. Все это – несмотря на изменившееся социальное положение женщины в корпоративной среде.

Выступая в качестве особой знаковой системы, пространство во время общения несет смысловую нагрузку, являясь компонентом коммуникативной ситуации. В качестве примера можно привести сцену из сериала: начальник, выходя из своего кабинета, сразу попадает в общее помещение, где сидят служащие каждый за своим столом. Никак не комментируя свое поведение, он подходит к каждому, свободно передвигаясь от одного стола к другому. Подходит к офис-менеджеру и просит её собрать всех в конференц-зале (сцена из сериала «Офис», 5 серия).

Исходя из проанализированного видеоматериала, на примере телесериала «Офис» следует подчеркнуть следующее: начальник обладает собственным кабинетом, а люди, занимающие более низкие позиции, имеют только свое рабочее место в общем помещении, причем столы служащих, занимающих одинаковые позиции, расположены вплотную друг к другу и имеют одинаковые размеры.

Рисунок 1 – (кадр из сериала) Так называемый «открытый офис»

Необходимо отметить, что начальник может заходить в рабочую зону своих сотрудников, не уведомляя подчиненных, но, для того чтобы служащему попасть на прием к начальнику, он должен заранее уведомить его об этом, а перед тем как войти, постучать в дверь.

Например, мужчины и женщины по-разному занимают отведенное им пространство. Женщины стараются сидеть и двигаться таким образом, чтобы занимать как можно меньше пространства. Когда они сидят, они стараются держать спину прямо, ноги вместе.

В официальной рабочей среде современная женская мода трактует свои условия, такие, как обтягивающая одежда, юбка, высокие каблуки, которые не позволяют им двигаться свободно как мужчинам. В свою очередь мужчины стараются занять как можно больше пространства, они кладут ногу на ногу, выпрямляют плечи, ставят локти на подлокотник стула.

Также пространство может отражать статус человека и занимаемую им позицию в той или иной компании, чем выше должность, тем больше и просторнее кабинет.

Каждый человек для нормального своего существования считает, что определенный объем пространства вокруг него является его собственным и нарушение этого пространства рассматривает как вторжение во внутренний мир, как недружественный поступок [3, с. 184].

Рисунок 2 – (кадр из сериала) отражение невербальной коммуникации

Также для мужчин в американской культуре характерно класть ноги на стол. Как утверждает Аллан Пиз, в этой позе человека четко прослеживается превосходство, чувство территориальной собственности и господство над окружающими. Когда человек кладет обе ноги на стол, он проявляет свои территориальные претензии на это место [4, с. 101]. Тем самым он старается занять больше пространства.

Э. Холл в результате своих наблюдений выделил четыре зоны коммуникации:

- *интимную* – разделяющую достаточно близких людей, не желающих посвящать в свою жизнь третьих лиц;
- *личную* – расстояние, которое поддерживает индивид при общении с другими людьми;
- *социальную* – дистанция между людьми при формальном и светском общении;
- *публичную* – дистанция общения на публичных мероприятиях [3, с. 184].

Для американцев очень важно их личное пространство, поэтому любые попытки его нарушить строго пресекаются. Следует отметить, что на работе люди, как правило, используют личную и социальную зону коммуникации, так как в большинстве своем ведут деловую беседу и являются коллегами по работе.

Исследование показало, что мужчины и женщины по-разному занимают отведенное им пространство, что они бессознательно подчиняются нормам, принятым в их культуре, чутко реагируют на их нарушение.

В бизнес-среде пространству как форме невербальной коммуникации, отведена большая роль, так как оно несет в себе очень много информации, которая позволяет вести довольно успешный диалог.

Библиографический список

1. Кирилова О.В. Вербально-невербальный «портрет» в гендерном аспекте. – Тамбов, 2008. – 176 с.
2. Куницина В.Н., Казаринова Н.В., Поголыпа В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
3. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.
4. Пиз А. Язык телодвижений. – М.: Эксмо, 2003. – 464 с.
5. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.

УДК 93

О.Г. Усанова, А.Г. Азнагулова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ

В статье рассматриваются вопросы создания словаря-справочника для специалистов-документоведов в аспекте социально-коммуникативной компетентности делового общения, основанного на одном из функциональных стилей современного русского языка – официально-деловом.

В сфере науки, делопроизводства и законотворчества, в средствах массовой информации и в политике язык используется по-разному. За каждой из перечисленных сфер общественной жизни закреплен свой подтип русского литературного языка, имеющий ряд отличительных черт на всех языковых уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом. Эти черты образуют речевую системность, в которой каждый элемент связан с другими.

Официально-деловой стиль закреплен за сферой социально-правовых отношений, реализующихся в законотворчестве, в экономике, в управленческой и дипломатической деятельности. К периферии делового стиля относят информативную рекламу, патентный стиль и обиходно-деловую речь (заявления, объяснительные записки, расписки и т.п.). Организационно-распорядительная документация (ОРД) – вид деловой письменности, наиболее полно представляющий ее специфику. Вместе с различными видами законодательной речи (правила, устав, указ и т.п.) ОРД

представляет собой центр деловой письменности, ядро официально-делового стиля.

Логичность, нейтральность изложения при стандартном расположении текстового материала на листе также весьма существенно отличают письменную деловую речь от устной, которая чаще всего бывает эмоционально окрашенной, асимметричной по принципу текстовой организации. Подчеркнутая логичность устной речи указывает на официальность обстановки общения.

Высокая степень унификации, стандартизации как ведущая черта синтаксиса, высокая степень терминованности лексики, логичность, информационная нагрузка каждого элемента текста, внимание к деталям характерны для языка документов и отличают его от устной спонтанной деловой диалогической речи [5, с. 680].

Документоведение – научная дисциплина, изучающая закономерности формирования и функционирования систем документационного обеспечения управления. И как любая научная дисциплина имеет свои термины. Содержание понятия, обозначенного термином, раскрывается его дефиницией – кратким определением его значения.

Термины обладают рядом свойств: системностью – термин всегда связан с другими терминами данной области; наличием дефиниции (определения); однозначностью толкования термина в пределах одной предметной области, научной дисциплины или сферы профессиональной деятельности; стилистической нейтральностью.

Терминология документоведения включает дефиниции документационного обеспечения управления, а именно все, что связано с процессами создания документов, их обработки, поиска, хранения и использования.

Формирование терминов является результатом изучения предметной области, исследования практической деятельности специалистов, работающих в ней, и тенденций её развития. Любое понятие не статично, оно изменяется с течением времени, по мере углубления исследований предметной области. Одни термины уточняются, другие перестают адекватно отражать действительность и переходят в разряд малоупотребительных, а также возникают новые понятия.

Современный документовед – это специалист, получивший специальное высшее образование, работающий в организациях и учреждениях всех уровней управления, направлений деятельности и форм собственности.

В свете изложенной информации следует отметить, что в настоящее время, к сожалению, при наличии всевозможных словарей, освещающих различные сферы современной коммуникации [1,2,3,6] не создано специализированного терминологического словаря специалиста-документоведа.

Изданный, благодаря усилиям студентов Челябинской государственной академии культуры и искусств, словарь-справочник [4] призван служить не

только справочным пособием, но и источником знаний, необходимых в повседневной (бытовой/производственной) деятельности. Его лексический состав ориентирован на применение в деловом общении.

Размеры статей в терминологическом словаре-справочнике документоведа различны, они зависят от содержания того или иного термина или понятия. Слова, которые являются не просто терминами в составе какой-либо темы («документ», «реквизит», «документооборот» и т.п.), а сами обозначают темы и представляют собой сложные понятия («письмо», «стандарт», «текст» и т.п.), даны в большем объеме, достаточном, чтобы читатели получили о них ясное представление и могли воспользоваться полученными знаниями в процессе делового общения и оформления документов.

Материал в словаре-справочнике сгруппирован в виде статей, расположенных по алфавиту. Для удобства чтения в текстах статей не все определяемые термины и понятия даны в сокращении, например: Автоматизированная система управления (АСУ), – это сделано, как правило, только в случаях, если термин состоит из нескольких слов и статья достаточно объемна.

Словарь-справочник составлен по материалам электронного лексического фонда русского языка (Санкт-Петербургского государственного университета) с привлечением материалов, представленных в статьях, монографиях, учебных пособиях по деловому общению, документоведению, делопроизводству, а также в средствах массовой коммуникации и на сайтах Интернета. Терминология, составляющая словник словаря-справочника, отражает наиболее актуальные понятия деловой жизни современной России.

Словарь-справочник явился своеобразным итогом работы студентов будущих специалистов в области документоведения и делопроизводства в процессе изучения специального курса «Язык профессиональных коммуникаций». Именно социально-коммуникативная компетентность студентов позволяет расширять профессиональные компетенции.

Словарь-справочник включает более 400 терминов, понятий, выражений, как из области документоведения, так и из областей, тесно связанных с деловым общением. Назначение словаря – дать читателю сведения об их значении, правильном грамматическом употреблении. Широкий круг охватываемой лексики позволяет использовать издание как справочное пособие всем, кто интересуется вопросами деловой коммуникации.

Работа выполнена в рамках полученного студентами Гранта конкурса Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Первый опыт создания терминологического словаря-справочника документоведа явился основой в совершенствовании начатой работы. Именно современные студенты и дневного, и заочного обучения вносят дополнения и исправления в словник данного издания и продолжают совершенствовать и пополнять свой профессиональный опыт.

Библиографический список

1. Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 672с.
2. Гуревич П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник. – М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 528с.
3. Склярская Г.Н. Словарь сокращений современного русского языка. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 448с.
4. Терминологический словарь-справочник документововеда/сост. Е.В. Чухнина О.С. Селиванова, О.Г. Усанова; ФГОУ ВПО «ЧГАКИ», Челябинск, 2009. – 40с.
5. Усанова О.Г. Социально-коммуникативная компетентность студентов в аспекте лексикографии лексикографии / О. Г. Усанова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3 (33). – С. 679 – 684.
6. Юридический словарь / Сост., предисл., прилож. А.Ф. Никитина. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 640 с.

УДК 811.1

О.Г. Усанова, И.А. Балабуев

Челябинская государственная академия культуры и искусств

СИМВОЛИКА КОЛОРИЗМА «РОЗОВЫЙ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Цвета влияют на наше мышление и чувства. Они становятся символами, служат сигналами, предостерегающими нас, радуют, печалят, формируют наш менталитет
(Л.Шнайдер)

В статье предлагается сопоставительный анализ процессуальных фразеологизмов с компонентом – прилагательным, имеющим «цветовое или световое» значение. Представлено описание символики розового цвета, своеобразной языковой универсалии, в классических литературно-художественных произведениях, а также в современной публицистике.

Фразеология – явление универсальное, свойственное самым различным языкам мира. Поэтому в настоящее время актуально сопоставление русского фразеологического материала с материалом изучаемых в России иностранных языков. Великий немецкий философ и поэт Гёте сказал: «Кто не знает иностранных языков, не знает ничего о своем родном». Авторы первого учебника русского языка, построенного на сопоставлении русской лексики и фразеологии с материалом других языков, Ю.П. Солодуб и Ф.Б. Альбрехт отмечают следующее: «Сопоставляя лексику и фразеологию современного русского языка с однотипными сферами английского, французского,

немецкого и испанского языков, мы преследуем цель более глубокого проникновения наших читателей в особенности родного языка» [3, с. 7].

В данной статье предпринята попытка провести сопоставительный анализ процессуальных фразеологизмов с компонентом – прилагательным, имеющим «цветовое или световое» значение. В последнее время внимание фразеологов привлекает изучение символики цвета в русском языке. Лингвистике цвета посвящены работы В.Г. Кульпиной, Н.В. Коптевой, В.М. Мокиенко и др. Исследование этого феномена позволяет понять особенности русского народа, его историю, традиции, обряды, приоткрыть тайну «загадочной русской души». Символика цвета – это своеобразная языковая универсалия. С каждым цветом у разных народов связаны определенные ассоциации, что обусловлено историческими, политическими, религиозными, культурологическими и другими национальными особенностями [1, с. 36].

О розовом цвете – смеси белого и красного сказано достаточно много противоречивого в русском языке. Мы отмечаем, что особенностью фразеологизмов является их способность номинировать противоположные явления действительности. Эта особенность ФЕ отражена, на наш взгляд, во фразеологизмах с компонентом-колоризмом *розовый*: *розовые мечты* – «идеализированные, порой нереальные желания», *видеть в розовом/радужном свете ч-л, видеть в розовом цвете ч-л* – «смотреть на что-либо благодушно, неоправданно оптимистично», *смотреть сквозь розовые очки на ч-л* – «воспринимать идеализированно, лучше, чем есть на самом деле». Компонент розовый несет в себе семантику «оптимизма» и в то же время «грез, мечтаний».

Безусловно, с каждым цветом связаны определенные ассоциации, а его символы связаны с жизнью страны, обычаями народа. Символика розового цвета нашла свое воплощение в мифологии разных народов. Древние греки верили, что «*розоперстая*» богиня утренней зари Эос поднимается каждое утро со своего любовного ложа. Эос соблазнила Ареса, и за это Афродита наказала ее – вселила в Эос постоянную любовную тоску. В китайской мифологии «Госпожа лазоревой зари» - покровительница детей, защитница их здоровья, дает младенцам жизнь, спасает от оспы [4, с. 163]. Как известно, датский врач Нильс Финнен в 1903 году получил Нобелевскую премию в области медицины. Он открыл способы лечения с помощью света разного цветового спектра. Последствия оспы лечат розовым и красным цветом.

В современном мире *розовый* – цвет дамского любовного романа может указывать на эмоциональную изоляцию, и даже одиночество. Розовый цвет сказки: «Розовые облачка, похожие на помадки, слились и увенчали башни золоченого пряничного замка, а розовые младенческие пальчики почек на деревьях, казалось, растопырились и тянулись к ним изо всех сил». Так описывает Честертон природу в «Волшебной сказке отца Брауна». Таким образом, и в языковом сознании древних людей, и в сознании современного человека розовый – цвет детства, юности, нежности, наивности, незащищенности. Приведем языковые иллюстрации:

*Я советовал ему просить звания историографа; он считал это невозможным, говоря, что по обычаю моему **вижу все в розовом свете** (Дмитриев, Взгляд на мою жизнь).* В приведенном примере фразеологизм *видеть в розовом свете* что-либо употреблен в значении «не иметь реального представления о действительности». Компонент «розовый» формирует значение «романтичный, инфантильный, наивный». Фразеологизм представляет кальку (дословный перевод) с французского языка, восходит к английскому обороту «в розовом свете», «в добром здравии». «Pink» когда-то было у англичан названием гвоздики, затем приобрело значение «розовый». Традиционно у разных народов розовый свет ассоциировался с добрым здоровьем и благополучием, с благодушием и совершенством [2, с. 518].

Это процессуальный фразеологизм, так как обозначает состояние как процесс. Говорящий употребляет данную единицу с целью охарактеризовать коммуниканта как человека, оторванного от реальности, излишне впечатлительного и наивного.

- ...*Когда ты идешь вверх, у тебя все хорошо: успех, деньги, друзья. И жизнь в розовом цвете представляется. Но лишь тогда, когда пошло падение, ты действительно можешь оценить по-настоящему себя и окружение* (О.Пушкина, Великая сила любви). Говорящий стремится передать свое мироощущение, выражает свою позицию, употребляя целый набор фразеологических единиц, среди которых ФЕ *представляется в розовом цвете* в значении «испытывать чувство удовлетворения, не замечать очевидных вещей». Компонент розовый несет сему «наивный, восторженный», так как и в русском языке, и в языках европейских культур традиционно символика розового цвета обладает яркой оценочностью. Розовый – цвет детства, наивности, грез, фантазий. Смесь белого и красного образует розовый цвет, который одних людей привлекает, кажется им романтичным, других – раздражает, а третьи в нем прячутся от накопившихся проблем.

Рассмотренные фразеологические единицы активно представлены в классических литературно-художественных произведениях, а также в современной публицистике. Мир «цветной фразеологии» поражает богатством и разнообразием различных ассоциаций, «культурных смыслов». В нем отражены представления наших далеких предков о световых и цветовых явлениях окружающего мира, символике цвета, которым в культуре того или иного народа придавались различные значения и смыслы. Данные фразеологизмы содержат как положительную, так и отрицательную оценку действительности, так как традиционно в народном сознании тот или иной цвет ассоциируется с самой жизнью, которая не может быть только плохой или только хорошей.

Таким образом, выявление национальных особенностей фразеологической системы того или иного языка позволяет приоткрыть завесу культурных обычаев, традиций, воззрений народа, постичь загадку его неповторимой души.

Библиографический список

1. Мокиенко В.М. Образы русской речи / В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1999. – 461 с.
2. Словарь русской фразеологии / сост. А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 2001. – 700 с.
3. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Лексика и фразеология современного русского литературного языка : учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука. – 256 с.
4. Фирсов В. Тайная власть цвета: прогулки по радуге / В. Фирсов. – М.: Центрполиграф, 2004. – 350 с.

УДК 811.161

Е.В. Чаплина

Орловский государственный университет

НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА С КОМПОНЕНТОМ «РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ОРЛОВСКИХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ)

В статье предлагается анализ негативно-оценочной лексики с компонентом «речевая деятельность» на материале неофициальных орловских сайтов.

Язык как система находится в непрерывном движении, динамике, и самым подвижным уровнем языка является лексика: она в первую очередь реагирует на все изменения в обществе, пополняясь новыми словами. Но не всегда язык пополняется положительными и нейтральными словами. В современном обществе наблюдается тенденция к активизации процесса негативного оценивания человеком окружающей действительности. Особенно ярко этот процесс проявляет себя в видах коммуникации, не подвергаемых строгой официальной цензуре, таких, в первую очередь, как социальные сети в интернет-пространстве, где каждый пользователь имеет возможность свободно (порой излишне) высказывать своё мнение, подвергая оценке всё и вся без ограничений.

Как известно, оценка является формой выражения человеком своего мнения относительно предметов окружающего его мира. В «Словаре лингвистических терминов» «под оценкой понимается «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п.», а также семантико-синтаксическая категория, выражаемая соответствующим синтаксическим употреблением разных частей речи: существительного, качественного прилагательного и наречия, и выражающая отношение говорящего к предмету речи» (СЛТ: 305).

Исследователь Н.В. Ильина уточняет сущность оценки, природой которой считает практическую значимость оцениваемого объекта для субъекта. По её мнению, оценка – это «умственный акт, являющийся

результатом взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Человек оценивает способность того или иного объекта удовлетворять его потребности, желания, интересы или цели. Найдя предмет или его свойство полезным, приятным, добрым, красивым и т.п., он совершает оценку» [Ильина, 1982, с. 63]. Е.А. Чернявская, в свою очередь, характеризует оценку не как логическую, а как языковую категорию: «Оценка – это языковая категория, являющаяся отражением логической категории, мыслительных процессов, приводящих к установлению ценности всевозможных объектов» [Чернявская, 2001, с. 86]. Из этих определений вытекает, что оценка – категория и логическая, и языковая.

Как отмечает Е.А. Чернявская, «по «отношению» объекта оценки к человеку как источнику познавательных и оценочных процессов все оцениваемые объекты делятся на три тематических ряда: «Человек», «Артефакты», «Внешний мир». По мнению исследователя, в ряд «Человек» входят объекты, присущие человеку, связанные непосредственно с ним и отражающие его в целом, в ряд «Артефакты» – объекты, созданные с человеком, в ряд «Внешний мир» – объекты, независимые от человека. Оценке подвергается то, что человек считает важным для себя – приносящим ему пользу и благо или влекущим опасность и зло. Взаимодействие, с одной стороны, человека как субъекта оценки и, с другой стороны, самих предметов, явлений окружающей его действительности как объекта оценки носит комплексный двусторонний характер: «И субъект, и объект оценки предполагает наличие субъективного и объективного факторов, которые находятся в сложном взаимодействии» [Чернявская, 2001, с. 45].

Исследование предметной (в широком смысле) лексики в материалах неофициальных орловских интернет-сайтов («Записки «экстремиста» Георгия Саркисяна (ГС), «Регион 57» (Р 57)) позволило нам выявить группы оценочных имён существительных, входящих в различные тематические ряды. Одной из самых продуктивных и полных по составу групп, по нашему наблюдению, является группа имён существительных, соотносимых с оценкой мира людей, а именно: характеристикой отдельных личностей, их качеств (интеллектуальных, моральных, физических, культурно-социальных и др.), объединений лиц, действий, поступков, деятельности лиц.

В данной статье мы обратимся к лексической группе негативно-оценочных слов, в лексическом значении которых актуализируется семантический компонент 'речевая деятельность'. Данная группа, представленная именами существительными, включает следующие лексические единицы: *брехня, дурка, дурь, лабуда, лапша, нецензурица, похабщина, тисанина, пурга, пустозвонство, утка*.

Все слова данной группы обозначают абстрактные понятия,

1. Оценка содержания процессов / продуктов речевой деятельности:

1) интегральная сема 'ложь, враньё': *брехня, пурга, утка, дурка, дурь, лапша,*

2) интегральная сема 'пустословие, бессодержательность': *лабуда, тисанина, пустозвонство*

2. Оценка формы продуктов речевой деятельности:
интегральная сема 'неприличная форма выражения': *нецензурищина, похабщина*.

Внутри каждой группы можно выделить две подгруппы в зависимости от критерия: с какой именно позиции оцениваются те или иные продукты речевой деятельности. Внутри выделенной нами первой группы можно выделить вторую группу в зависимости от того какая сема является интегральной. Мы обнаружили, что ряд сем содержит интегральную сему: ложь, враньё. Ко второй группе можно отнести слова с семой: пустота, бессодержательность.

Интегральная сема 'ложь, враньё' актуальна в следующих словах: : *брехня, пурга, утка, дурка, дурь, лапша*.

Интегральная сема 'пустота, бессодержательность' в словах: *лабуда, писанина, пустозвонство*.

Во второй группе нами анализируются слова, которые в значении своём несут оценку форм продуктов речевой деятельности. Мы выделили одну интегральную сему 'неприличная форма выражения'. Данная сема представлена следующими лексическими единицами: *нецензурищина, похабщина*.

Слово *брехня*, употреблённое в исследуемом нами материале в контексте *Да и не на всякую брехню "наотгавкиваешься"* (Р 57), в толковых словарях русского языка толкуется следующим образом: *брехня* – «Прост. Вранье, вздор, болтовня» (БАС: 2: 188); «Разг.-сниж. Враньё, вздор» (БТС: 96).

Отметим, что в лексическом значении слова *брехня* «вранье, вздор, болтовня» два семантических компонента 'вранье', 'болтовня' прямо соотносятся с речевой деятельностью. Сема 'вздор' соотносится с данным видом деятельности опосредованно, через понятия «ерунда, чепуха». *Ерунда* – «Разг. Чепуха, нелепость, вздор. ◇ Прост. Пороть, молоть, плести ерунду» (БАС: 5: 541). *Чепуха* – «Разг. О высказывании, суждении, не заслуживающем внимания, не имеющем значения; вздор, чушь» (БТС: 1471). Денотатом понятия «чепуха» являются формы речевой деятельности – высказывание, суждение. На соотнесённость с формами речевой деятельности понятия «ерунда» в лексическом значении слова указывает ссылка на понятие «чепуха», что позволяет считать слова *ерунда* и *чепуха* синонимичными.

Однокоренные слова *дурка, дурь* употреблены в следующих высказываниях: *Ни х@я, Вова, не делается, это тебе не дурку гнать на "амбициях" и бюджеты "пилить" - здесь работать надо* (ГС); ... *такую же дурь иногда морозите* (Р 57). В контексте выражение *гнать дурку* приобретает значение «говорить глупость, пороть чушь, молоть ерунду». В данных контекстуальных значениях слов *дурка* и *дурь* выделить семантический компонент «речевая деятельность» при помощи слова *гнать* и словосочетания *гнать дуру*. В основе лексического значения слова *гнать*

лежит понятие «речевой акт»: «1. Говорить, рассказывать (обычно привирая, фантазируя, придумывая, сочиняя). 2. Делать, производить, что-л. 3. Давать, отдавать. 4. Заниматься самогоноварением. 5. Идти. ◇~ *тюльку* (или *гамму*, *пургу*, *порнуху*, *голландию*, *туфту*, *стружку* и т.п.) – лгать, пустословить, завираться. ~ *волну* – нагнетать напряжённость, накалять обстановку, взвинчивать, разжигать страсти, обострять конфликт» (ТСРС: 87). В лексическом значении словосочетания *знать дуру* – *Гнать дуру* – «Говорить глупости, лгать» (ТСРС: 116) ярко выражен акт говорения.

Слово *дурь* имеет следующее значение в словарях: «1. *Разг.-сниж.* Проявление глупости, самодурства (часто как каприз) 2. *Жарг. нарк.* Любое наркотическое вещество для курения» (БСР: 162). Из данного толкования можно выделить два компонента 'глупость', 'самодурство'. В другом толковании выделяются семы: *блажь* и *сумасбродство*: *Дурь* – «*Разг.* Блажь, сумасбродство» (БТС: 288). Абстрактность имени существительного *дурь* можно доказать через значение словосочетания *сморозить дурь*, глагол *сморозить* имеет следующее значение «*Разг.* Сказать что-л. нелепое, глупое, вздорное» (БТС: 1219). В данном значении выделяются определения *нелепое*, *глупое*, *вздорное*.

Слово *лабуда* употреблено в следующем контексте: *Поскольку в конечном счете, вся эта лабуда – бред неосведомленного человека. Мы будем вести речь по существу* (Р 57). В толковых словарях даны синонимичные значения данного слова *лабуда* – «Ерунда, чушь, чепуха; что-л. плохое, негодное» (ТСРС: 198); «*Жарг.* Что-л. недостойное внимания, несерьёзное, ерунда» (БСР: 288); «*жарг.* Ерунда, чепуха» (ТСНЛ: 381); «*пренебр.* Что-л. недостойное внимания, несерьёзное; ерунда» (МС: 337).

Отметим, что в лексическом значении слова *лабуда* «ерунда, чушь, чепуха» три семантических компонента 'ерунда', 'чушь', 'чепуха' прямо соотносятся с речевой деятельностью. Сема 'ерунда' соотносится с данным видом деятельности прямо: *ерунда* – «*Разг.* Чепуха, нелепость, вздор. ◇ *Прост.* Пороть, молоть, плести ерунду» (БАС: 5: 541). Также сема 'чушь' напрямую связана (это видно из значения) с речевым актом, значения слова *чепуха* – «*Разг.* О высказывании, суждении, не заслуживающем внимания, не имеющем значения; вздор, чушь» (БТС: 1471) разъясняет нам, что данная лексическая единица соотносится с речевой деятельностью. Значение слова *бред*, взятое из контекста, позволяет нам утверждать, что ЛЕ *лабуда* соотносится с речевой деятельностью: *Бред* – «1. Бессознательное состояние больного, сопровождающееся бессвязной, бессмысленной речью; сама такая речь. 2. *Мед.* Симптом психического заболевания – расстройство мыслительной деятельности. 3. *собир. Разг.* Бредовые мысли, речи и т.п.» (БТС: 96).

Слово *лапша* в русском языке имеет несколько значений: прямое и переносное. *Лапша... лапша кругом разная.. можно на балансе поиграть и посмотреть... кто себя в каком свете покажет...* (Р 57); *И лапша, gleb, в этом вашем забалтывании и тявканьи из подворотни* (Р 57). В показанном контексте слово употреблено в переносном значении: «*жарг.* Ложь, враньё»

(ТСНЛ: 385).◇ лапшу на уши вешать *кому прост.* Обманывать, рассказывать небылицы, лгать, заговаривать зубы; «Нечто незначительное, неважное; ложь, сплетни, выдумки» (ТСРС: 199); «*Жарг.* Ложь, обман, дезинформация» ◇ Вешать (навесить, навешать, развешать/развешивать, повесить...) [лапшу на уши] кому. *Насмешл. жарг.* Вводить в заблуждение, обманывать, придумывать небылицы» (БСР: 91); «*Перен. Разг.* О чем-л. несущественном, малозначительном, третьестепенном» (БАС: 9:59).Из приведенных контекстов и из толкования слова *лапша* можно сделать вывод о том, что в контексте имеется виду «говорить неправду», то есть присутствует акт говорения. В контексте употреблён глагол *заболтать* «*Разг.* Начать болтать, говорить что-л. пустое, незначительное» (БТС: 311); «*Разг.-сниж.* Повторять одно и то же, чрезмерно и поверхностно обсуждая что-л., обесценить смысл, подменить разговорами дело» (БСР: 192).

В словарной статье приводится пример: «◇ лапшу на уши вешать кому-то. *Прост.* Обманывать, рассказывать небылицы, лгать, заговаривать зубы», в связи с этим можно сделать вывод, что слово *лапша* соотносится с речевой деятельностью.

Слово *нецензурица* употреблено в следующем контексте: *Журналисткой, выдающей за "поступок" – надругательство нецензурицей и унижение личности, а за политическую борьбу - похабщину от труса, уваливающего от уголовной ответственности* (Р 57).

Слово *нецензурица* имеет следующее значение, которое зафиксировано в толковом словаре: «*Разг.* Нецензурные слова; мат, сквернословие» (БТС: 647).

Нецензурица – «*Разг.* Нецензурные слова; вообще что-л. неприличное» (БАС: 12: 377).

Слово *мат* зафиксировано в толковом словаре со значением: «*Разг.* Неприличная, оскорбительная брань; сквернословие»(БТС:524).

Слово *сквернословие* имеет следующее значение: «Употребление неприличных, непристойных слов, выражений; брань, ругань» (БТС:1194).

Слово *похабщина* употреблено в контексте: *Журналисткой, выдающей за "поступок"– надругательство нецензурицей и унижение личности, а за политическую борьбу – похабщину от труса, уваливающего от уголовной ответственности* (Р 57).

Слово *похабщина* в русском языке имеет следующее значение: «*Разг.* То, что является похабным» (БТС: 945)

Похабщина – «*Прост.* Похабные разговоры, похабные, непристойные ругательства» (МАС: III: 339).

Похабщина – «*Прост.* Похабные слова, разговоры, поступки и т.п.» (БАС 19: 311).

Слово *писанина* дано в контексте: *И изначально я хотел проанализировать его писанину и соотнести с действительностью* (Р 57).

Слово *писанина* в русском языке имеет значение: «*Пренебр.* = Писание (1-2 зн.). 3. *Разг.* О многословном, бессодержательном сочинении» (БТС: 833).

В словаре имеет следующее значение: «Разг. 1. Составление, ведение деловых, официальных бумаг, часто ненужное и занимающее много времени (обычно с оттенком пренебрежения). // О литературной, журналистской, эпистолярной деятельности кого-л. (обычно малопродуктивной, свидетельствующей об отсутствии одаренности, таланта). 2. О каких-л. письменных документах, обычно малозначительных, несущественных» (БАС: 16: 582).

Слово *пурга* употреблено в контексте: *По существу – шши, а пурги нагоните – сугроб...* (Р 57); *Пургу не несите* (Р 57).

Слово *пурга* имеет несколько значений в русском языке, в данном контексте слово *пурга* употреблено в переносном: «2. Жарг. Вздор, чушь, ерунда. *Пургу нести* (говорить глупости, болтать попусту)» (БТС: 1046).

Гнать (*нагнать/нагонять пургу/пурги*) – «Неодобр. жарг. Вводить в заблуждение, обманывать кого-л., сильно преувеличивать что-л.» (БСР: 512).

Слово *пустозвонство* дано в контексте: *Пустозвонство, да и только* (Р 57).

Слово *пустозвонство* имеет в русском языке следующее значение: «От пустозвон. Презр. разг. Болтун, пустомеля» (БСР: 512). Слово *пустозвонство* зафиксировано в словаре в следующем значении: «Бессодержательные речи, пустые слова, фразы» (БТС: 1047); (МАС: III: 561).

Слово *утка* употреблено в контексте: *Мы лишь постараемся обозначить те специально запущенные через статью "утки", которые выгодны некоторым политическим силам* (Р 57).

Слово *утка* в русском языке имеет несколько значений, в данном контексте слово употреблено в переносном: «3. Разг. Ложный сенсационный слух» (БТС: 1406); (МАС: IV: 533).

Слово *слух* зафиксировано в толковом словаре в значении: «3. Весть, известие о чём-л.; молва, толки» (БТС: 1213).

Для авторов-составителей ключевым является (опираясь на количественное соотношение) содержание, а не форма. Важнее что говорят, чем как говорят. По мнению авторов, оценке в большей степени подвергается то, что не является правдой.

Библиографический список

1. БАС – Большой академический словарь русского языка. Т 1-19, М., С-Пб., «Наука», 2007.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2002.
3. БСР – Химик В.В. Большой словарь разговорной экспрессивной речи: СПб.: Норинт, 2004.
4. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т./РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой, 4-4 изд., – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
5. ТСНЛ – Толковый словарь ненормативной лексики русского языка / Д.И. Квеселевич. – М.: ОО «Издательство Астрель»., 2003.

6. ТСРС – Толковый словарь русского сленга/ Елистратов В.С. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 672 с. – (Словари русского языка).

7. ГС – Журнал Георгия Саркисяна «Записки «экстремиста» – <http://g-sarkisyan.livejournal.com/50051.html>.

8. Р57–Информационное агентство Регион 57 – <http://www.region57.ru/>.